

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

КЪ ГАЗЕТЪ

НОВОЕ ВРЕМЯ

ЗА ДЕКАБРЬ 1914 ГОДА

Муха

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13915

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 6-го (19-го) ДЕКАБРЯ 1914 ГОДА.

№ 13915

С. Плешинский 1917.

Его Императорское Величество Государь Императоръ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ.

По фот. Воассона и Эгглера, рис. С. Плешинскій.

б.
нн
лса
оей
за-
тен-
на

Забывший урок.

Из жизни XIII века.

«Мы должны завоевать свое место под солнцем».

Из немецких газет.

Ландмейстеру пишет ливонский посол
 Отчет чрезвычайно подробный.
 Доносит посол: миг удобный пришел
 Расправиться с волиницей злобой.
 Поссорился Новгород с князем своим,
 Народ бы и рад помириться.
 Но влище люди κραчать:—Не хотим!
 Нам слаще врагам покориться!—
 И, важно прослушав посольский отчет,
 Ландмейстер на Новгород войско ведет:
 Ливонец идет за Ливонцем
 Занять свое место под солнцем.

И вот к Ярославу бояре во двор
 Идут с повгородским владыкой
 Устами святителя—кончить раздор
 Весь Новгород просить Великий.
 — Ей, княже, беда! Супостаты пришли!
 Грозит нам судьба князя Влчки!
 Пришли же к нам сына и строго вели,
 Чтобы не дал он Нѣмцам потачки!
 И скорбному слову святителя внявъ,
 На ворогов сына послать Ярославъ,
 Чтобы Нѣмцев на место поставит
 И тѣм Новгородцев прославит.

Ночь громкий призывъ: «Новгородцы, за мной!»

Спаси насъ святая Софія! —
 Къ Воронѣму Камню тропой ледяной
 Дружини събѣжать удалыя.
 Удалы и могучь ихъ неожиданный налетъ:
 Гдѣ соколомъ влкъ пролетаетъ,
 Тамъ гладкій, на солнцѣ сверкающій, ледъ
 Подъ кровлю горячею таетъ.
 Мени новгородскіе смѣртно разятъ...
 Святая Софія! Отбѣгъ супостатъ,
 И тотъ лишь въ полонъ не достался,
 Кто въ сѣбѣ на мѣстѣ остался...

И съ плѣнными князь разговоры повелъ: — Познали вы, Нѣмчики, горе...

Чортъ не съ вась сюда!...— Да писать намъ посоль,

Что ты съ Новгородцами въ ссорѣ?...— При чемъ же тутъ сора? Въ чужія дѣла

Носы вамъ совать не пристало;
 Зачѣмъ было слушать невѣжду-посла? — Да мѣста подъ солнцемъ намъ мало...

Князь, плывуль и въ Новгородъ ѣдетъ верхомъ,

А рыцарей гонятъ за конскимъ хвостомъ,
 Да влѣаетъ Нѣмецъ надменный,
 Гдѣ мѣсто его во вселенной.

И. Пересвѣтовъ.

Новое о кончинѣ Пушкина: отношеніе къ ней русскаго общества.

Какъ извѣстно, трагическая кончина Пушкина до сихъ поръ еще не выяснена во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Изъ глупины семейныхъ архивовъ появляются, однако, отъ времени до времени матеріалы, которые понемногу понимаютъ предъ нами все болѣе и болѣе завѣсь, покрывающій драму, пережитую Пушкинымъ въ послѣдніе годы его жизни, и характеризующіе то общество, въ которое попалъ онъ въ страстномъ желаніи веселить свою юную красавицу-жену.

Въ послѣднемъ выпускѣ издаваемого гр. С. Д. Шереметевымъ историческаго сборника «Старина и Новизна» (кн. XVII) напечатаны въ высшей степени интересныя письма къ матери изъ-за границы Андрея Николаевича Карамзина, —

* Князь Вячко, сидѣвшій въ Юрьевѣ, погибъ со всѣми прочими защитниками при взятіи города Шымчана въ 1224 году.

сына знаменитаго историографа, — за 1836 и 1837 годы. Письма эти зацѣплены болѣею частью подробностями заграничной жизни и впечатлѣній молодого двадцатидвухлѣтняго офицера конной гвардіи, но содержатъ въ себѣ не мало данныхъ и о Пушкѣ, и объ убійствѣ его Дантесъ, вслѣдствіе подученнаго Карамзинымъ и вѣстія стро о ржовомъ исходѣ дуэли. Семья Карамзинныхъ была въ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и въ высшемъ петроградскомъ обществѣ пользовалась нѣкоторымъ значеніемъ, которое ревниво подерживала вдова историографа, Екатерина Андреевна, бывшая побочною дочерью князя А. И. Вяземскаго. Юный сынъ ея, какъ всѣ русскіе люди того времени, былъ горячимъ поклонникомъ Пушкина, но, безспорно, страдалъ на себѣ вліяніе и предразсудки среды, въ которой вращался онъ подъ руководствомъ матери. Ея письма, къ сожалѣнію, остались ненапечатанными, хотя могли бы служить дополненіемъ къ письмамъ сына и въ нѣкоторыхъ случаяхъ ихъ объясненіемъ.

Извѣстіе о смерти Пушкина А. Н. Карамзинъ получилъ отъ матери въ Парижѣ только 12 февраля, по старому стилю. «Я получилъ ваше горестное письмо съ убійственнымъ извѣстіемъ, — отвѣчалъ онъ ей, — и до сихъ поръ не могу опомниться! Милый, свѣтлый Пушкинъ, тебя нѣтъ! Я плачу съ несчастными жертвами (виновными или нѣтъ) ужаснаго происшествія. Поздравьте отъ меня петербургское общество, маманка, — оно срабало славное дѣло! Пошлыми слетнами, низко званіемъ къ генію и къ красотѣ оно довело драму, изъ сочиненную, къ развалкѣ; поздравьте его, оно стоитъ того. Бѣдная Россія! Одва звѣзда за другою гаснетъ на твоёмъ пустынномъ небѣ, и вразсво смотритъ, не зажигается ли заря, на востокъ — тепло.

«Пушкинъ, это высокое созданіе, оставилъ мѣръ, въ которомъ онъ не былъ счастливъ». Возвратился въ отчину всего прекраснаго; жалки мы, которые его оплакиваемъ, которые лишились того, который украсилъ нашъ кругъ своимъ присутствіемъ, наше отечество — своей славой, который озарилъ насъ всѣхъ отблескомъ своего свѣта. Нельзя и грубно искать виноватыхъ въ несчастныхъ... Бѣдная, бѣдная Наталья Николаевна! Сердце заливається кровью при одной мысли о ней... Александра Осиповна¹⁾ горько плакала. Верочемъ собрались у нихъ Соболевскій, Платоновъ... Remplis du ressentiment de l'amitié ils en prononçaient des anathèmes impropres²⁾... Богъ имъ проститъ, я не могъ и въ вторитъ ни сердцемъ, ни словами, и ушелъ, потому что мнѣ стало неприятно, и я увѣренъ, что если бы великій покойникъ насъ могъ слушать — онъ поблагодарилъ бы меня. Онъ же сказалъ: «Что бы ни случилось, ты ни въ чемъ не виновата»... Да будетъ по слову его. Я не знаю, что сказать о Дантесѣ. Если правда, что онъ послѣ свадьбы (съ ея сестрой) продолжалъ говорить о любви къ Натальѣ Николаевнѣ, то — il est jugé, но я не могу и не хочу вѣрить... Неужели не открылся зѣбя, написавшая безименныя письма, и клеймо всеобщаго презрѣнія не приложится къ лицу злодѣя и не прогонитъ его на край свѣта?»

Спустя дѣвъ недѣль, получивъ дополнителныя свѣдѣнія отъ матери о сочувствіи русскаго общества къ погибшему поэту и о толкахъ по поводу его дуэли, А. Н. Карамзинъ писалъ матери: «Не все же у насъ умерло, не все же холодно и безчувственно... Милые, добрые мои сограждане, какъ я люблю васъ! Но, съ другой стороны, то,

¹⁾ Курсивъ подлинника.
²⁾ Вдова поэта.
³⁾ Извѣстная Смирнова, урожд. Рос-

сетъ.
⁴⁾ Полные чувства дружбы къ убитому, они безжалостно проклинали...

что мнѣ сестра пишетъ о сужденіяхъ того общества¹⁾, высшего круга, го- рошлаго общества²⁾, влсаго круга, го- стинной аристократіи (чортъ знаетъ, какъ меня нимало не матери: «Нашъ посолъ ведетъ себя какъ, только что не сказалъ въ рѣшму, а, право, стоитъ того. Не говорю про нашего брата, мальчишку, но про дамъ, не обираетъ ни на кого вниманія, ни съ кѣмъ не учтивъ, а иностранцамъ и здѣшнимъ съ кого же прѣмѣръ брать, какъ не съ посла, а оттого англійскія выдры пляшутъ на всѣхъ блазахъ, а Полуектова съ трудомъ выпрашиваютъ себѣ шивтадинъ». Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ от- мѣчаетъ Карамзинъ отношеніе къ Пушкину великаго князя Михаила Павловича, котораго онъ встрѣтилъ въ дальнѣйшемъ путешествіи своемъ по Италіи: «Егорсе слово его ко мнѣ было про Пушкина, онъ взялъ меня за руку, увелъ въ кабинетъ и просилъ разсказать все, что я знаю. Я ему предложилъ прочесть письмо ваше, онъ обрадовался; я за нимъ сбѣгалъ и вверхъ и прочелъ ему. Адьютанты говорятъ, что это извѣстіе подѣйствовало на его здоровье, его тамъ, гдѣ нѣтъ его, которые здѣсь еще увѣряли, что смерть Пушкина не тронетъ жены его, que c'est une femme sans coeur. Твое письмо, милая сестра, имъ отвѣтъ, и оно не обмануло меня».

Въ слѣдующемъ письмѣ А. Н. Карамзинъ поясняетъ свои мысли о la haute société «Мнѣ стало было совѣстно, что я такъ ванаъ на болтонное петербургское общество, но теперь послѣ письма Аркадія (Россега) къ сестрѣ его я не только мысленно повторю все сказанное мною, но мнѣ кажется еще мало. Какъ вспомню, такъ злость и негодованіе разбираютъ, тѣмъ болѣе, что и здѣсь есть хорошіе образчики. Такъ, напр., Медетъ, членъ нашего вѣмеклаго³⁾ посольства, чуть не выпараналъ глаза Смирнову за то, что онъ назвалъ Пушкина l'homme le plus marquant en Russie, и прибавилъ: Pouchkine a fait de jolis vers, c'est vrai, mais sa popularité ne lui a venue que de ses satires contre le gouvernement⁴⁾. Жаль, что онъ не сказалъ этого мнѣ: я бы ося и въ ревельскую селедку! Ужъ эти Нѣмцы безъотечественные, непричастные русской славѣ и русскій чувствамъ, — долго ли имъ хмѣляться на чужомъ шире? Какъ ни сойдемся, все говоримъ про одно, и разойдемся, грустные и сердитые на Петербургъ!» Вслѣдъ за Медетомъ выразилъ свое мнѣніе о Пушкинѣ Карамзину другой русскій Нѣмецъ, графъ Николай Паленъ, братъ русскаго посла въ Парижѣ. «Нѣмецъ, — пишетъ Карамзинъ, — вздумалъ за- нѣтъ по-своему, что де Пушкинъ виноватъ, что онъ де съ ума сходилъ и проч., Neux communs, да не на того, сердечный, на- палъ. Я, съ своей стороны, горько подро- нѣе, обстоятельнѣе и вѣрнѣе разсказать всю исторію и не могъ выдержать, чтобы не зачѣтъ прекрасное общество. Онъ: «Ce n'est que populace, qui a montré de l'entousiasme et la société dans laquelle Pouchkine vivait avait plus de droits à le juger»⁵⁾... Я: «Cette société n'avait aucun droit, elle a méconnu Pouchkine, par envie ot je ne sais pourquoi, elle s'est montrée hostile envers lui et à sa mort elle a été traitée à la gloire et aux sympathies nationales et a été méprisable. Quant à ce que vous appelez populace c'était des militaires, des employés civils, des artistes, des marchands et le bon peuple russe et dont le suffrage vaut bien celui

¹⁾ Курсивъ подлинника.
²⁾ Курсивъ подлинника.
³⁾ Непризнанный и не одѣненный, онъ прозябалъ на этой сухой и неблагоприятной почвѣ и палъ жертвою злословія и клеветы.
⁴⁾ Курсивъ подлинника.
⁵⁾ Такъ Карамзинъ иронически называетъ русское посольство въ Парижѣ.
⁶⁾ Пушкинъ сочинялъ красивыя стихи, это вѣрно, но популярность ему создали его сатиры на правительство.
⁷⁾ Только разный сбродъ боготворилъ Пушкина, а общество, среди котораго онъ жилъ, въ правѣ было судить его.

d'une coterie usurpatrice et sans autorité⁶⁾. Мой Нѣмецъ замолчалъ и хорошо сдѣлалъ». О самомъ позѣ Карамзинъ писалъ какъ, только что не сказалъ въ рѣшму, а, право, стоитъ того. Не говорю про нашего брата, мальчишку, но про дамъ, не обираетъ ни на кого вниманія, ни съ кѣмъ не учтивъ, а иностранцамъ и здѣшнимъ съ кого же прѣмѣръ брать, какъ не съ посла, а оттого англійскія выдры пляшутъ на всѣхъ блазахъ, а Полуектова съ трудомъ выпрашиваютъ себѣ шивтадинъ». Тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ от- мѣчаетъ Карамзинъ отношеніе къ Пушкину великаго князя Михаила Павловича, котораго онъ встрѣтилъ въ дальнѣйшемъ путешествіи своемъ по Италіи: «Егорсе слово его ко мнѣ было про Пушкина, онъ взялъ меня за руку, увелъ въ кабинетъ и просилъ разсказать все, что я знаю. Я ему предложилъ прочесть письмо ваше, онъ обрадовался; я за нимъ сбѣгалъ и вверхъ и прочелъ ему. Адьютанты говорятъ, что это извѣстіе подѣйствовало на его здоровье, его тамъ, гдѣ нѣтъ его, которые здѣсь еще увѣряли, что смерть Пушкина не тронетъ жены его, que c'est une femme sans coeur.

Въ Римѣ молодой Карамзинъ встрѣтилъ лѣтомъ совершенно неожиданно самого убійцу Пушкина, Дантеса, какъ извѣстно, высланнаго изъ Россіи. «Вечеромъ на гуляньи, — сообщилъ онъ матери, — увидать я Дантеса съ женою (сестрою жены Пушкина, Екатериной Николаевной). Оби они пристально на меня глядѣли, но не кланялись; я подошелъ первый, и тогда Дантесъ à la lettre бросился ко мнѣ и протянулъ мнѣ руку. Я не могу выразить сѣшенія чувствъ, которыя тогда толпились у меня въ сердцѣ, при видѣ этихъ двухъ представителей прошедшаго, которые такъ живо напоминали мнѣ и то, что было, и то, чего уже нѣтъ и не будетъ. Обиѣявшись нѣсколькими обыкновенными фразами, я ото- шелъ и прісталъ къ другимъ: русское чувство бурдось у меня съ жалостью и ка- кимъ-то внутреннимъ голосомъ, гозоря- щимъ въ пользу Дантеса. Я замѣтилъ, что Дантесъ ждетъ меня, и въ самую дѣлѣ онъ скоро опять прісталъ ко мнѣ и, схва- тить меня за руку, потянулъ въ пустыя аллеи. Не прошло двухъ минутъ, какъ онъ уже разсказывалъ мнѣ со всѣми подроб- ностями свою несчастную исторію и съ жа- ромъ оправдывался въ моихъ обвиненіяхъ, которыя я ему высказывалъ. Онъ пока- зывалъ мнѣ коню со страшнаго⁷⁾ Пушкинскаго письма, протоколъ отвѣтовъ въ военномъ судѣ и клялся въ совершен- ной невинности. Всего болѣе и всего силь- нѣе отвергалъ онъ малѣйшее отношеніе къ Натальѣ Николаевнѣ послѣ⁸⁾ обрученія съ ея сестрою и настаивалъ на томъ, что второй вызовъ а été comme une taule qui lui est tombée sur la tête. Онъ прибавилъ: «ma justification complète ne peut venir que de m-me Pouchkine. Dans quelques années, quand elle sera calme, elle dira peut-être, que j'ai tout fait pour les sauver et que si je n'y ai pas réussi, cela n'a pas été de ma faute», и т. д.⁹⁾ Разговоръ и гулянье наше продолжалось отъ 8 до 11 час. ве- чера. Богъ ихъ разсудитъ! Я буду съ нимъ знакомъ, но не друженъ по старому, c'est tout ce que je puis faire».

¹⁾ Это общество не имѣло никакого права. Оно не признавало Пушкина изъ зависти, или не знаю, почему еще... Оно держало себя враждебно по отношению къ нему и наложило руку на славу и чувства народныя. Оно достойно презрѣнія. А то, что вы зовете «сбродомъ» — это военные, гражданскіе чиновники, артисты, купцы и вообще весь русскій народъ. Его голосъ болѣе значающъ, чѣмъ голосъ ничтожной кучки узурпаторовъ (общественнаго мнѣнія).
²⁾ Курсивъ подлинника.
³⁾ Курсивъ подлинника.
⁴⁾ Мое полное оправданіе въ рукахъ Пушкиной. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она успокоится, она скажетъ, можетъ быть, что я все сдѣлалъ, чтобы спасти ихъ, а если это мнѣ не удалось, то не по моей винѣ.

Павшие смертью храбрых.

Кап. А. В. АНДРЕЕВЪ.

Подпор. Б. В. ГАЛЬФТЕРЪ.

Подполк. О. А. ЛЕНЦЪ.

Корнетъ Н. Б. ОКУНЕВЪ.

Шт.-ротм. А. А. РОГОВСКИЙ.

Кап. В. Ф. МИНУНОВЪ.

Шт.-к. Н. М. Полсуевъ-Ивановъ.

Подпор. В. А. ТУРЕННО.

Подпор. Н. В. СОРОКИНЪ.

Шт.-кап. Н. И. ВАНАНДЯНЪ.

«НАРОДЫ ЕВРОПЫ, ОХРАНЯЙТЕ СOKPOBИЩА ЦИВИЛИЗАЦИИ!»

Какъ нарисовалъ эту картину Вильгельмъ II.

...и какъ нужно было бы нарисовать ее.

Рис. П. Ш.

Изъ этихъ писемъ А. Н. Карамзина можно видѣть, какъ переживали представители русскаго общества за границей вѣсть о трагической кончинѣ великаго нашего поэта. Но изъ нихъ можно видѣть также, что далеко не все, имѣющее отношеніе къ этому печальному событію, вышло на свѣтъ Божій и что семейные архивы хранятъ въ себѣ не мало бумагъ, рисующихъ и Пушкина въ послѣдніе годы его

жизни, и отношенія къ нему современниковъ. Интересъ къ Пушкину, гиганту русскаго дѣла и оубликовалъ также материалы, на которые ссылается самъ А. Н. Карамзинъ: письмо его матери и сестры, а также письма семейства Россетъ, если только матеріалы эти находятся въ распоряженіи. Чѣмъ болѣе скажутъ намъ современники о Пушкинѣ, тѣмъ болѣе будемъ знать о Пушкинѣ, изъ которыхъ мы сдѣлали выдержки о Пушкинѣ, но вмѣстѣ тастрофу. Извѣстна кн. Гагаринъ, котораго,

съ тѣмъ нельзя не выразить искренняго и живѣйшаго желанія, чтобы онъ довершилъ свое дѣло и оубликовалъ также материалы, на которые ссылается самъ А. Н. Карамзинъ: письмо его матери и сестры, а также письма семейства Россетъ, если только матеріалы эти находятся въ распоряженіи. Чѣмъ болѣе скажутъ намъ современники о Пушкинѣ, тѣмъ болѣе будемъ знать о Пушкинѣ, изъ которыхъ мы сдѣлали выдержки о Пушкинѣ, но вмѣстѣ тастрофу. Извѣстна кн. Гагаринъ, котораго,

Е. Шумигорскій.

Один из эпизодов ожесточенных боев в восточной Пруссии.

Рота N полка штыковым ударом, под выстрелами из орудий и пулеметов и ружейным огнем, выбивает немцев из окопов.
Ориг. рис. А. Пржевальского.

Краковскія святыни.

«Бълье» — только по мундиру — генералы его апостолического величества, когда-то получившаго титулъ «защитника католической церкви», вооружили пушками и пулеметами колокольни краковских храмов и тѣмъ самымъ зловѣрно навлекаютъ на нихъ вынужденный отвѣтный огонь артиллеріи осаждающихъ. Отвратительный планъ этотъ уже вызвалъ энергичный протестъ римской курии, горячо

Поручикъ
Мих. Петр. фонъ-НАЗФАНЪ-ТУРКЕСТАНСКИЙ.
Скончался отъ ранъ, полученныхъ въ бою.

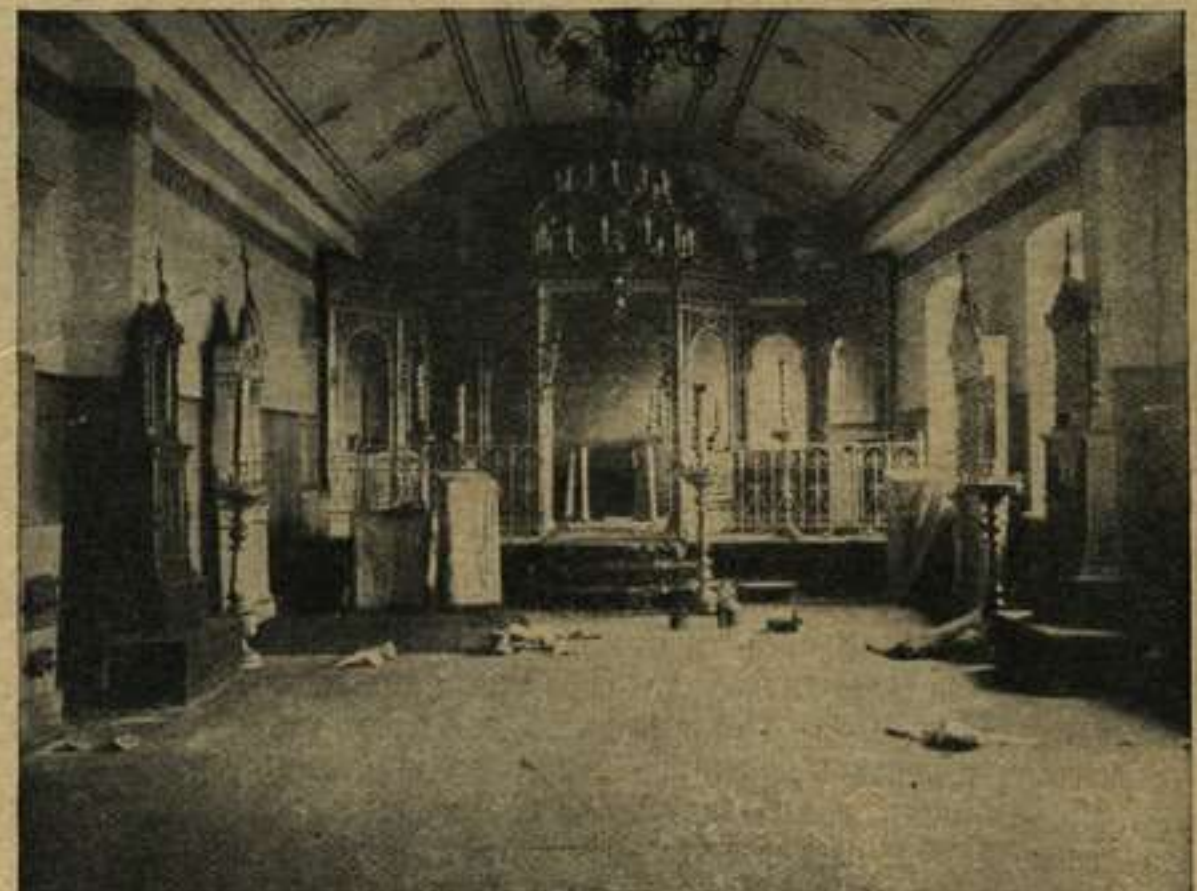
вступившейся за «нейтралитетъ» краковскихъ реликвій.

Если ужъ латинство вознегодовало и пытается прикрыть своимъ первосвященническимъ авторитетомъ славянскія цѣнности противъ ужасающаго «историческаго цинизма» Австро-Германцевъ, то что же остается дѣлать Славянину, въ представленіи котораго древній Краковъ является одною изъ жемчужинъ общеславянской сокровищницы?

«Краковъ не разомъ построенъ», гласитъ исконная польская поговорка, и былыя судьбы его вполне подтверждаютъ это изреченіе. Дѣйствительно, географы, имѣющіе привычку связывать средневековую Европу съ античнымъ міромъ, давно уже высказали догадку, что городъ Cartholupis, упоминаемый Клавдіемъ Птоломеемъ во II вѣкѣ по Р. Х., занималъ то же мѣсто, гдѣ впоследствии исторія застала Краковъ. Построеніе славянскаго городка въ этой мѣстности, по народнымъ преданіямъ, занесеннымъ въ хроніку Мартина Кромера, относится къ 700 г. и приписывается владыкѣ Великой и Бѣлой прикарпатской Хорватин, Кракусу, супругу Любуши Прекрасной. Легенды говорятъ, что Кракусъ побѣдилъ дракона, обитающаго въ глубокой пещерѣ, на скалистой горѣ Вавель, и здѣсь же выстроилъ свой замокъ, сдѣлавшись основателемъ города, названнаго отъ его имени Краковомъ. Дочь его Ванда, послѣ смерти своего отца, была избрана королевой. Про нее сохранилось преданіе, что она, посвятивъ свою жизнь богамъ, не хотѣла выйти замужъ за напавшаго на Краковъ Нѣмца Ритигера, бросилась въ Вислу и

утонула. Тѣло ея рыба вынесла на томъ мѣстѣ, гдѣ Дзубня впадаетъ въ Вислу, въ 17 верстахъ отъ города. Надъ прахомъ ея сѣи холмъ, и судьба малопольскаго Кракова насыпала высокую гору. Такая же гора получила тѣсную связь съ исторіей выросла и надъ могилей Кракуса. Въ летоисчисленіи упоминается о Краковѣ подвѣляется вѣрнее въ 1125 г., когда страшный пожаръ при гробницѣ св. Войцѣха, такъ въ Краковѣ истребилъ городъ въ концѣ. Въ 1241 г. когдѣ они стали получать благословеніе при нашествіи Татаръ снова повергаетъ Краковъ въ развалины. Полное возстановленіе, ростъ и богатство Кракова начинается отъ времени польскаго короля Владислава Локетка. Послѣдній, измѣнившій политическое устройство Рѣчи Посполитой, короновался въ Краковѣ вмѣстѣ съ женою своею Ядвигаю.

Древній великопольскій городъ Гѣзно (нынѣшній, пока еще прусскій, Гитзенъ) пересталъ быть столицей всего королевства, гдѣ Дзубня впадаетъ въ Вислу, въ ства, тронъ перенесенъ былъ на Вавель-17 верстахъ отъ города. Надъ прахомъ ея сѣи холмъ, и судьба малопольскаго Кракова насыпала высокую гору. Такая же гора получила тѣсную связь съ исторіей выросла и надъ могилей Кракуса. Въ летоисчисленіи упоминается о Краковѣ подвѣляется вѣрнее въ 1125 г., когда страшный пожаръ при гробницѣ св. Войцѣха, такъ въ Краковѣ истребилъ городъ въ концѣ. Въ 1241 г. когдѣ они стали получать благословеніе при нашествіи Татаръ снова повергаетъ Краковъ въ развалины. Полное возстановленіе, ростъ и богатство Кракова начинается отъ времени польскаго короля Владислава Локетка. Послѣдній, измѣнившій политическое устройство Рѣчи Посполитой, короновался въ Краковѣ вмѣстѣ съ женою своею Ядвигаю.

Военная церковь въ г. Плоцкѣ послѣ «посѣщенія» ея Нѣмцами: престолъ въ алтарѣ ободранъ, церковныя вещи частью похищены, частью разбросаны, образа выставлены и изуродованы.

Шт.-кап. Пав. Вас. ГУРДОВЪ.
Завѣдующій автомобильнымъ отрядомъ легко раненъ, представленъ къ Георгію 4-й ст.

Пор. Бор. Б. ИБРАГИМОВЪ, награжденъ георгіевскимъ оружіемъ; контуменъ и остался въ строю.

Подполк. Георгій Ив. СУХАЧЕВСКИЙ,
нагр. орденомъ св. Георгія 4-й ст.

Полковн. А. М. КРЫМОВЪ,
награжденъ Георгиевскимъ оружіемъ.

СЪ ВОЙНЫ.—Наша окопы.

шавъ, Вавельскія палаты опустѣли, пока- бразуры и пр., съ строгимъ соблюденіемъ князей и королей польскихъ, династій Пя- стовъ, Ягеллоновъ, Ваза, Сасовъ и др., начиная съ XI столѣтія. Надъ ихъ моги- лами уже давно нѣтъ памятниковъ: они разрушены временемъ и пожаромъ, но сохранились по сію пору саркофаги позд- нѣйшихъ 13 королей.

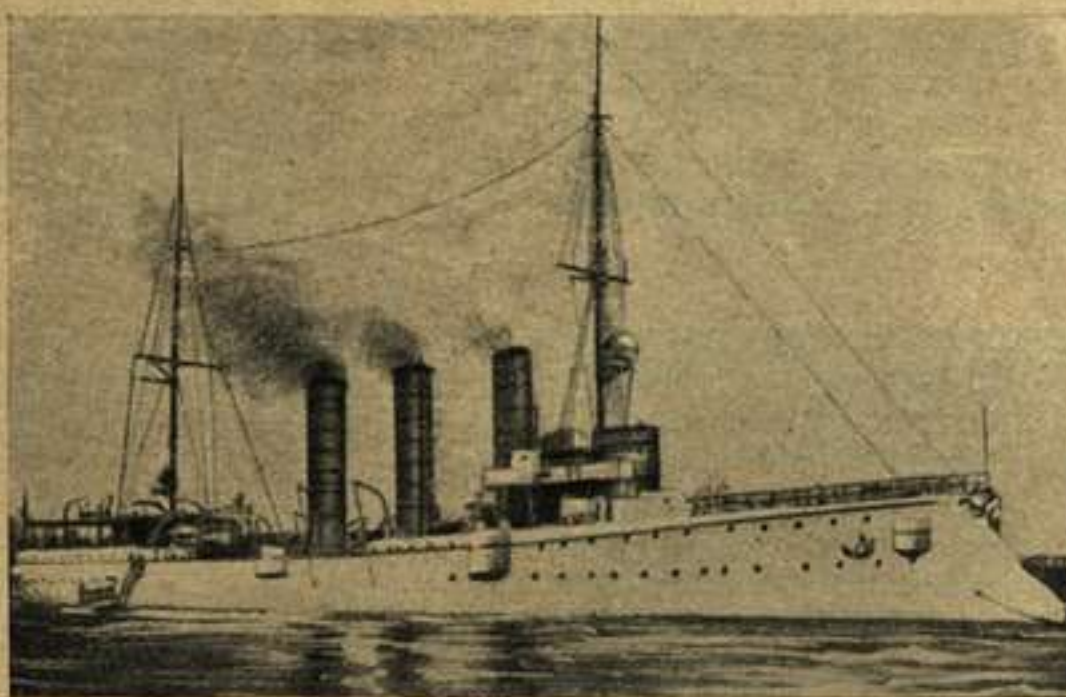
Къ королевскому дворцу примыкаетъ старый кафедральный соборъ, заключив- шій въ своихъ skleпахъ четыре вѣка поль- ской исторіи. Здѣсь почиваютъ останки

польскіе короли, начиная отъ Владислава Локетка, исполняли этотъ обрядъ въ Кра- ковѣ, за исключеніемъ Станислава Ле- щинскаго и Станислава Понятовскаго, ко- ронованныхъ въ Варшавѣ, лежавшей въ прежнее Мазовецкомъ княжествѣ. Когда Сигизмундъ III перенесъ столицу въ Вар- шаву, сеймъ 1637 г. постановилъ, чтобы коронація совершалась только въ Крако- вѣ. Къ тому времени Краковъ уже бога- тѣлъ изъ года въ годъ, имѣлъ свыше 100,000 жителей и о немъ говорили: «sola Cracovia est Polonia» (одинъ Краковъ—цѣлая Польша).

Дворецъ королей польскихъ стоитъ на скалистой горѣ Вавель. О немъ извѣстно уже съ 1265 г., въ царствованіе Болесла- ва Цѣломудреннаго. Вячеславъ, король чешскій и польскій, въ 1300 г. воздвигъ крѣпостныя башни и увеличилъ зданіе замка, перестроенное Сигизмундомъ I въ итальянскомъ стилѣ. А когда Краковъ уступилъ свое столичное первородство Вар-

шавѣ, Вавельскія палаты опустѣли, пока- бразуры и пр., съ строгимъ соблюденіемъ князей и королей польскихъ, династій Пя- стовъ, Ягеллоновъ, Ваза, Сасовъ и др., начиная съ XI столѣтія. Надъ ихъ моги- лами уже давно нѣтъ памятниковъ: они разрушены временемъ и пожаромъ, но сохранились по сію пору саркофаги позд- нѣйшихъ 13 королей.

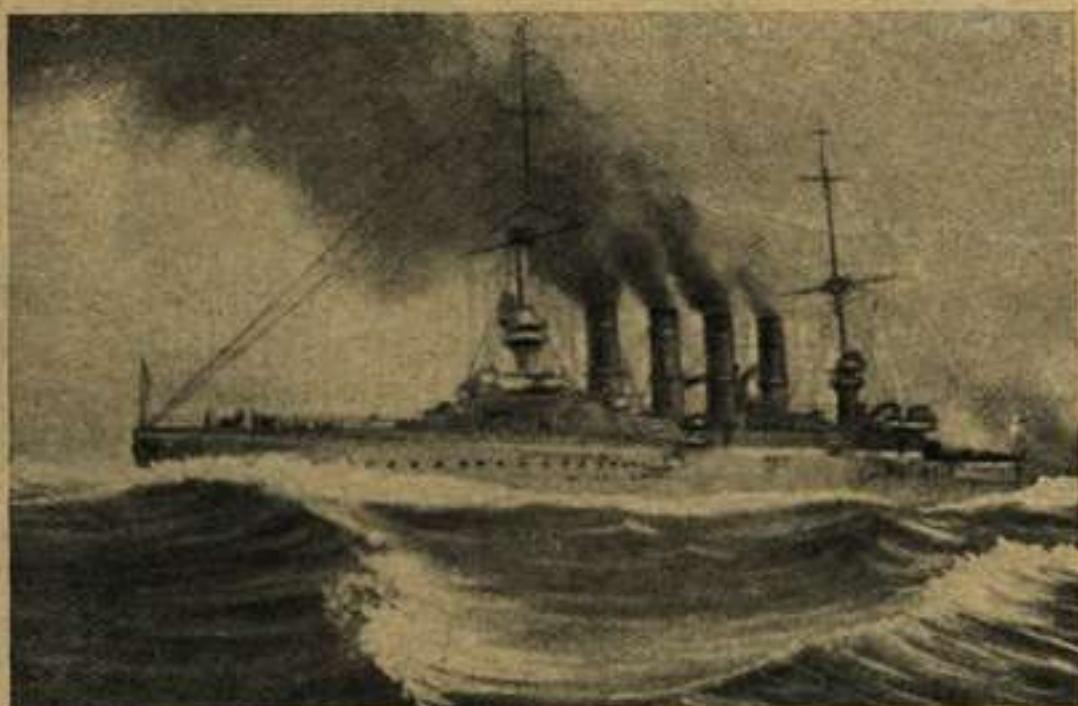
Къ королевскому дворцу примыкаетъ старый кафедральный соборъ, заключив- шій въ своихъ skleпахъ четыре вѣка поль- ской исторіи. Здѣсь почиваютъ останки

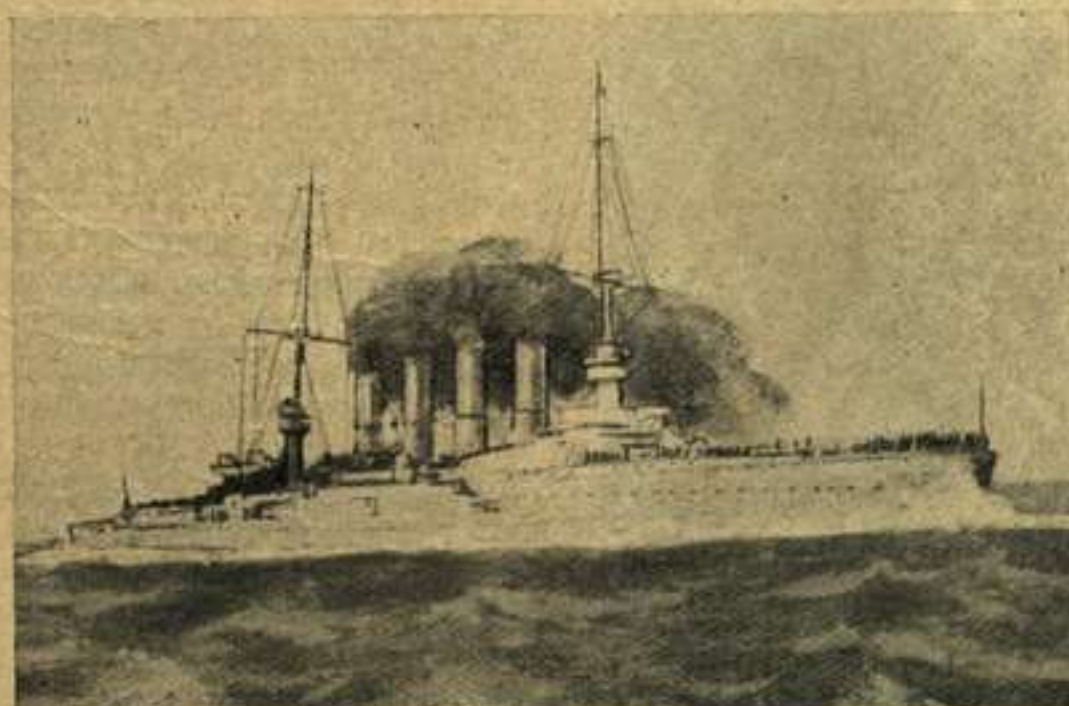
Потопленный англійской эскадрой легкій бронепалубный немецкій крейсеръ «ЛЕЙПЦИГЪ». Построенъ въ 1906 г., водоизмѣненіе 3.250 тоннъ, ходъ 23 1/2 узла въ часъ, вооруженіе — десять 4-дюйм. и десять 37-миллиметр. орудій и два подводныхъ минныхъ аппарата; экипажъ—389 человекъ.

Относительно праха короля Лещинска- го пришлось въ свое время про- изводить цѣлое специальное разслѣдо- ваніе. Въ нашей Императорской Пу- бличной Библиотекѣ до конца 50-хъ годовъ хранилась какая-то запечатая шка- тулка, происхождение которой было не- извѣстно. Тогдашній директоръ Библиотеки, извѣстный баронъ М. А. Корфъ, вскрылъ ларецъ; тамъ оказалась небольшой гробикъ съ костями. По собраннымъ сви- дѣніямъ установили, что это были остан- ки короля Лещинскаго, привезенные поль- скимъ генераломъ наполеоновской службы Михаиломъ Соколицкимъ изъ Нан- си, гдѣ умеръ король, подаренные варшавскому обществу любителей наукъ, откуда доставлены въ Петроградъ. О находкѣ свой баронъ Корфъ со- общилъ «куда слѣдуетъ». Ее приказано было похоронить въ могилѣ короля Поня- товскаго, что и было совершено послѣ тор- жественной панихиды, отслуженной ми- трополитомъ Жилинскимъ.

Но нашлся и такой скептически настро- енный археологъ, графъ Константинъ Тыш- кевичъ, который съѣзжалъ въ 1860 г.

Потопленные Германскіе крейсера «ГНЕЙЗЕНАУ» и «ШАРНГОРСТЪ». Оба крейсера почти одинаковаго типа, постройки 1907 г. Ихъ ходъ—23 узла въ часъ, водоизмѣненіе по 11.600 тоннъ. Вооруженіе каждого было—8 восьмидюймов. орудій, 6 шестидюйм., десять 88-миллиметр., десять 37-миллиметров. и 4 пулемета; кромѣ того они имѣли по 4 подводи- минныхъ аппарата.

Артистка Императорскаго Малаго театра въ Москвѣ
Ольга Осип. САДОВСКАЯ.

29 ноября минуло 35 лѣтъ ея сценической дѣятельности.

въ Нанси и убѣдился путемъ тщательнаго развертываго могилу Мицкевича поэтъ жзнанія, что Соколыницкаго жестоко на- Богданъ Залѣскій, считавшій себя равнымъ дулъ вѣкій не въ мѣру находчивый логг-покойному по таланту, сказали только рингець, а всѣ части дѣйствительныхъ одну фразу: «Пресвятая Дѣва! Чудомъ останковъ Лещинскаго, какъ тлсать верни останки поэта на родину».

официальный актъ осмотра властями го- «Чудо» это совершилось толь- рода Нанси гробницы короля, находятся ко на нашей памяти (въ 1890 году), и до осуществленія его Залѣ- ской не дожидь.

въ Краковѣ нашли себѣ послѣдній земной приютъ русскія княжны: Добросла- ва Ярославовна, супруга Казимира I, Высла- ва, бывшая замужемъ за Болеславомъ Собламы, и Евдокія, супруга Мечислава I. Всего еще существуетъ въ собо- рѣ 126 памятниковъ, изъ нихъ 22 указываютъ могилы королей, королей и членовъ ихъ семействъ, 2—кардиналовъ, 20—епископовъ, 67—разныхъ другихъ лицъ духовнаго званія и 16 памятниковъ посвящены полководцамъ и государствен- нымъ людямъ. Самая древняя часть собо- ра,—это такъ называемая кринга, гдѣ стоитъ нѣсколько саркофаговъ, въ числѣ ихъ и скромныя гробницы Фаддея Косцю- шки и Адама Мицкевича.

Первоначально прахъ Мицкевича былъ перевезенъ изъ Константинополя, мѣста его кончины, къ его семьѣ въ Парижъ и погребенъ въ очаровательнѣйшемъ по идиллическому настроенію кладбищѣ въ Монморанси, гдѣ вокругъ его могилы легло около 200 представителей польской эмиграціи. Въ надгробномъ словѣ надъ

Полковн. Ив. Сем. СИМОНОВЪ, редакторъ журнала «Педагогическій Сборникъ». Къ 50-лѣтнію со дня основанія журнала.

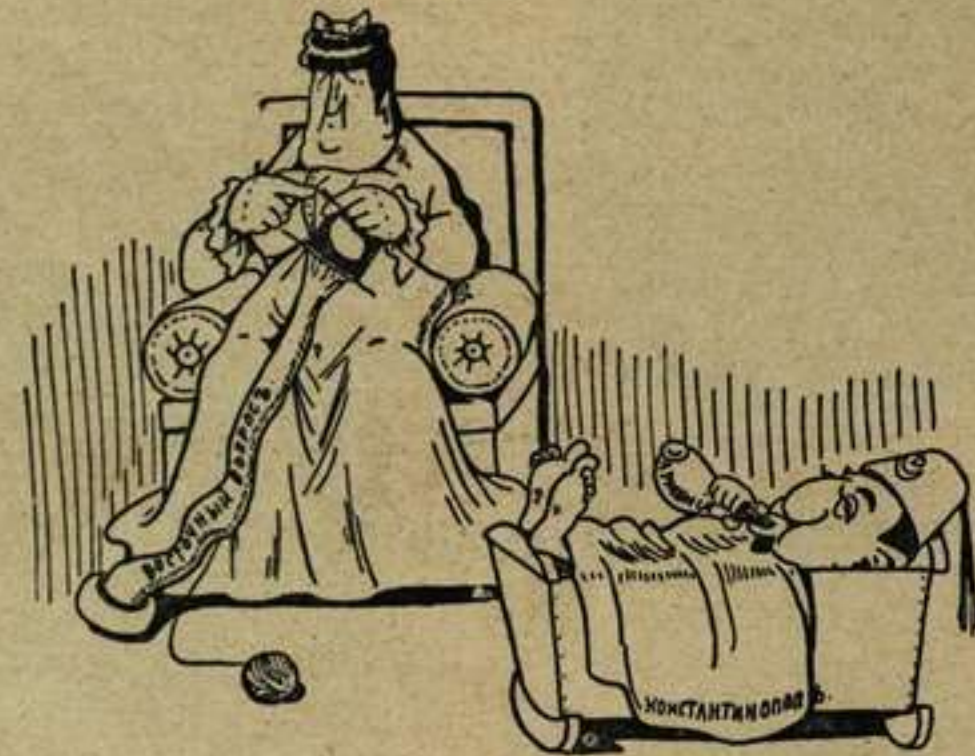
Входя въ Вавельскій соборъ, вдумчивый православный посѣтитель сразу поражает- ся слѣдами то тутъ, то тамъ древняго славяно-византийскаго ваянія, сильно ска- завшагося въ живописи. Для насъ особен- но цѣнны двѣ часовни въ соборѣ, цѣнны по своему историческому прошлому. Одна изъ нихъ, во имя св. Троицы, основана была въ 1431 году,—дата эта непрека- побребень въ очаровательнѣйшемъ по идиллическому настроенію кладбищѣ въ Монморанси, гдѣ вокругъ его могилы легло около 200 представителей польской эмиграціи. Въ надгробномъ словѣ надъ

Вообще, Вавель, издавна называемый польскимъ Пантеономъ, сохранилъ еще столько памятниковъ драгоценныхъ и въ историческомъ, и въ художественномъ отношеніи, что приводитъ въ удивленіе записныхъ европейскихъ любителей и зна- токовъ искусства. Но это культурное сокровище, повидимому, не трогаетъ и не заботитъ отживающихъ свои послѣдніе часы австро-германскихъ властителей Кракова, недаромъ породившаго и пу- стившаго по славянскому міру поль- скую поговорку: «Jak swjat swjatem, nie bed- zie Polak Niemcowi bratem»,—пока свѣтъ стоитъ, никогда Полякъ Нѣмцу братомъ не будетъ!

Францъ и Вилли.

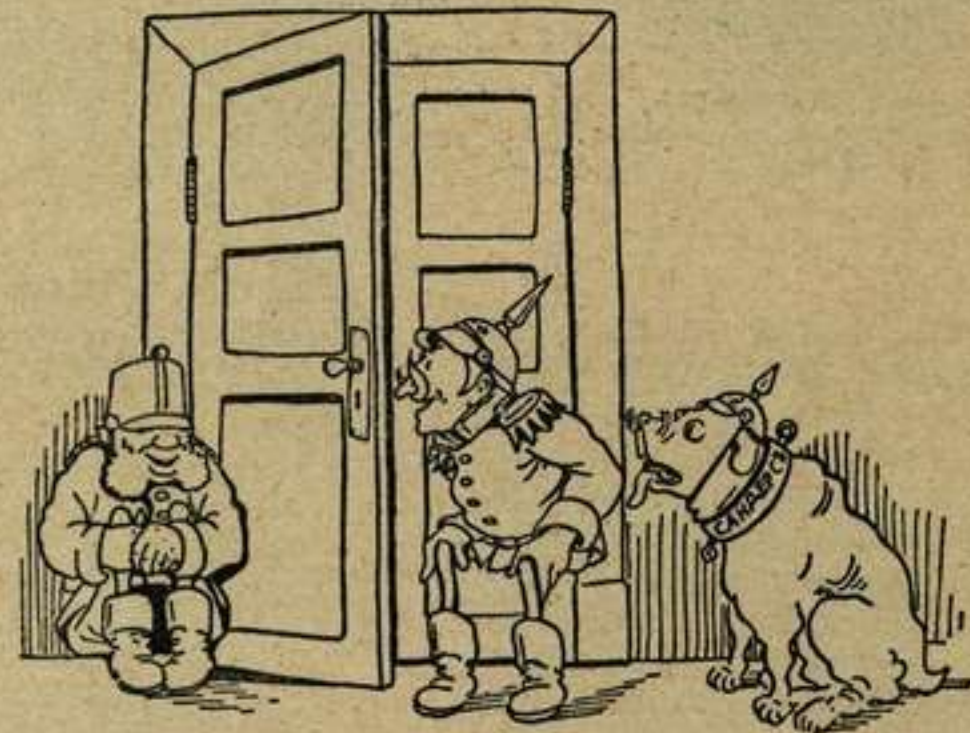
(Историческая повѣсть).

IV*.

Хоть большого нѣтъ веселья
Отъ ншого руководья,
Но для нервовъ все жъ оно,—
Какъ извѣдано давно,—
Благотворнѣ приема
Валерьяна или брома:
Въ немъ спокойствія залогъ!
Безконечный свой чулокъ
Важеть мирно tante Европа;
Не подь бурный темпъ галона

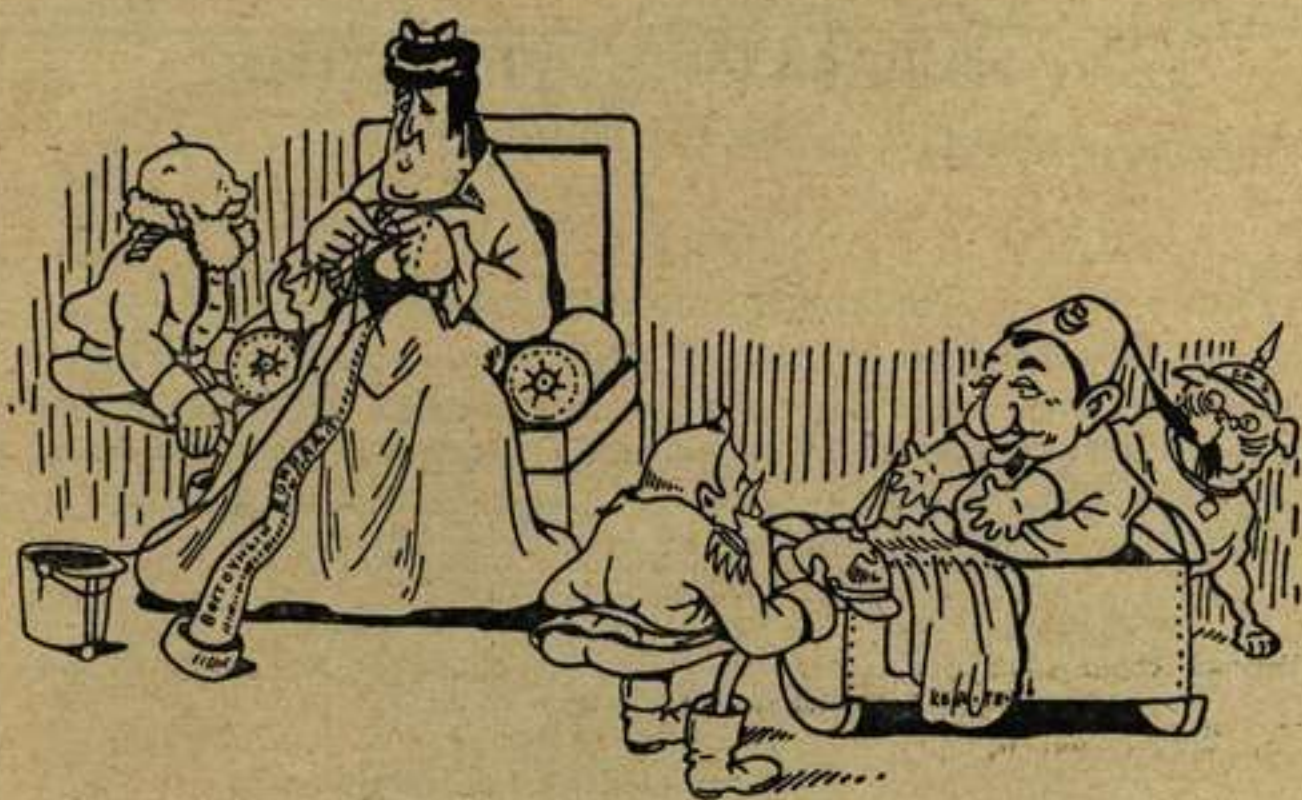
Спицы движутся,—о, нѣтъ!—
А какъ чинный минуэтъ.
Люди въ ходъ давно пустили
Рядъ словесъ въ высокомъ стилѣ
Для весьма не хитрыхъ дѣлъ,
И чулку такой удѣлъ
Уготованъ былъ почетный.
На него запасъ несчетный
Шерсти шелъ, онъ росъ да росъ...
Не визанье,—а «вопросъ».

Онъ ужъ сталь... Какой? Васъ точный
Ждалъ отвѣтъ: «вопросъ восточный».
Быль чулокъ для той изъ ногъ,
Чьей позиціи востокъ
Соотвѣтствуетъ... Свидѣтель
Счета ревностнаго петель
Лишь одинъ всего,—и тотъ
Въ люлькѣ хнычетъ и сосеть
Соску... Было это чадо
Вовсе дряхло или «младо»,—
Разобрать нелегкій трудъ
У него былъ сильный зудъ
Все думать, что аѣзло въ руки;
И роковъ свой онъ отъ скуки
Порывался, то и знай,

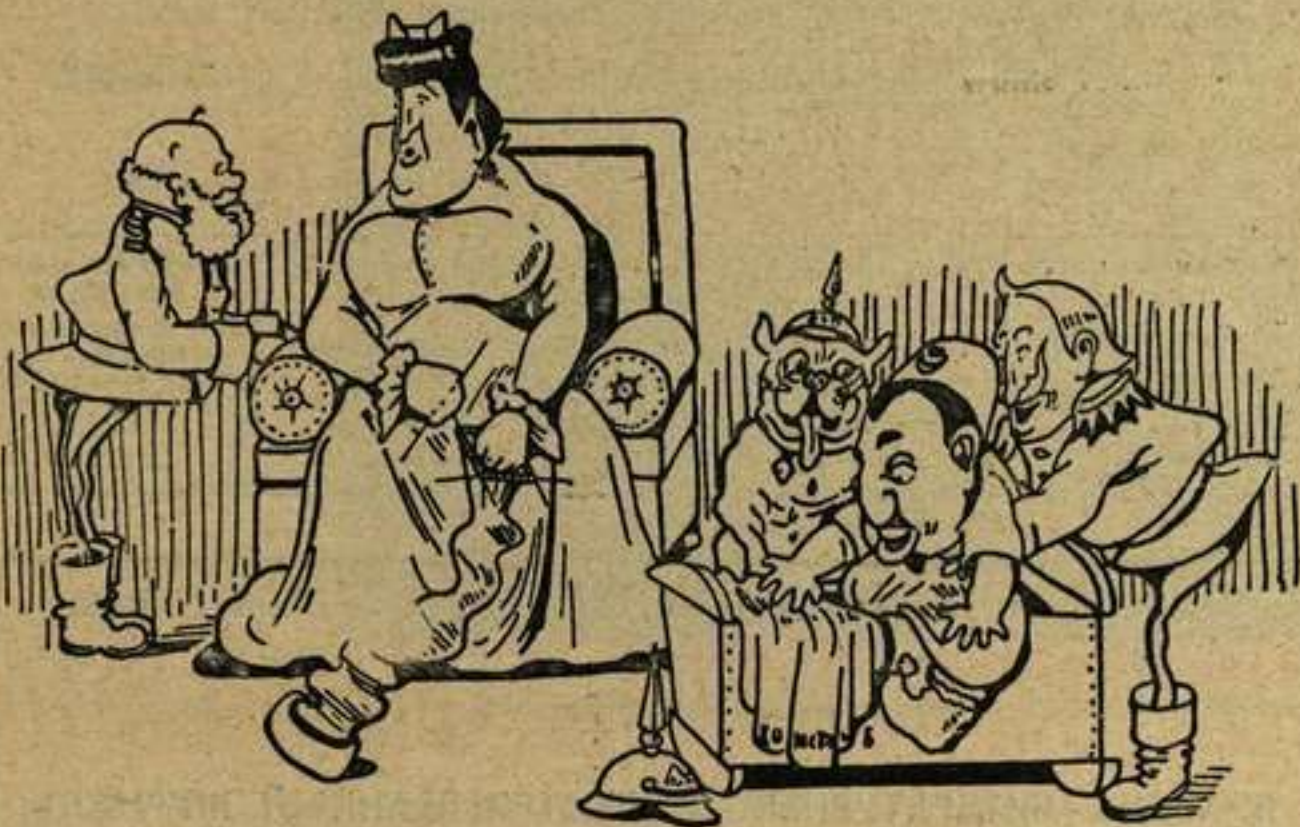
Разбивать о люльки край.
Для надзора за питомцемъ
Tante вставала часто съ солнцемъ
И, усѣвшись въ уголокъ,
Принималась за чулокъ.
Разъ моментъ сей уловили,
Въ щелку глядя, Францъ и Вилли.
Быстро зрѣбеть дерзкій планъ,—
Какъ «дитѣ» ввести въ обманъ,
Не раздумывая много,
Вилли, кликнувъ злого дога,
Безъ доклада входитъ къ tante,—
Съ нимъ и Францъ, какъ адъютантъ.
Очи визь... Но tante на-стражъ
И подьметель грозно даже
Указательный свой перстъ...

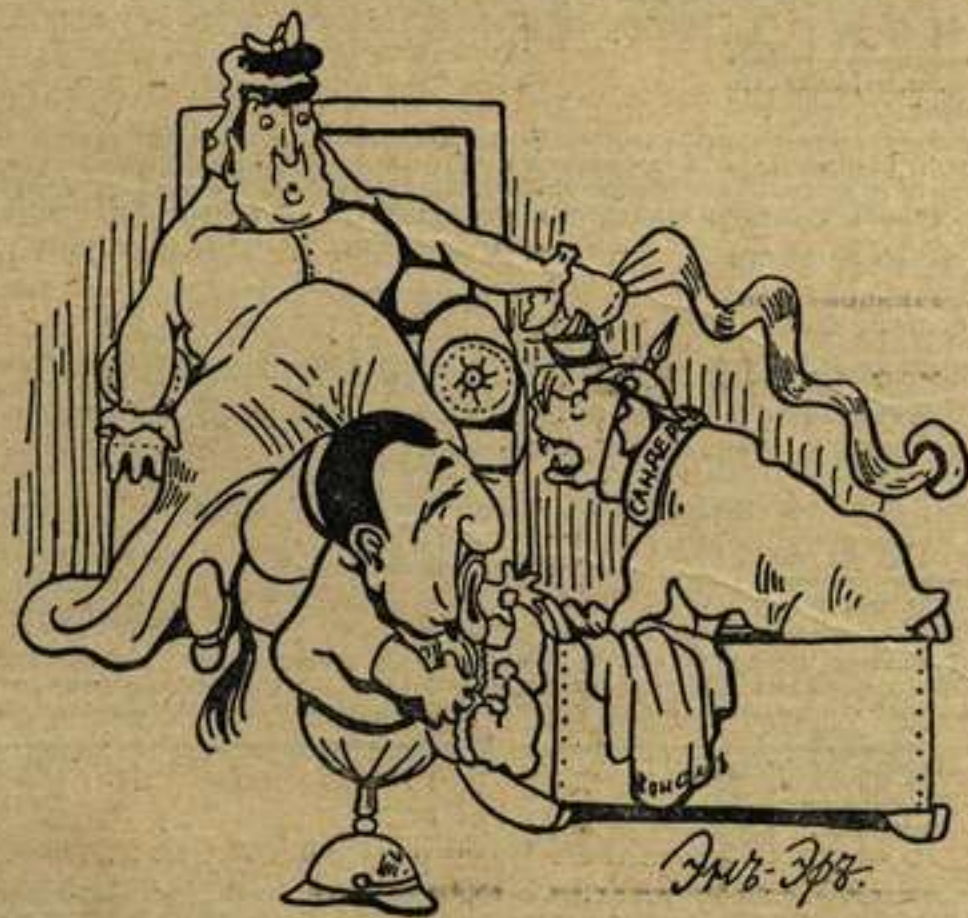
Ужъ для рѣчи ротъ отверзтъ
Укоризненной,—но чинный
Вилли видѣ и взоръ невинный
Очень кстати были тутъ...
И притомъ же хитрый плутъ
Клялся теткѣ съ кроткимъ вздохомъ,
Что припелъ онъ не съ подвохомъ,—
Что «дитю» онъ плѣнелъ.

И его понячить онъ.
Францъ же ловкій, какъ парочко,
Темой важною,—«чулочною»,—
Занялъ тетушку, какъ могъ,
И, запутавши клубокъ,
Плелъ какую-то ей сказку...
Вилли въ это время каску
Тычетъ въ руки малышу:
Поиграть, молъ, съ ней прому!

Тотъ прельстился каски блескомъ,—
Но чета вѣдь это фескамъ!
Какъ-никакъ, быть все жъ онъ «младъ»,
Мудрено-ль, что былъ онъ радъ
Всѣмъ заманчивымъ игрушкамъ,—
Броненосцамъ, каскамъ, пушкамъ?...
Мѣдь блестящій шишакъ
Не къ прогрессу-ль первый шагъ?
Тотчасъ руки безъ опаски

Онъ протягиваетъ къ каскѣ,
Но повелъ тутъ Вилли рѣчь,
Чтобъ его предостеречь:
Вѣдь игрушка-то съ секретомъ!
Но, какъ мастеръ въ дѣлѣ этомъ,
Онъ покажетъ, въ дружбы знакъ,
И зачѣмъ здѣсь все, и какъ...
Вилли ставитъ каску на полъ,
Малыша же ловко спавалъ
Онъ подъ мышку... Разъ-два-три!

Фокусъ вышелъ,—и внутри
Люльки догъ сидитъ, а чадо,
Каской пользуясь, какъ надо,—
Бѣкъ училъ коварный другъ,—
Всю неловкость чуетъ вкругъ

Сей позиціи блестящей...
Вопль услышавъ настоящий,
Въ страхъ tante сбѣжить къ «дитю»...
Гдѣ жъ виновники?... Тю-тю!
Венедикъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Д. Д. Садовской.

(Къ 35-лѣтію ея спенческой дѣятельности. См. на 398 стр.).

Старушка русская, съ прагдивой русской рѣчью,
Сбѣдая нянюшка, съ старушечьимъ чуломъ,
Хозяйка, кумушка, сродни Замоскворѣчью,
Въ чепцѣ члбвиница, салонница съ мѣшкомъ,

Иль мамка старая, потатчица бездѣлю,
Что гонитъ сказками боирышень тоску,
Крестьянка нищая надъ нищей колыбелью
Съ щемачей пѣсенкой крестьянскому сынку...

Въ Москвѣ-ль кучеческой, въ Руси-ли допетровской,
Въ платкѣ, повойникѣ, шляпкѣ былыхъ временъ—
Старушка русская для насъ живетъ въ Садовской.
Спасибо, матушка! Спасибо и поклонъ.
И. Вильде.

Книги, поступившія въ редакцію.

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА. Изд. Им. Академіи Наукъ. Т. XI. Исторія Пугачевского бунта. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. X+482+364. Ц. 3 р.

ПРОФ. А. К. БОРОЗДИНЪ. Собр. сочин. Т. I. М. Ю. Лермонтовъ. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 139. Ц. 90 к. Т. II. А. С. Пушкинъ. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 126. Ц. 90 к.

П. СОРОКИНЪ. Л. Н. Толстой, какъ философъ. Изд. «Поуредника». Москва. 1914. 8°. Стр. 27. Ц. 15 к.

А. ДМИТРИЕВЪ. Пѣсни невольника. Москва. 1915. 8°. Стр. 33. Ц. 50 к.

БОИСЪ ЕВГЕНЬЕВЪ. Валгалъ. Стихи. 1910—1914. Изд. «Гирема». Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 41. Ц. 75 к.

СОВРЕМЕННАЯ ВОЙНА въ русской поэзіи. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 276. Ц. 2 р.

П. ОВИДИЙ НАЗОНЪ. Наука любить (Агъ эматогія). Съ латинскаго перевелъ В. Алексѣевъ. Изданіе 2-е, исправл. и дополн. Т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 220. Ц. 2 р.

В. В. РОЗАНОВЪ. Война 1914 г. и русское возрожденіе. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 234. Ц. 1 р.

А. АМФИТЕАТРОВЪ. Законный грѣхъ. Романъ. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 401. Ц. 2 р.

Ю. МУРОМСКІЙ. Пустыя души. Романъ. Изд. М. И. Семезова. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 220. Ц. 1 р. 25 к.

М. КУЗМИНЪ. Покойница въ домѣ. 4-я книга рассказовъ. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 190. Ц. 1 р. 25 к.

М. КУЗМИНЪ. Глиняныя голубки. 3-я книга стиховъ. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 194. Ц. 1 р. 50 к.

ЮР. БЪЛЯЕВЪ. «Открытій съ войны». Первая серия. Изд. В. А. Суворина. Петроградъ. 1915. 8°. Стр. 121. Ц. 50 к.

КАРМЕНЪ СИЛЬВА (королева румынская). Подъ роднымъ кровомъ. Мемуары. Перев. съ нем. Книгоизд. «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 258. Ц. 1 р. 50 к.

ЭМИЛЬ ЗОЛА. Собр. сочин. Т. XX. Докторъ Паскаль. Романъ. Изд. т-ва «Прозвѣщаніе». Петроградъ. 8°. Стр. 477. Ц. 1 р. 50 к.

ДЖ. БЕРЕСФОРДЪ. Только женщины. Романъ. Перев. съ англ. В. Н. Журавской. Книгоизд. «Прометей» Н. Н. Михайлова. Петроградъ. 8°. Стр. 251. Ц. 1 р. 25 к.

ДЖ. НОУЛЬСЪ. Два мѣсяца въ дѣсахъ. Перев. съ англ. Петроградъ. 8°. Стр. 155. Ц. 1 р. 25 коп.

ПРОФ. П. Н. АРДАШЕВЪ. Хрестоматія по всеобщей исторіи. Новая исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ. Ч. I. Эпоха гуманизма и реформации. Киевъ. 1914. 8°. Стр. 228. Ц. 1 р.

В. П. АВЕНАРИУСЪ. Историческая хрестоматія. Сборникъ историческихъ рассказовъ русскихъ писателей. Съ рис. В. П. Спасскаго. Изд. А. Д. Ступина. Москва. 1915. 8°. Стр. 609. Ц. 2 р. 25 к.

ЖЮЛЬ АРРЕНЪ. Вильгельмъ II, что онъ говоритъ, что онъ думаетъ. Перев. съ франц. М. М. Творогова. Москва. 1914. 8°. Стр. XV+261. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. ВОРОНОВЪ. У Славянъ въ Австріи впечатлѣнія и замѣтки. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 88. Ц. 60 к.

КАРЛЪ ГРЕВЪ. Тайны германскаго главнаго штаба. (Дневникъ шпіона). Перев. съ англійск. М. Брусониной. Петроградъ. 1914. 8°. Стр. 164. Ц. 1 р. 25 к.

ПРОФ. И. А. СИКОРСКІЙ. Современная всеобщая война 1914 г. Причины войны и устраненіе ихъ. Киевъ. 1914. 8°. Стр. 28. Ц. 20 к.

АНРИ БЕРГСОНЪ. Творческая эволюція. Перев. съ франц. Книгоиздат. «Русская Мысль». Москва. 1914. 5°. Стр. 332. Ц. 1 р. 75 к.

Редакторъ М. А. Суворинъ.

Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время».

ДЛЯ ЗИМНЯГО ПОХОДА

Пальто и накидки непромокаемыя.
Куртки кожан. на мѣху и на фланели.
Брюки кожаные на фланели.
Жилеты изъ теплаго бобринка.
Спальныя мѣшки тепл. и непромокаемыя.
Подушки резиновыя надутыя.
Шлемы, перчатки и рукавицы вязаныя.
Набрюшники, ступницы (полубоски) тепл.
Валенки съ гезил. подоломъ и галоши.
Тяжки, валяныя и валяныя резинов. едальныя.
Стаканы и флаги резиновыя и алюминіевыя.
Термосы-бутылки. держ. тепло 24 часа и пр.

ДЛЯ ПОХОДНАГО офицерскаго хозяйства.

Конст. Мальмъ. ПЕТРОГРАДЪ, МОРСКАЯ, 34.

А. Ю. Пилсудскій Невскій, 96. УРАЛЬСКІЕ КАМНИ.

Громадный выборъ драгоценныхъ уральскихъ камней.
Цѣны вѣтъ конкуренціи. Лучшіе мастера. Художественн. исполнен. ювелирныхъ заказовъ.

30 штукъ открытыхъ писемъ различнаго содержанія въ краскахъ, съ карикатурами

на Нѣмцевъ, Австрійцевъ и Турокъ

выслается за 1 руб. 50 коп., 50 шт.—2 руб., 100 шт.—3 руб. съ пересылкой. Торговцамъ уступка 30%.

АДРЕСЪ: Петроградъ, Невскій пр., д. 104, кв. 258, художнику Л. Т. Злотникову. Тел. 174-26.

Прелестныя, свѣжія,
Очаровательныя Лица,
Бархатистая Кожа и
ЮНЫЙ ВИДЪ.

Онѣ употребляютъ

ДЕРМОЗОНЪ

Д-ра Антона Мейеръ полукрепкій. Этотъ лучший кремъ для лица и рукъ абсолютно безвреденъ, онъ дѣйствуетъ оживляюще, лицо дѣлается свѣжимъ и бархатистымъ въ очень короткий срокъ.

Дермозонъ Д-ра Антона Мейеръ продается во всѣхъ аптекахъ, лучшихъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ въ оригинальныхъ 30-граммовыхъ банкахъ.

Для ускоренія успѣха рекомендуется передъ накладываніемъ крема Дермозонъ вымыть лицо какимъ-нибудь нейтральнымъ мыломъ. Лучше всего взять душистое мыло Дермозонъ Т-ва Стольбергъ и К°. Для рукъ Савозонъ, Алозонъ.

ПРОБУЖДЕНИЕ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КНИГЪ И ДОРОГИХЪ ХУДОЖЕСТВЕНН. ПРЕМІЙ

по выдающимся образцамъ репродукцій, украшавшихъ павильоны на мировой Лейпцигской выставкѣ печатнаго дѣла 1914 г.

Гг. подписчики получаютъ въ теченіе 1915 года:

- 24** роскошныхъ выпуска журнала по образцу Рѣдкихъ въ Европѣ художественныхъ изданій, въ великолѣпныхъ обложкахъ-папкахъ.
- 50** художественныхъ картинъ въ краскахъ, на паспарту, фотографіи, барельефы и друг.
- 12** книгъ, въ 3-хъ изъясн. переплетахъ съ золотымъ тисненіемъ, юбилейнаго изданія СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ (по случаю 50-лѣтія со дня смерти) **М. И. МИХАЙЛОВА.** Книжки романовъ, разсказовъ, стихотвореній и друг.

Цѣнныя художественныя преміи:

- 1. АТЛАСНЫЙ ГОБЕЛЕНЪ** въ стилѣ Людовика XVI-го. Картина на атласѣ французскаго художника Буше.
- 2. ПОСЛѢ ТАНЦА.** Изящный стѣнный горельефъ. Рельефная картина (имитация мрамора) англійскаго художника Годварда.

- Роскошныя украшенія столовой комнаты:**
ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Дикія утки“ | **ПАНО-БАРЕЛЬЕФЪ „Морскіе окуни“**.
Съ бельгійской репродукцій художниковъ Ел. Магюръ и Ф. Эрай. Красивая имитация рельефныхъ бронзовыхъ фигуръ и дубоваго дерева.

- Изящныя стильныя украшенія кабинета:**
Дѣвушка съ голубями. ГЕЛЮГРАВЮРА СЪ КАРТИНЫ русск. Императорскаго Эрмитажа, художника Ш. Шаплонъ. Размѣръ 47x68 сантим.
- Стильный японскій альбомъ** (Японскіе широкки) съ картинами японскихъ художниковъ и рельефнымъ тисненіемъ на крышкахъ золотыхъ украшеній.

Большая, роскошная стѣнная картина въ краскахъ знаменитаго итальян. худож. **СОЛНЦЕ ВЗОШЛО!** работы пост. Дв. Е. И. Велич. Голице и Вильб. Стоимость картины въ художественныхъ магазинахъ 35 р. Размѣръ 62x80 сантим.

Въ ознаменованіе 10-лѣтія «Пробужденія», будетъ выдана **ГРАНДИОЗНАЯ, АЛЛЕГОРИЧЕСКАЯ КАРТИНА ВЪ КРАСКАХЪ ПОДЪ ШОПОТЬ ГРЕЗЪ** известнаго художника Ф. Лсфлера. Величественная, полная поэзии и чарующей гармоніи красокъ, французская репродукція картины принадлежала къ себѣ толпы посѣтителей на всемирной выставкѣ. Стоимость репродукцій въ художеств. магазинахъ 75 и не менѣе 45 р.

Подписная цѣна на юбилейное изданіе: На 9 руб.; на первое полугодіе 4 руб.; на второе 5 руб. На меньшіе сроки подписки не принимается. Разсрочка платежа годскими подписками: при под-пискѣ 3 руб., въ Мартѣ 2 руб., въ Іюнь 2 руб., въ Сен-тябрь 2 руб. Пробный № высылается за 40 коп. почтовыми марками. Редакція журн. „ПРОБУЖДЕНІЕ“, Петроградъ, Невскій, 114. Редакторъ-Издатель Н. В. КОРЕЦКІЙ.

„БОГА ИЩУТЬ“
расск. А. Н. Волковичъ-Вель изъ судебн. хр. Почетн. отв. Ак. Наукъ. Ц. 75 к.
ТОГО-ЖЕ АВТ. ПОВѢСТЬ „АНЧАРЪ“
Посвящ. во. родит.
Изъ переп. гимназиста“ ц. 60 к. (обл. обложка). Прод. во ве. кн. маг. и ж.-д. kiosk.

Уральская яшма,
ДРАГОЦѢННЫЕ КАМНИ.
Пушкинская, д. 11.
КРАШУ КОЖУ
на мебели, соверш. стар., потерт., диванъ, при-возу въ прежи. видѣ, въскъ цвѣтовъ. Петрогр. Ст., Оранжеваумская, 22. Дувановъ. Тел. 618-96.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА НОВЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ „ЛѢТОПИСЬ ВОЙНЫ 1914 ГОДА“
ВЫХОДИТЬ ПО СУББОТАМЪ.
При ближайшемъ сотрудничествѣ извѣстныхъ военныхъ писателей. Художественная часть ведется подъ наблюденіемъ Бр. Скамони, специально приглашенными художниками. Собственные корреспонденты.
Редація и контора журнала; Петроградъ, Надеждинская, 19. Тел. № 427-85.
Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на 2-ую серію 12 номеровъ (Ноябрь, Декабрь 1914 г. Въ Россіи За границей. и Январь 1915 г.) съ № 13 по № 24. . . 3 руб. 6 руб.
Первая серія (Августъ, Сентябрь и Октябрь 1914 г. съ № 1 по № 12 про-дается за 4 руб.; съ перес. 5 руб.; налог. плат. 5 руб. 10 коп.
Отдѣльный номеръ съ пересылкой 40 коп.; налог. плат. 50 коп.
Редакторъ-Издатель Дм. Дубенскій.

15 ГОДЪ ИЗДАНІЯ Подписка на 1915 г. НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ **„РУССКОЕ ЧТЕНІЕ“** 15 ГОДЪ ИЗДАНІЯ
съ приложеніемъ ЕЖЕНЕДѢЛЬНАГО худож. иллюстрированнаго ЖУРНАЛА «Сборникъ Русскаго Чтенія», посвященнаго событіямъ войны.
„Русское Чтеніе“ ВЫСОЧАЙШЕ одобрено для войскъ и рекомендовано ВСѢМИ ВѢДОМСТВАМИ.
ВСѢ НОВОСТИ О ВОЙНѢ.
Подписчики получаютъ отвѣты на все во-просы и совѣты врача, въ срочныхъ дѣ-лахъ особыми письмами.
Пробныя номера газеты «Русское Чтеніе» съ журналами БЕЗПЛАТНО.
Петроградъ, Надеждинская, № 19.
Редакторъ-Издатель Дм. Дубенскій.
Съ пересыл. на годъ. 3 РУБ.
Съ приложеніемъ еженедѣльн. иллю-стрирован. журнала «Сборникъ Русскаго Чтенія» 4 РУБ.
Съ пересыл. на 6 мѣс. 1 Р. 50 К.
Съ приложеніемъ еженедѣльн. иллю-стрирован. журнала «Сборникъ Русскаго Чтенія» 2 РУБ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ. — 30-й г. изд. **РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ**
ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ.
Издается съ 1885 года. Пробный № бесплатно. Одобрено всеми вѣдомствами.
52 №№ ЖУРНАЛА **2000** ст. текста изв. **800** иллюстрацій, отра-жающихъ духовно-нрав. жизнь прошлаго и настоящаго.
Съ особымъ иллюстриров. прилож. „Война“—обзоръ войны за недѣлю.
Ставъ своей задачей быть спутникомъ каждого христіанина въ его тяжелой жизни на землѣ—нашъ журналъ въ настояще знаменательное дѣл. естественно, удѣлитъ виднѣйшее мѣсто святой Борбѣ славянск. міра съ германскимъ и возрождающемуся подъ скипетромъ державной Россіи объединенному славянству. Въ числѣ №№ журнала въ 1915 г. будутъ даны:
12 СПЕЦИАЛЬН. НУМЕРОВЪ, **СЛАВЯНСКІЙ МІРЪ** Подъ ред. извѣстн. духовн. писателя посвященныхъ 12-ти славянск. народностямъ, борю-щимся за свою самостоятельность и православію вѣру.
12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТР. ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ СВЫШЕ 1.500 стр. больш. формата. **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ**
Журналъ будетъ выходить при участіи выдающихся писателей и содержать: историче-ские повѣсти и разсказы, характеристики и біографіи знаменит. духовныхъ и свѣтскихъ дѣятелей Россіи и всего славянства, воспоминанія, записки, воскрешающія славное былое. Историческ. судьбы Россіи и славянства и ихъ задачи—вотъ девизъ „Исторической Лѣтописи“.
18 КНИГЪ СЪБОРАНІЕ ТВОРЕНІЙ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО больш. формата.
Идя навстрѣчу общему желанію своихъ подписчиковъ, редакція продолжаетъ изданіе полнаго собранія твореній св. Іоанна Златоустаго и въ 1915 г. дастъ слѣдующія 18 книгъ, въ котор. войдутъ всѣ вѣро- и нраво-учительныя творенія этого знаменит. отца и учителя Церкви.
ПЕРВЫЯ 8 КНИГЪ Полнаго собранія твореній новые подписчики могутъ получить за доплату **3 РУБ.**
КРОМѢ ТОГО, ЕЩЕ БУДЕТЬ ДАНО:

6 КНИГЪ СЪБОРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ „пророка славянской свободы“ въ котор. войдутъ всѣ богослов. и цѣрк.-публицист. статьи. **А. С. ХОМЯКОВА,** публицист. статьи.
А. С. Хомяковъ неустанно звалъ славянъ къ дружному соединенію противъ общихъ враговъ. Онъ предвидѣлъ судьбы славянства. Таковы сочинен. вдохновеннаго „пророка славянской свободы“, оригинальнаго и, въ то же время, строго православнаго мыслителя.

12 КНИГЪ ИЛЛЮСТРИР. ИСТОРИЯ РУССК. ВОЙНЪ альбомн. форм. въ красочн. обл. Подъ редакціей Вл. П. Лебедева.
Задача изданія—подробно изложить исторію возникновенія, роста и расцвѣта русск. военной силы. Богато иллюстриров. текстъ изданія будетъ обнимать періодъ времени на-чинающагося подъ знаменіемъ русск. дружинъ родной старины до велик. войны новѣйшихъ лѣтъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на РУССКІЙ ПАЛОМНИКЪ съ прилож. 7 РУБ. безъ дост. въ Петрогр. 6 р. Съ дост. и перес. по всей Россіи ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: При подпискѣ 3 р., къ 1 апр. 2 р. и къ 1 Іюня остальные. Главная контора и редакція: Петроградъ, Стремлянная, 12, собств. домъ. Редакторъ Е. А. Поповичій. Издатель П. П. Соинкинъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

№ 13922

ПЕТРОГРАДЪ, СУББОТА, 13-го (26-го) ДЕКАБРЯ 1914 ГОДА.

№ 13922

«ПО ПРИМѢРУ КРОНПРИНЦА».

«ПЕРЕВОЗЧИКИ». — Трофеи, забираемые Нѣмцами въ беззащитныхъ городахъ и отправляемые оттуда на родину «перевозчиковъ».

Рисовалъ Lucien Jonas.

Герой.

Разсказъ.

I.

День для Ваньки заданъ несчастливый. Во-первыхъ, въ отсутствіе матери онъ пролилъ молоко, принесенное молочницей, — хотѣлъ только попробовать, и уронилъ горшокъ. Какъ разъ въ это время въ кухню зашла барыня Вѣра Платоновна; увидѣвъ бѣду и сконфуженное лицо Ваньки, она только головой покачала. Но ей Ванька не боялся. Вся семья Горенскихъ, — баринъ, барышня Оленька, ходившая теперь въ косынкѣ и бѣломъ фартукѣ, какъ у парикмахеровъ, — была добрая. Что же касается Пети, гимназиста четвертаго класса, то съ нимъ Ванька первый другъ и пріятель; еще вчера коньки старые подарилъ, и вмѣстѣ катались.

Всего больше боялся Ванька матери, служившей у господъ въ кухаркахъ потъ уже тринадцатый годъ. Ванька и родился у нихъ.

— Убѣжать, пока что... Спрятаться?.. — размышлялъ Ванька, но не успѣлъ.

Дверь хлопнула, и вмѣстѣ съ морознымъ паромъ вошла мать, вся красная отъ холода, съ мѣшкомъ въ рукахъ, изъ котораго аппетитно торчали кочанъ капусты и петрушка. При видѣ разлитого молока и смущенной физиономіи сына, она всплеснула руками.

— Ахъ, ты, негодий! Исключеніе ты человѣческой природы!.. — закричала она, бросая мѣшокъ.

— Это Вася!.. — началъ было Ванька, но вспомнилъ, что котъ давно обжгаль, и замолокъ.

— Вася! Знаю я этого Васю, — крикнула Дарья и, выдернувъ изъ-за зеркала розгу, ударила Ваньку (не слишкомъ больно) по штанамъ.

— Мамка! Не буду!.. — завопилъ Ванька и, вырвавшись, опрометью бросился на черную лѣстницу, ведущую на чердакъ. Впрочемъ, мать и не преслѣдовала его. Заткнувъ на мѣсто розгу, она надѣла фартукъ и начала растапливать плиту.

II.

Было десятый часъ. На чердакѣ было пріятно. Свѣтило солнце, ворковали голуби, пахло сырмъ бѣльемъ и пылью. Изъ узенькаго круглаго окошка видѣлась голубая даль, напоминавшая Ванькѣ дачу, куда онъ каждое лѣто ѣздилъ съ господами. Но на душѣ Ваньки лежали мракъ и тоска отъ обиды за розгу.

— Слово мѣленкаге! Вотъ возьму, да и убѣгу со съемъ, на войну убѣгу! — неожиданно для себя рѣшилъ мальчикъ, и, словно въ отвѣтъ на это, за окномъ послышалась музыка. Вскочивъ съ мѣста, Ванька бросился къ окну и замеръ отъ восторга. Вся улица была полна солдатами, бѣжали мальчишки, взрослые люди, кухарки, мясники, дворники останавливались съ любопытнымъ видомъ.

— На войну идутъ... Счастливые!.. — думалъ Ванька. И тѣмъ веселѣе и громче играла музыка, тѣмъ жарче разгоралось его сердце.

Вспомнилась Ванькѣ обида.

— Убѣгу безпремѣнно.

Но сейчасъ же онъ оскѣя.

— Убѣгу!.. А съ чѣмъ? Ни рубля, ни пистолета. Хорошъ солдатъ. Вотъ кабы съ Петенькой вмѣстѣ ударъ, — ловко было бы!

И рѣшивъ, что надо будетъ посоветоваться съ Петей, Ванька такъ увлекся, что забылъ объ обидѣ и опомнился только, когда захотѣлъ ѣсть.

Сойдя съ чердака, онъ робко отворилъ дверь въ кухню.

Мать была дома и, наклонившись надъ плитой, пробовала пирогъ, тыча въ него вилокъ.

— Гдѣ шпался, окаянный? — спросила она, но въ голосѣ не было и слѣдовъ гнѣва. — На — ѣшь.

И сунула сыну кусокъ вчерашняго мяса. Что-то защемило Ванькино сердце.

«Убѣгу, — рѣшить будетъ», — подумалъ онъ. Но война была сильнѣе жалости.

«Вернусь!» — утѣшилъ онъ себя.

— Петенька всталъ?

— Хватился! Давно кофій откушали.

— Онъ дома?

— Дома. Тебя спрашивалъ.

— Я — пойду...

— Иди. Да рубаху-то обдерни, дурашка.

Обдернувъ рубашку, Дарья отпустила сына и, вздохнувъ, занялась своимъ дѣломъ.

Петя, гимназистъ 4 класса, былъ дома и занимался химіей, въ которой, по собственному мнѣнію, былъ весьма силенъ.

Комната Пети была комнатой знаменитаго химика: на полкахъ стояли пузырьки съ какими-то таинственными жидкостями, на стѣнѣ висѣло ружье, которое внушало Ванькѣ сомнѣніе — настоящее ли оно.

При появленіи Ваньки химическіе опыты, наполнявшіе комнату вонью и дымомъ, были отложены и рѣшено отправиться за заставу кататься на конькахъ.

— Что я тебѣ скажу, Петя, — началъ Ванька, когда оба вышли на улицу.

— Что? — полюбопытствовалъ Петя.

— Не сейчасъ... Здѣсь очень опасно, народу много...

— Ну, что? Говори, — началъ Петя, оцѣпившись за заставой около какой-то рѣчонки-лужи, излюбленнаго мѣста мальчишекъ.

— Вотъ сюда иди. — И, заведя гимназиста въ грязный уголъ за дровянымъ складомъ, Ванька открылъ ему свой планъ.

Восторгу не было границъ.

— Убѣгу и я... Непремѣнно... У меня какъ разъ двойка въ четверги. Ружье есть. А вотъ только какъ насчитать денегъ? У меня всего три рубля.

— Это ничего. Мы за солдатами. У насъ Егорка Лаптевъ такъ убѣжалъ; до сихъ поръ не пашли, — успокоилъ его Ванька.

III.

Дѣло было рѣшено.

Во вторникъ послѣ уроковъ они вмѣстѣ съ Ванькой отправятся за солдатами на вокзалъ, тамъ спрячутся въ вагонъ подъ скамью, и маршъ на самую войну.

Всѣ приготовления къ побѣгу были сдѣланы заранѣе и, во вторникъ, захвативъ послѣ обѣда, для отвода глазъ, коньки, и избѣгая глядѣть на мать, Петя вышелъ съ Ванькой на улицу.

Ружье, спрятанное съ вечера подъ лѣстницей въ чуланѣ, находилось у Ваньки подъ пальто.

Вся остановка была за солдатами, которыхъ, какъ на грѣхъ, нигдѣ не было видно, а безъ нихъ бѣжать на войну не представлялось возможности. Въ толпѣ они могли затеряться, проскользнуть незамѣтно.

Это обстоятельство дѣлало охладило Петю, но не Ваньку. Наоборотъ: препятствія въ достиженіи дѣла еще болѣе разожгли его.

КОРОЛЬ-ГЕРОЙ И ЕГО СУПРУГА.

На рисунке—побережье на дороге между Дюниерном и Калэ. Эта часть морского берега осталась в руках бельгийцев. Здесь натиск Немцев остановился перед героическим упорством храброго народа. Король Альберт и королева Елизавета сняты во время их одинокой прогулки по берегу океана

Корнетъ Б. В. ГЕНИШТА, награжденный георгиевским оружиемъ.

вай, чтобы ъхать домой, какъ внезапно грянула музыка, показались солдаты, и все было забыто.

Мальчики бросились бѣжать за солдатами, очутились на вокзалѣ и затерялись въ толпѣ.

Но тутъ случилось обстоятельство, едва не помѣшавшее Ванькѣ осуществить заветный планъ.

Въ ту минуту, когда оба собирались уже юркнуть въ вагонъ, Петя неожиданно побѣдигель и, задыхаясь, произнесъ:

— Папа!..

Этого было довольно. При видѣ подхлывшаго барина, Ванька совсѣмъ ошалѣлъ. Бросивъ Петю, онъ кинулся бѣжать, какъ полоумный. Перебежавъ черезъ рельсы и пролетѣвъ нѣсколько сажень, онъ воочилъ въ какой-то пустой вагонъ и забился подъ скамейку. Потъ лился съ него градомъ, несмотря на холодъ; зубы стучали. Онъ не помнилъ, сколько просидѣлъ въ вагонѣ (ѣсть ему теперь не хотѣлось), какъ вдругъ блеснула свѣтъ, послышались грубые, веселые голоса, стукъ сапоговъ, запахло махоркой. Вагонъ наполнился солдатами.

Зазвенѣлъ звонокъ и побѣда отошела отъ станціи.

— Это ничего... Пойдемъ по всѣмъ вокзаламъ ходить; можетъ и встрѣтимъ ихъ, рѣшилъ онъ.

Отправились по вокзаламъ, но ни ва-

гонъ не встрѣтили солдатъ.

ѣсть. Припасы, заключающіеся въ 2 фун-

тахъ колбасы и неклеванномъ хлѣбѣ, на-

тати.

Пріятели уже готовились сѣсть на трам-

отъ станціи.

Устроительницы франко-рускаго вечера, 17 декабря въ гостинницѣ «Асторія» сборъ съ котораго предназначается на приобрѣтеніе теплыхъ вещей, посылаемыхъ въ дѣйствующую кавказскую армию.

Артистка театра А. С. Суворина Анаст. Ал. Суворина въ пьесѣ «Реймскій соборъ».

Артистка французской драмы (Императорскаго Михайловскаго театра) г-жа Ж. РОДНЕРСЪ (m-me Rodgers).

У СОЮЗНИКОВЪ.—Французскіе солдаты отдѣляютъ бѣдныхъ дѣтей пищу изъ своего пайка.

— На войну їду...—колотилось восторженно Ванькино сердце.

— А Петенька... И какъ это господа прознали?—изумился онъ.

А дѣло было очень просто.

Меланхолическое настроеніе послѣднихъ дней, а также двойки въ четверти (отмѣтки нашлись въ столѣ) навели родителей Пети на размышленіе. И когда тотъ не явился въ обычный часъ и начало темнѣть, мать пришла въ безпокойство. Прочитанная въ газетѣ замѣтка о сбѣжавшемъ на войну гимназистѣ сдѣлала то, что около 7 часовъ вечера Варвара Платоновна, тревожась сама, заразила безпокойствомъ всю семью.

Зазвонилъ телефонъ въ гимназію. Пуда Пети и не показывался въ этотъ день! Съ Варварой Платоновной началась истерика, и Сергій Константиновичъ побѣхалъ по вокзаламъ. На второмъ же онъ нашель сына, готовящагося убѣжать.

— Иди домой... Я не скажу матери, что ты хотѣлъ бросить ее,—строго сказалъ Горецкій.

Петя заплакалъ и покорно пошелъ за отцомъ.

Въ душѣ онъ былъ почти радъ. Проснувшаяся жалость къ матери, страхъ за будущее мѣшали радости быть военнымъ. И увидѣвъ родной домъ, мать, старую няньку Агафью, свою химическую комнату, онъ почувствовалъ, что не могъ бы жить безъ этого.

— А гдѣ же Ванюша то мой?—спросила Дарья, и тутъ Петя солгалъ, сказавъ что не знаетъ: онъ не хотѣлъ быть предателемъ!

Въ должности гофмейстера А. Н. ВОЛНИНЪ, директоръ департамента общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Къ 25-лѣтію государств. службы.

IV.

А Ванька въ это время посиживалъ подъ скамейкой. Онъ испытывалъ радость, злоское желаніе ѣсть и неудобство отъ духоты и запаха сапоговъ, находящихся на одномъ уровнѣ съ его носомъ. Нащупавъ случайно въ карманѣ забытый пряникъ, весь расплющенный и осклизлый, Ванька съѣлъ его съ вожнымъ апетитомъ.

Ночь прошла незамѣтно, потому что онъ спалъ мертвымъ сномъ, несмотря на жесткое ложе и воя. Онъ проснулся отъ голода и, вспоминая мать и теплую господскую кухню, упалъ духомъ и чуть не заплакалъ, но сдержался. Въ эту самую минуту чья-то нога такъ больно ударила его по лицу, что Ванька застоналъ и пошевелился.

— Ребята! Кто-то подъ скамейкой шевелится,—сказалъ голосъ, и бородатое лицо наклонилось надъ нимъ.

— Мальчишка! Вылезай, чертенокъ!—крикнулъ солдатъ и потянулъ Ваньку за ногу.

Послышались смѣхъ, любопытные взгляды.

— Ишь, дьяволенокъ, куда забрался...

— На что это ты?

Ванька вылезъ и сталъ передъ солдатами, трясясь всемъ тѣломъ.

— Дяденьки... Милые... Не выдавайте кондуктору...—говорилъ онъ, почти плача.

Солдаты ошаржили его.

— Не скажемъ...

— Да куда ты собрался?..

— На войну!—робко отвѣтилъ мальчишка.

Ваговъ затрясся отъ хохота.

— На войну!... Ишь ты!

— Глянь-ка,—ружье!

— Чай ѣсть хочеть,—прибавилъ кто-то.

Ванькѣ дали хлѣба, и онъ снова забрался подъ скамью.

Такъ прошло нѣсколько дней. Солдаты кормили его, играли съ нимъ, какъ дѣти.

И наконецъ Ванька пріѣхалъ на самую настоящую войну.

V.

Началось что-то новое, не похожее на прежнюю жизнь, и совсѣмъ не странное. Солдатамъ не было времени возиться съ нимъ, и Ванька остался бы совсѣмъ одинокимъ, если бы не встрѣтилъ двоихъ мальчишекъ, убѣжавшихъ подобно ему. Какъ ихъ звали, онъ такъ и не узналъ, хотя и почевалъ съ ними въ какомъ-то полустогрѣвшемъ сараѣ и ѣлъ ихъ хлѣбъ.

Проснувшись рано отъ выстрѣловъ, Ванька выбрался изъ сарая. День былъ холодный и ясный.

Вспыхивали, пока не часто, дымки, и слышалась трескотня пулеметовъ. Ко всему этому Ванька привыкъ, живя лѣтомъ въ лагерной мѣстности.

— Ровно маневры! Не страшно,—подумалъ онъ.

Но вдругъ трескъ уюлился, и одинъ, на-

ходящійся недалеко отъ Ваньки, солдатъ упалъ, за нимъ другой...

Мальчишки вышли изъ сарая.

Вдругъ произошло что-то странное: словно стаи мухъ начали летать надъ головой. Послышались крики:

«А-а... А-а...» И люди начали падать все чаще.

— Чего стоишь? Пойдемъ!—крикнулъ одинъ изъ мальчиговъ.

Ванька не тронулся съ мѣста.

Солдаты бѣжали мимо него, темные отъ пыли, стискивая руками панталоны. Это была атака.

Схвативъ свое ружьишко, Ванька бросился за ними, не помня себя, несмотря на градъ свинцовыхъ пуль. Онъ не видѣлъ, куда бѣжитъ, и вдругъ споткнулся и упалъ. Какимъ-то чудомъ не раздавили его. Поднявшись, Ванька оглядѣлся. Прямо на него бѣжали солдаты. Остальные были далеко и слышались только пальба и крики. Не добѣжавъ немного до Ваньки, этотъ солдатъ упалъ и застоналъ жалобнымъ дѣтскимъ стономъ. Съ лѣвой стороны головы расходилось огромное кровавое пятно.

— Охъ, батюшки... Смерть моя придеть!..

И вдругъ стихъ.

Въ нѣсколькихъ саженихъ отъ нихъ мчались галопомъ нѣсколько людей въ страннѣхъ, не виданныхъ еще Ванькою шапкахъ, съ торчкомъ вверху.

— Немцы... Добьютъ!..—проговорилъ раненый и смолкъ.

Но солдаты промчались мимо. Сердце Ваньки стучало молотомъ. До смерти жаль стало раненаго. Взявъ солдата за руку онъ сталъ поднимать его. Но тотъ, поднявшись немного, снова со стономъ повалился на землю.

— Мальчикъ, милый, добѣги до нашихъ... Можеть недалеко санитары... Они не бросять!—чуть слышно произнесъ онъ.

Что-то сдавило горло у Ваньки.

— Да я и самъ тебѣ... Ты только держись крѣпче: я самъ тебя дотащу: я сильный!—сказалъ Ванька и, ухвативъ солдата, волокомъ потащилъ его къ окопамъ.

Это казалось только легко. Нѣсколько разъ раненый ослабѣвалъ, какъ и его спаситель, и они останавливались отдохнуть подъ свистящими пулями. И снова Ванька тащилъ солдата, обливаясь потомъ. Они были уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ прикрытія, какъ что-то съ силой ударило Ваньку въ грудь, и онъ повалился на солдата.

Онъ былъ раненъ въ лѣвое плечо осколкомъ шрапнели.

Ванька очнулся въ лазаретѣ. Онъ лежалъ на койкѣ около спасеннаго имъ солдата. Бѣлая сестра съ краснымъ крестомъ подала пить и погладила Ваньку по голове.

Ванька хотѣлъ повернуться, но застоналъ отъ боли.

VI.

Ванька очнулся въ лазаретѣ. Онъ лежалъ на койкѣ около спасеннаго имъ солдата. Бѣлая сестра съ краснымъ крестомъ подала пить и погладила Ваньку по голове.

Ванька хотѣлъ повернуться, но застоналъ отъ боли.

Ванька хотѣлъ повернуться, но застоналъ отъ боли.

Александра Викторовна БОГДАНОВИЧЪ. † 2 декабря въ Петроградѣ. См. №№ 13914 и 13917 «Нов. Вр.»

Пришелъ докторъ, сдѣлалъ перевязку и также погладилъ по головѣ.

На другой день боль уменьшилась и жаръ спалъ. Ванькѣ захотѣлось ѣсть. Вечеромъ сдѣлалось совсѣмъ хорошо, и отъ сестры Ванька узналъ, что спасъ солдата и представителъ къ Георгію.

— Ловно!..—сказалъ Ванька и закумался.

— А за что это крестъ?

— За храбрость!—отвѣтила сестра и, укрывъ одеяломъ, велѣла спать.

Черезъ нѣкѣдѣли боль совершенно прошла, и Ванькѣ позволили встать.

Сестра сказала, что скоро поѣдутъ въ Москву, и онъ обрадовался.

Потомъ приходили какіе-то офицеры, генералы, какъ думалъ Ванька, и всѣ говорили съ Ванькой и хвалили его.

Сестра позволила написать письмо и Ванька написалъ слѣдующее:

«Мамка!

Я на войнѣ и спасъ солдата, а самого ранили шрапнелью. Прощай. Поклонись Петенькѣ. Скоро пріѣду.

Ванька. Скажи Петенькѣ, что его ружье не настоящее».

Сестра засмѣялась и обѣщала отправить.

Спустя нѣсколько дней Ванька былъ отправленъ въ лазаретъ въ Москву вмѣстѣ съ другими ранеными. Рана его зажила.

Письмо Ваньки изъ дѣйствующей армии произвело въ домѣ Горецкихъ радостный переполохъ. Дарья рѣшила блугрой. Она считала сына погибшимъ, а онъ оказался живъ, да еще герой!

Петя открылъ ей тайну исчезновенія Ваньки.

Онъ самъ ходилъ мрачный, какъ заговорившій. Услыхъ друга смущалъ его. Но когда пришло извѣстіе о мѣстѣ находке-

Извѣстный психіатръ, проф. Пав. Ив. НОВАЛЕВСКІЙ. Къ 40-лѣтію его научной и общественной дѣятельности, исполнившемуся 4 декабря. См. № 13902 «Нов. Вр.»

Павшие смертью храбрыхъ.

Подпор. М. Ф. ГРОССМАНЪ.
Скончался отъ ранъ.

Поруч. Б. Н. СИМОНЕНКО.

Поруч. Ю. С. БУЛАЦЕЛЬ 4-й.

Поруч. Ю. А. ЗАБЪЛИНЪ.

Поруч. В. А. ПЕТРОВЪ.

Кап. Н. Н. МАТВѢЕВЪ.

Шт.-кап. В. Р. ШИГИНЪ.

Кап. И. И. ТХОРЖЕВСКІЙ.

Охот. П. П. Семеновъ-Шипинскій.

Мичманъ Д. А. ИВАНОВЪ.

А. В. Гильденбальтъ-де-Гидль.

Прап. А. В. ЛАВРЕНТЬЕВЪ.

Прап. Е. З. ВИТТИНГЪ.

Шт.-к. Д. А. КОНСТАНТИНОВЪ.

Подпор. Е. З. ГЕЙНРИХСЕНЪ.

Кап. В. Н. ЛЕОНОВЪ.

Прап. А. П. НЕСТЕРОВЪ.
Скончался отъ ранъ.

Прап. П. П. НЕСТЕРОВЪ.
Скончался отъ ранъ.

Пор. В. В. ЖОЛТАНОВСКІЙ.
Скончался отъ ранъ.

Подп. С. К. ОРЪХОВЪ.
Скончался отъ ранъ.

Съ ВОЙНЫ.—Командующий благодарит полкъ за славное дѣло.

Ориг. рис. А. Пржевальскаго.

ня Ваньки, на послѣднія деньги купилъ для него гостинцевъ. — Скоро теперь... Да я, какъ выйду, опять на войну махну,—отвѣтилъ въ лазаретъ поѣхали рабѣсть съ Дарьей Ванька. Дарья только руками всплеснула. Но Ванька не удалось вновь поѣхать на войну. Ею перевели на поправку въ слабосильную команду. Приключенія пріятеля на время смутили Петю, но онъ скоро успокоился. — Я не созданъ для войны. Я буду знаменитымъ химикомъ, въ родѣ Кюри!—рѣшилъ онъ, и этимъ утѣшился.

Мать заплакала, пѣлуя сына. Петя, весь красный отъ восторга, совалъ гостинцы. Просидѣли два часа. — Когда же на выписку-то, родной?—спросила, вздыхая, мать, прощаясь съ Ванькой.

В. Волицъ.

Сестрамъ.

Охраняйте ночами неслышной заботой постели, На которыхъ страданье забыто въ лѣбящемъ снѣ. Подходите къ страданью, какъ къ пѣкой священной купели,

Въ одѣвій своихъ бѣлизнѣ. Какъ лампаду, любовью зажженное сердце несите, Чтобъ оно озарило мученія скорбные дни, Какъ угодниковъ Божьихъ, страдальцевъ просите, Чтобы приняли ваше служенье они.

Вѣра Рудичъ.

Видъ ЭРЗЕРУМА въ началѣ зимы. Къ статьѣ «Сибирь въ Малой Азій» на 408 стр.

Одна изъ улицъ ЭРЗЕРУМА зимою. Зимой въ Эрзерумѣ выпадаетъ такая масса снѣга, что въ болѣе узкихъ улицахъ города дома почти совершенно заносятся снѣгомъ, и жителямъ для сообщенія приходится пробивать тропинки, похожія на траншеи.

Сибирь Малой Азии.

Из впечатлительной эрзерумской жизни.

Каймакам * города Махаттуна, ибато Сафет-бей, рассказывал мне следующую случай из своей служебной практики.

До своего последнего назначения он был каймаком города Кыгы. Назначение туда он получил в декабрь месяце из Эрзерума.

Требовалось отправиться к месту служения немедленно. Сообщение в Кыгы исключительно вышнее и верховое и в сухое время года требуется не более трех, четырех дней. Он употребил их — восемнадцать!

Верхом пробхать было нельзя, — сибирь по брюхо лошади... Дорога, то по глубоким ущельям, то — на многосаженой высоте по карнизу обрывистых гор. Пришлось идти пешком...

На расстоянии 40—50 персть ни жилья, ни убожища... Взять он на спину палаточку, а сопровождавшие его запити (жандарм) и два Курда, сменились, тащили за собою небольшие салазки. Груз их — хлеб, сыр, чай и кизяк для топлива — восполнялся от деревни к деревне.

Сь похрюпывающими усилками, проваливаясь в сибирь, выбываясь из сил, они продвигались вперед за целый день — версть на 10—12. Наступала ночь, — они разбивали палатку, разводили огонь из кизяка и, сварив себе чаю из сибиревой воды и закусив хлебом с сыром, расплакались на почтеть тут же на сибирь. И так восемнадцать дней! «Узкий начальник благополучно прибыл к новому месту служения!»

Другой случай. В 1912 году, в разгар зимы, был назначен из Константинополя в Эрзерум новый комендант. Генералъ хлалъ через Трапезонду с семьей из пяти человек. Зима была многосибирная. Перебхать высокий перевал Коль-дага оказалось невозможным — выпавшая масса сибиря и метели закрыли путь. А перебхать было необходимо...

Нанили пять саней, по числу пассажиров, и сорок Курдов для запряжки. Выглядели по 8 человек на сани и перевозки. Стоял этот перебзд генералу 24 лиры, т. е. более двухсот рублей.

В 1911 году из батальона, отправившись в Иемеш из Эрзерума на перевал Ардешли-дагъ, отбившись в туман от своих, замерло семь человек солдат.

Между Хысомъ и Ваномъ, Хысомъ и Мухемъ почтовые курьеры доставляют зимою заказную корреспонденцию, взгромоздившись на спины Курдовъ.

Между Мухемъ и Билгисомъ население сообщается, подвизывая под ноги большие сита — примитивная замбна языкъ. Нужны ли еще примѣры?

Застраивать в сибирь караваны верблюдовъ, замерзшие целыми семьями путники, занесенные одинокие катржи **, — все это слишкомъ обычно и повторяется изо дня в день в этой странѣ бездорожья и сибирь в рѣшительного никого там не проражаетъ. Развѣ можетъ быть иначе? «Кышгальды» — «Зима пришла» — только констатируетъ население и покорно принимаетъ все связанная с этимъ испытанія, какъ должное и неизбежное.

А сь понятиемъ о Малой Азии вѣдь свяжено представление о знойныхъ, палищихъ лучахъ солнца, о шестѣ пальмъ!.. Здесь, вь Азашкертской долине, по армянскому сказанію, находилась земной рай. Югъ, жгучий югъ... И вь самомъ дѣлѣ: посмотрите на карту — здѣсь параллель Сардиніи, Балеарскихъ острововъ, крайняго юга Итали.

Когда говорить объ Эрзерумѣ, непременно прибавляютъ «Сибирь Малой Азии». Не одинъ Эрзерумъ — вся нагорная Арменія за-

служивала бы это названіе, но изъ городовъ, изъ крупныхъ центровъ наиболее томъ, когда вь густомъ туманѣ и сибирьной метели собьется сь пути караванъ. И если продолжительна, сурова и многосибирна зима вь Эрзерумѣ, лежащемъ выше, чѣмъ одинокій путникъ, затерянный вь безбрежномъ морѣ тумановъ и сибирьныхъ гдѣ-нибудь вь горахъ, слышитъ этотъ звонъ, то онъ испытываетъ то же, что пловецъ, завидѣвшій неожиданно блеснувшій маякъ вь темную бурную ночь...

Здесь могли бы цѣлѣмъ вѣсти единственными представителями древесныхъ породъ тутъ являютъ тополь и ива. Здѣсь, гдѣ могли бы зрѣть подъ знойными лучами южнаго солнца гранаты и апельсины, едва дозрѣваетъ вишня. Она, какъ роскошь, встрѣчается кое-гдѣ вь садахъ Эрзерума, зацвѣтаетъ вь маѣ и вь рѣдкіе годы, когда поздніе июньскіе или ранніе августовскіе заморозки не погубятъ ее, дозрѣваетъ кь сентябрю.

И все-таки это — югъ! Налъ сибирьной равниной Эрзерума простирается небо Сициліи. Такой глубокой синевы небеса не знаетъ сѣверъ, и сибирьные синь лузты горъ, окаймляющихъ равнину, залитыхъ яркими лучами южнаго солнца, выдѣляются на фонѣ этой темной глубокой синевы ослѣпительнымъ блескомъ.

А подумите морозной ночью на крышу вашего дома или выѣжайте на саняхъ за городскія ворота — такихъ звѣздъ, таинственныхъ блестящихъ мириадовъ небесныхъ свѣтилъ, такой яркости млечнаго пути не знаетъ сѣверъ, и вы чувствуете, что, несмотря на морозы до 30 град., не смотря на толстую пелену сибиря, окутавшую землю, это все-таки — югъ. И если вь зимній безвѣтренный день, а такихъ здѣсь много, несетесь на саняхъ по сибирьной, залитой солнцемъ равнинѣ, то вы чувствуете, что эти лучи, ласкающіе васъ и остыляющіе близкою сибиря и синевой небесъ, можетъ посылать вамъ только солнце юга. Это не хилое, малокровное солнце сѣвера, тусклое и безсилное — это яркое, полное животельной силы южное солнце. И вамъ не хочется вбрызнуть, что ртуть вашего градусника стоитъ на — 8 или — 10 град., а кь ночи упадетъ, быть можетъ, до — 20 град. и ниже.

Но если хороши здѣсь своимъ сочетаніемъ красокъ сѣвера и юга ясны, солнечные морозные дни, то ужасны бываютъ періоды сибирьныхъ метелей, а эти метели неизбежны здѣсь каждую зиму. Вь эти дни всякая жизнь замираетъ вь городѣ, почти не прибываетъ вь Эрзерумъ, ни одинъ караванъ или путникъ не рѣшается выступить за ворота города, и горе тогда застигнутымъ метелью вь пути. Каждая зима подъ Эрзерумомъ имѣетъ свой сиводикъ замерзшихъ или занесенныхъ людей.

Лѣто вь Эрзерумѣ короткое, сухое, сь знойными днями и прохладными ночами. Весна поздняя, дождливая. Случается, что вь 20-хъ числахъ іюля выпадаетъ еще сибирь вь ближайшихъ окрестностяхъ Эрзерума, и отъ почныхъ заморозковъ гибнутъ огороды, широкой площадью раскинувшіеся по окраинѣ города.

Короткое лѣто смѣняется долгой, ясной осенью — лучшимъ временемъ года Эрзерума. Тогда особенно ярко солнце, особенно сине безоблачное небо, а горный воздухъ сверкаетъ и трепещетъ особой, прозрачной чистотой и бодритъ животельной свѣжестью.

Сь середины октября начинаются дожди и скоро они переходятъ вь первый, непрочный еще сибирь. Начинается распутица. Для торговли наступаетъ пора каравановъ. Длинными, безконечными лентами тянутся они по дорогамъ и улицамъ Эрзерума, тяжело нагруженные тюками сь товарами и ящиками сь русскими керосиномъ. Мелодичный перезвонъ ихъ многочисленныхъ колоколовъ и колокольчиковъ услаждаетъ слухъ жителя придорожныхъ городовъ и селеній. Но не для этого такъ отягчается десятками колоколовъ каждое, и безъ того тяжело нагруженное, животное каравана.

Звонъ ихъ служить призывнымъ набатомъ, когда вь густомъ туманѣ и сибирьной метели собьется сь пути караванъ. И если вь Эрзерумѣ, лежащемъ выше, чѣмъ одинокій путникъ, затерянный вь безбрежномъ морѣ тумановъ и сибирьныхъ гдѣ-нибудь вь горахъ, слышитъ этотъ звонъ, то онъ испытываетъ то же, что пловецъ, завидѣвшій неожиданно блеснувшій маякъ вь темную бурную ночь...

Кь срединѣ ноября сибирьный покровъ уже прочно ложится на землю сь тѣмъ, чтобы скоронить ее подъ собою почти на полгода.

Городъ принимаетъ своеобразный видъ. Сибирь выпадаетъ часто вь большомъ количестве. Сь плоскихъ крышъ домовъ его тщательно сгребаютъ и сбрасываютъ на улицу. Наслаиваясь все выше и выше, онъ, вь срединѣ зимы, уже поднимаетъ уро-вень улицы до саженой высоты, а на этомъ сибирьномъ гребнѣ все продолжаютъ нарастать новые холмы и сугробы.

Для сообщенія сь вѣшнимъ міромъ жители вынуждены пробивать, по обѣ стороны улицы, вдоль своихъ домовъ, глубокия узкія тропинки. Вь болѣе узкихъ переулкахъ такіа тропинки прокладываются лишь сь одной стороны, сь другой же сибирьныя горы нарастаютъ, вь многосибирьныя зимы, подъ самыя крыши до-машнихъ жилищъ, лишенныхъ доступа дневнаго свѣта, роютъ глубокия траншеи отъ выходящихъ дверей кь главной тропинкѣ.

Всякое движеніе, кромѣ пѣшаго, замедляетъ вь болѣе части города. Только по главнымъ его артеріямъ, на болѣе широкихъ улицахъ всю зиму возможно санное движеніе, да и то сь рискомъ. Объ уборкѣ и расчисткѣ сибиря никто не думаетъ. За шестилѣтнее мое пребываніе вь Эрзерумѣ такой невѣроятный для мѣстныхъ порядковъ случай произошелъ только одинъ разъ. Послѣ неоднократнаго и энергичнаго настоянія передъ валиемъ (генералъ-губернаторомъ) нашего генеральнаго консула А — ва были командированы рабочіе для раскопки и уборки сибирьныхъ массъ сь улицы, на которой находится зданіе нашего генеральнаго консулата. Вообще же предполагается, что Аллахъ послалъ — Аллахъ и уберетъ. И Онъ убираетъ!..

Когда пригрѣютъ весенніе лучи апрѣльскаго солнца — весь городъ наводняется бурными потоками сибирьной воды. Улицы оживляются... Жители высыпаютъ изъ домовъ и отъ мала до велика принимаютъ участіе вь стихійной работѣ природы. Сь лопатами вь рукахъ охраняютъ они отъ наводненія свои жилища, направляя потоки, прокладываютъ имъ русла и сваливаютъ вь нихъ глыбы сибиря, которая стремительно и сь шумомъ уносится за городъ, питая воды Евфрата.

Зима прошла... Борьба со сибирьной стихіей закончена. Новая забота во всей остротѣ встаетъ для населенія Эрзерума: жизненный вопросъ о заготовкѣ топлива на следующую зиму — это большой вопросъ мѣстной жизни. На всей равнинѣ ни лѣса, ни кустарника. Мелкій горный дубъ привозится на вьюкахъ и арбахъ за 3—5 дней тяжелого пути и продается вслѣдствіе этого по крайне высокой цѣнѣ. По приблизительному расчету, смотря по времени года и состоянію дорогъ, нудъ дубовыхъ дровъ обходится отъ 40 до 80 коп. Попудная цѣна на древесный уголь втрое превышаетъ цѣну на дрова. Кизякъ продается по 4—5 коп. за кирпичъ. Отопленіе квартиры вь 4—5 комнатъ, при умеренной топкѣ, обходится вь 600—800 р. вь годъ и выше. При этомъ дровами отапливаются только комнаты, для хозяйственныхъ же надобностей дрова — роскошь, невозможная даже для весьма и весьма состоятельныхъ людей. Для этого употребляется кизякъ.

Но и кизякъ, лучший его сортъ, изготовляемый особыми мастерами-специ-

стами, пресованный вь особыхъ формахъ, недоступенъ для широкихъ массъ населенія. Оно изготовляетъ его сѣбѣ упрощеннымъ домашнимъ способомъ, вь видѣ лепешекъ. Вь теченіе всей зимы бережливое населеніе накапливаетъ запасы навоза для заготовки драгоценнаго топлива кь будущему году. У кого нѣтъ своей скотины и лошадей, тотъ старается взять такихъ на зиму на прокормъ за право пользоваться навозомъ. Мужчины нѣрѣдко поступаютъ конохами за ничтожное жалованіе, но сь правомъ получить навозъ. Бѣдота же высматываетъ свою дѣтвору на улицы, гдѣ она просянваетъ цѣлыми днями, сь вѣтерками, подбирая за каждымъ пробхавшимъ экипажемъ, всадникомъ или караваномъ — оброшенный пометъ.

И вотъ, когда сойдетъ сь улицъ города сибирь, минуетъ періодъ весеннихъ ливней и установится прочно сухая лѣтняя пора — весь городъ обращается вь сплошную фабрику кизяка. На улицахъ и дворахъ заготавливаютъ необходимое мѣсиво, сь примѣсью саману * и, изготовляя изъ него лепешки, обжигаютъ ими, для просушки, стѣны своихъ домовъ.

И все острѣе, годъ отъ году, становится здѣсь вопросъ о топливѣ, грозя со временемъ принять катастрофическій для населенія характеръ. Единственный выходъ — вынудить на рынокъ каменнаго угля. Богатые залежи его содержатся вь окрестностяхъ Эрзерума и во многихъ мѣстахъ вилаета. Но эксплуатация его развивается объ отсутствіе дорогъ и инертное, а полчасъ и отрицательное отношеніе администраціи. Нѣкоторыя попытки разработки его, предпринятія за послѣдніе годы, окончились неудачей. Неумѣлая постановка дѣла, добычаніе хищническимъ способомъ, и только сь поверхностныхъ слоевъ (отсюда плохое качество и высокая цѣна), сь первыхъ же шаговъ обрекли предпріятіе на жалкое прозябаніе.

А между тѣмъ, будетъ топливо, будетъ и фабричное производство, разовьется промышленность и оживетъ и зацвѣтетъ этотъ мертвый, но богатый край, проснется отъ вѣковаго застоя.

Но не растаивающему дыханію Османской имперіи, подъ знаменемъ полумѣсяца, пробудить его кь новой жизни: другіе нужны люди, другіе порядки, другое знамя должно водрузиться на его сибирьныхъ высотахъ!..

И недалекъ уже часъ!..

Идетъ уже богатырь и несетъ пробужденіе и свѣтъ несчастной жалкой странѣ, заснувшей вь тяжеломъ сибирь... Онъ идетъ черезъ сибиря и горы.

И ничто уже не остановитъ его!..

А. В.

Францъ и Вилли.

(Историческая повѣсть).

У**.

Знаешь сь обществомъ хорошимъ, Никого не огорчимъ Чѣмъ-нибудь такимъ мы, вь чемъ провинившихся бичомъ Бить бы стоило нещадно... Но пороки стремится жадно Захватить побольше правъ, — Ужъ таковъ порока правъ! Дѣвъ, стогола благопріистойной, Какъ Германія, спокойной Предстоятъ бы рядъ угѣхъ, — Не понутай дѣву грѣхъ... Да! Германія вь дни оны Промѣнлать ни за миллионы Не рѣшилась бы тотъ кругъ Представителей наукъ И отборнѣйшихъ поэтовъ, Отъ которыхъ ждатель отвѣтовъ

* Саманъ — размельченная солома, употребляемая вь кормъ скоту.

** См. № 13915 «Нов. Вр.».

* Каймакамъ — узбѣднй начальникъ.

** Погонщики вьючныхъ животныхъ.

На вопрос могла любой.
И они наперебой
Ей внимание расточали.
Въ ликования и въ печали
Ставя только на «ва-банкъ»,
Шиллеръ весь былъ «штурмъ» и
«дрангъ»,—
Страсти былъ онъ воплощеньемъ;
Кантъ, къ инымъ мапа прельщеньямъ,
Чистый разумъ очищалъ
Пукомъ умственныхъ мочалъ
И такимъ же точно мыльцемъ;

Славнымъ Гете-олимпійцемъ,
Точно также льнушимъ къ ней,
Всѣхъ пльняется сильнѣй
Восхитительная дѣва
И подъ звукъ его пльнѣва
Добротелью горитъ,
Какъ сто тысячъ Маргаритъ.
Видъ Германія невинной
Хуже горечи польнвной
Францу съ Вилли, шалунамъ...
— «Что бѣ такое сдѣлать намъ?...»
Сдѣлать что? Они не лихи ль?

Ужъ любовной лихорадкой...
Такъ она поражена,
Что ничто ей имена
Гете, Шиллера и Канта...
Зычный голосъ, ростъ драбанта,
Колесомъ крутая грудь
Заставляютъ дѣву лннуть
Къ «кавалеру» все прилежитъ,—
О компаніи же прежней
Если вспомнить, то глядитъ
Ужъ она (о, что за видъ!)
Сентябремъ, а не июнемъ...
— «Мы оплеваны,—такъ плюнемъ
На измѣнницу и мы!..»

И великіе умы
Прочь ушли... Но вѣдь въ резервѣ
Михель есть,—и въ каждомъ первѣ
Дѣвы жизнь играетъ... Но
Скоро стало суждено
Ей, познавъ всѣ друга свойства,
Оцѣнить его «геройство»...
За скандаломъ шель скандалъ,—
Злѣсь, онъ все вверхъ дномъ выдалъ,
Лишь бы шедшимъ на потребу
Грѣшнвой плоти пиву, хлѣбу,—
Чѣмъ онъ былъ и пьянъ, и сытъ,—
Въ ротъ его былъ путь открытъ...

Былъ дѣтина бравый Михель...
Что за видъ! въ плечахъ—сажень,
Чрево—вдвое... Пльный день
Онъ тануть готовъ былъ пиво
И, настроившись игриво,

Десятинудовый «виць»
Отпускалъ въ кругу дѣвиць.
— «Видишь, Михель, что за штуца
Для чего, скажи, ей кучка
Этихъ жалкихъ болтуновъ?»—

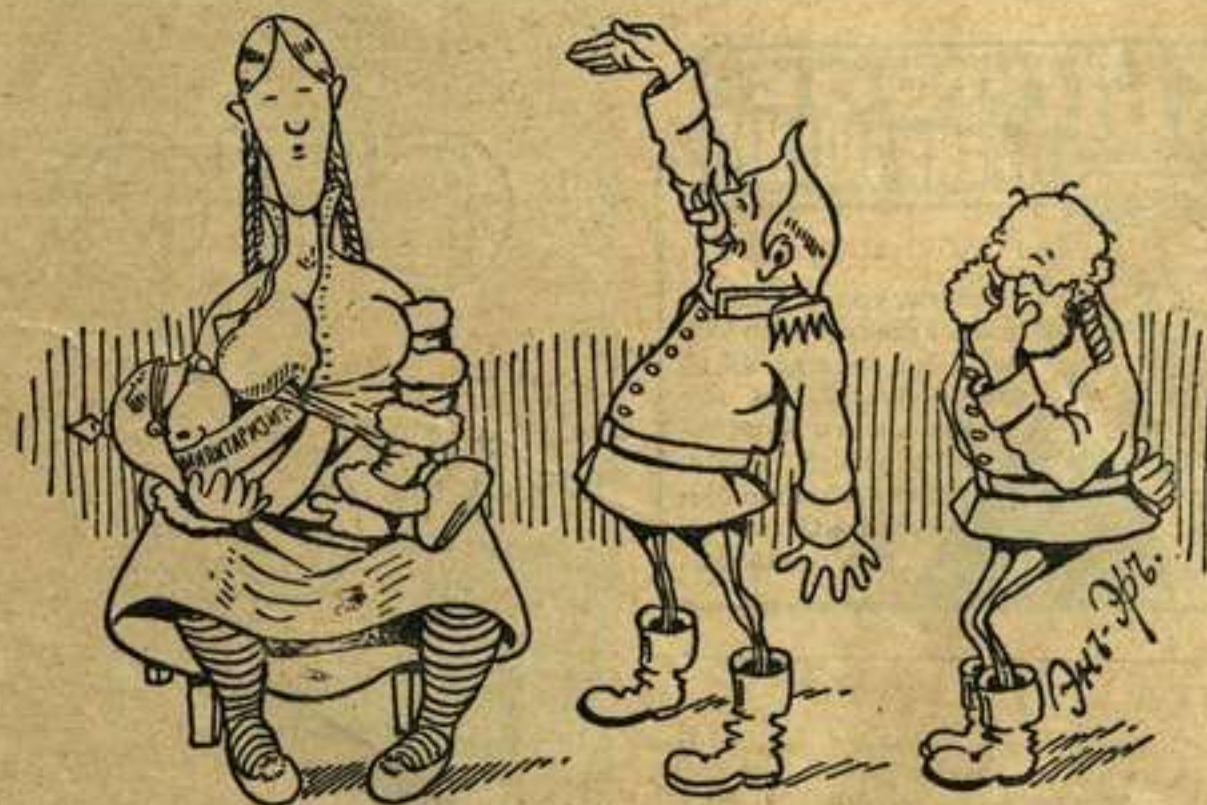
Такъ удобно жизнь устроиь,
Для подруги рядъ побоевъ
Да ругательствъ грубыхъ рои
Оставляя въ запасъ герой

Вместо ласкъ или прлвѣтствій...
Скоро бѣдной ужъ послѣдствій,
Къ коимъ велъ безумный шагъ,
Было скрыть пельзя никакъ...

Учить Вилли: «Грезъ и сновъ
Дѣвы ты героємъ станешь,
Такъ красавицу заманишь,
Что, тобой увлечена,
Ужъ не будетъ знать она,
На землѣ ль она, на небѣ ль...
Лишь предстань ей, какъ фельдфебель!

Такъ не медли ажъ, Михель... Пу-съ!»
Баска блестятъ, кверху усь,
И бряцаютъ громко шпоры...
Не герой ли онъ? И взоры
Благосклонные въ прлвѣтъ,
Какъ стязателю побѣдъ,
Дѣва шлетъ ему украдкой...

Сынъ съ характеромъ былъ черствымъ. «Этотъ мальчикъ съ буйнымъ нравомъ,
Какъ онъ мучилъ мать обжорствомъ!
Все груститъ она сильнѣй,—
Но явился Вилли къ ней
Съ утѣшеніемъ лукавымъ:
«Этотъ мальчикъ съ буйнымъ нравомъ,
Что тебѣ обузой сталъ,
На такой вотъ пьедесталъ,
Какъ герой, подрости, влѣзетъ...»
И Германія ужъ грезитъ...

Бенедиктъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НИВА еженедельный иллюстрированный журнал. ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ: **1915 г.**

52 №№ журнала: повести, рассказы, картины, рис. в краск., иллюстрации съ театра воени. дѣйствій.

52 КНИГИ, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыхъ войдутъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМѢСЯЧ. ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНИЯ“.

40 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

1-ю СЕРИЮ—18 КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ 12 КНИГЪХЪ **И. А. БУНИНА.**

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ (Оконч. повѣсти „ЯМА“) въ 2-хъ КНИГЪХЪ **А. И. КУПРИНА.**

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ въ 8 КНИГЪХЪ **М. МЕТЕРЛИНКА.**

1 Генеральная карта средне-европейскаго и южнаго театра воениск. дѣйствій, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальского.

12 №№ „Ежемѣсячныхъ новѣйшихъ модъ“.

12 ЛИСТОВЪ выкроекъ и рисунк. рукодѣльн. работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМѢС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1915 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ: безъ доставки въ Петроградъ—8 р. 50 к., въ Москвѣ, у Печковской, 7 р. 25 к., въ Одессѣ „Образованіе“—7 р. 50 к.; съ дост. въ Петроградъ—7 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ мѣста Россіи—8 р.

Адресъ: Петроградъ, въ Контору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ. Дѣнадцатый годъ изданія.

ПРОГРЕССИВНОЕ САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО. Еженедельный иллюстрирован. журналъ практическаго садовод. и огородн. Дир. П. П. Сойкинъ. Ред. П. Н. Штейнбергъ.

52 №№ ЖУРНАЛА, съ многочисленными иллюстраціями. Въ теченіе года помѣщаются около 1500 практическихъ статей и обстоятельныхъ отвѣтовъ практиковъ и специалистовъ на вопросы по всемъ отраслямъ садоводства, огородничества и пчеловодства. Они даны новѣйш. по садоводству. Въ числѣ номеровъ журнала будутъ даны слѣдующіе иллюстрирован. спец. нумера:

4 НУМЕРА **ЛѢЧИТЕСЬ ДОМА.** Старинные и новѣйшіе способы домашняго леченія плодовъ, овощами и ягодами.

4 НУМЕРА **КОМНАТНОЕ САДОВОДСТВО** съ рисунками и чертежами.

12 КНИГЪ **САДОВАЯ БИБЛИОТЕКА** съ рисунками и чертежами.

1) Грунтовые сараи. Постройка ихъ домашними средствами и приспособленіе для ранней выгонки плодовъ и ягодъ. Н. Н. Шаурова. 2) Бахчеводство. Полевая культура дынь, арбузовъ, тыквы и огурцовъ. А. П. Кузнецова. 3) Правосходная русская яблоня. Описание лучшихъ русскихъ сортовъ яблони. М. В. Рытова. 4) Культура ранней капусты и грунту. П. Дидона. 5) Сладкая ягода. Приготовление къ общ. несомнѣмыхъ сладкихъ блюдъ изъ плодовъ, ягодъ и овощей. Е. В. Спасекой. 6) Ботаника для огородниковъ. Академикъ С. П. Корженевскаго. 7) Какіе сорта плодовыхъ деревьевъ и гдѣ выгодно сажать. А. С. Карлова. 8) Изготовление моделей плодовъ и ягодъ. К. Серебрякова. 9) Какъ ускорить плодоношеніе молодыхъ плодовыхъ деревьевъ. М. Рытова. 10) Красивѣйшія вѣчно-зеленыя декоративныя растенія. Культура ихъ и простѣйшіе способы размноженія. Н. Николаевича. 11) Ядовитыя растенія. Размнож. ихъ для приготовленія средствъ уничтож. насекомыхъ, мышей и крысъ. Н. Шаурова. 12) Какъ самому сдѣлать изящную балконную мебель и марднерію для цвѣтовъ. Ф. Махаева.

5 полныхъ практическихъ руководствъ:

1. **Садъ—мое богатство.** Въ двухъ больш. томахъ. Томъ I. Плодовой садъ. Насаж. деніе и уходъ за плод. садомъ, согласно съ новѣйш. данными опыта и науки. Съ мног. орисн. иллюстр. Инструктора садовод. Т. А. Гужавина. Томъ II. Ягодный садъ. Насаж. деніе и рациональный уходъ за ягоднымъ садомъ. Т. А. Гужавина.

2. **Садъ—мое богатство.** Томъ II. Ягодный садъ. Насаж. деніе и рациональный уходъ за ягоднымъ садомъ. Т. А. Гужавина.

3. **Что надо знать огороднику** для выгоднаго веденія огорода. Практическое руководство къ огородничеству. А. С. Карлова.

4. **Лѣсоводъ-любитель.** Руководство къ выращиванію любимыхъ лѣсныхъ породъ. Ученаго лѣсовода Ф. Дамберга.

5. **Декоративное садоводство.** Полное руководство къ устройству декоративныхъ садовъ и цвѣтниковъ. П. Н. Штейнберга.

КРОМЪ ТОГО, всѣ гг. подписчики получаютъ еще четыре слѣд. приложения:

1. **СЛОВАРЬ БОТАНИЧЕСКИХЪ ТЕРМИНОВЪ.** Настольное пособие для перевода ботаническихъ названій растеній. Пер. Н. И. Кичунова.

2. **АЛЬБОМЪ ВРЕДНЫХЪ НАСѢКОМЫХЪ ПЛОДОВОГО САДА.** Съ подробн. описаніемъ испытан. средствъ борьбы съ ними. Сост. Сергей Крайскій.

3. **КАЛЕНДАРЬ РУССКАГО САДОВОДА на 1915-й годъ** съ особымъ приложеніемъ.

4. **ЗАПАСЫ И ЗАГОТОВКИ ВЪ ДОМАШНЕМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.** Запасы изъ овощей, грибовъ, ягодъ и плодовъ (соленіе, маринаваніе, квашеніе и т. д.). Варенье. Желе. Пудингъ, пастила, плоды въ сахарѣ. Ягодное и плодово-вино. Ягодные морсы. Цѣлебные сиропы. Консервы для мороженнаго. Кисель, шипучки, водочки. Старинныя мѣды. Фруктовый и ягодный уксусъ. Приготовление водокъ, ликеровъ и мн. др. Сост. Е. В. Спасекой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ со всеми приложениями съ до- ставкой и пересылкой по всей Россіи **4 руб.** Допускается разсрочка при подпискѣ 2 руб. и 1 мая остальные 2 руб.

Главная Контора журнала: Петроградъ, Стремянная ул., № 12, соб. д.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ

Литерат.-худ., иллюстриров., ежемѣсячный журналъ для дѣтей

„НЕЗАБУДКА“

Задача журнала дать чтеніе, которое, возбуждая захватывающій интересъ и отвѣчая умственнымъ запросамъ дѣтей, будило бы въ нихъ благородныя стремленія духа. Отличительныя особенности «Незабудки»—тщательный выборъ матеріала и роскошная вышность.

Подписчики въ 1915 г. получаютъ 1) 12 №№ журнала, свыше 800 стр. текста; 2) «Подъ грозой», пов. изъ временъ татарщины. А. Платоновой; 3) «Любовь до конца», пов. изъ жизни первыхъ христіанъ. А. Платоновой; 4) 10 изящныхъ цвѣтныхъ автотипій съ карт. лучшихъ худ.

Содержаніе «Незабудки» интересно и разнообразно (пов., разск., стих., популярно-научн. ст., шарады, анекдоты и пр.). «Незабудка» печатается на отличной бумагѣ и богато иллюстрируется. Въ «Незабудкѣ» печатаются только оригинальныя (не переводныя) ст. Особое вниманіе обращается на все родное. Въ «Незабудкѣ» не будетъ ничего несоотвѣтствующаго дѣтскому возрасту. «Незабудка» имѣетъ много лестныхъ отзывовъ, приобрѣла обширный кругъ читателей и необходима въ каждой семьѣ, школѣ и библиотекѣ.

Подписная цѣна: въ годъ 4 р., за границу—6 р., полгода—2 р., 3 мѣс.—1 р., пробн. № нал. плат. 40 к. Редакція: Петроградъ, Петропавловская яр-ность, 86. Тел. 104-53.

Ред.-Над. прот. А. Темномѣровъ. Ред. А. Платонова.

РУМЯНЕЦЪ,

который никто не отличитъ отъ натуральнаго, придаетъ „Вода здоровья“

„Eau de Santé“ соверш. безвредн.

ВО ИЗБѢЖ. ПОДДѢЛКИ прод. ТОЛЬКО Птгр., Коломенская, 27. соб. домъ, Salon de Beauté съ 1—7 ч. Высыл. наложен. платеж. флак. 8 р., достаточ. на 3 мѣс. **ПРОБ. ВЪ САЛОНѢ БЕЗПЛАТНО,** но не высыл. Деньги впередъ не высылаютъ. Первая посылка отправл. только черезъ 4—5 дней по случ. многочисл. заказовъ. Магазины на продажу не даю. Отдѣленій не имѣю. До востребованія не высылаю. НИГДѢ НѢТЬ ПОКА НИЧЕГО ЛУЧШАГО.

БЫСТРОЕ ПРЕКРАЩЕНІЕ

ГОЛОВНЫХЪ БОЛЕЙ

невралгій, миѣаса, простудныхъ и ревматическихъ бо- лей, даетъ Кефалдоль-Д-ра Сторъ. Отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Кефалдоль абсолютно безвреденъ. Остерегайтесь поддѣлокъ.

КРАШУ КОЖУ

на мебели, соверш. стар. потерт., линял. привоку въ прежн. видѣ, всѣхъ цвѣтовъ. Петрогр. Ст., Ораніенбаумская, 22. Луцановъ. Тел. 618-96.

СЛУЧАЙНЫЯ ВЕЩИ

крайне выгодно, у ювелира. Супр. съ 1878 г. С. М. ВОЛОСЬ. **45, Литѣйный, 45.** Продажа и обмѣнъ драгоцѣн. вещей.

СТОЛИЦА И УСАДЬБА

ЖУРНАЛЪ „КРАСИВОЙ ЖИЗНИ“.

Пробный № высылается или выдается въ конторѣ за 30 коп. почтов. марками.

Журналъ посвященъ свѣтлой жизни, кинизмъ, спорту, охотѣ, колѣкционерству и, особенно, жи. на русск. усадьбѣ въ ея прошломъ и настоящемъ.

Двухнедельный роскошный журналъ совершенно новаго въ Россіи типа: по образцу англійскихъ. Красочные рисунки въ каждомъ №. Войнѣ отводится мѣсто, въ предѣлахъ программы журнала.

Редакція—Каменный остр., 81 (прот. театра), соб. вилла. Тел. 145-25. Контора—Невскій, д. Зингера, кв. 10 (входъ съ Невского, на подъѣмной машинѣ въ 8 этажѣ). Тел. 260-51.

Годовая подписка 11.50 въ Петроградѣ и 12.50 вездѣ въ Россіи. Полу- годовая (съ № 12) 7 р. вездѣ въ Россіи. №№ 1 (три изд.), 2 и 3 полностью разосланы. Допускается разсрочка.

Открыта подписка на 1915 годъ. Для ознакомленія съ журналомъ принимается подписка на 4 пробныхъ номера здѣсь и вездѣ въ Россіи 1 руб. 50 к. н.п. Редакторъ Вл. Крымскъ.

Вышесть и поступить въ продажу

АЛЬБОМЪ МОНОГРАММЪ

для мѣтки бѣлыя гладью, крестомъ и строчкой. Въ новомъ стилѣ.

Изданіе П. Вышинской. Съ перес. илл. пл. 2 р. 85 к. Адр.: Петроградъ, 10-я Рожд. гвѣдская № 9, кв. 14. П. Вышинской.

А. Ю. Пилсудскій Невскій, 96.

УРАЛЬСКІЕ КАМНИ.

Громадный выборъ драгоцѣнныхъ уральскихъ камней. Цѣны вѣнъ конкурентн. Лучшие мастера. Художественн. исполнен. ювелирныхъ заказовъ.

В. МИКУЛИЧЪ

МИМОЧКА

ОЧЕРКЪ

I. Мимочка—невѣста.
II. Мимочка на водѣхъ.
III. Мимочка отравилась.

Цѣна 1 руб.
ИЗДАНІЕ А. С. СУВОРИНА.

НОВОЕ ВРЕМЯ

Основатель А. С. Суворинъ.

Д. 27006

№ 13933

ПЕТРОГРАДЪ, СРЕДА, 24-го ДЕКАБРЯ 1914 ГОДА (6-го ЯНВАРЯ 1915 ГОДА).

№ 13933

«Утро Рождества Христова».—Картина Ф. Коупера (F. C. Cowper).

РОЖДЕСТВО ВЪ СТАРЫЕ ГОДЫ. — «Елена въ усадьбѣ».

Рис. Г. Г. Р.

Виолеевская звѣзда.

Тогда—это было слишкомъ тридцать лѣтъ назадъ—природа не шутила. И все шло по порядку.

Тогда не бывало оттепелей и мокраго снѣга въ декабрь. И «Егорій» шелъ «съ ностомъ», а «Никола съ гвоздемъ»: до Егорья замерзали все воды, а съ Николаина дня трещали морозы.

Помните, часто бывало, что подрастающихъ дѣтей изъ-за холодовъ боялись выпустить наружу. Рассказывали о галкахъ, падающихъ на лету замерзшими. Какъ весело и пронзительно скрипѣлъ по жесткому накатанному снѣгу быстрый полозъ саней, какими клубами шелъ паръ отъ разгоряченныхъ быстрой ѣздой коней!

Всякій разъ, какъ незамѣтно и тихо приближается святой день Рождества, я стараюсь мыслями уйти вдале, въ тогдашнюю Москву, въ замороженный мѣръ дѣтской.

Тогда стояла во всей своей своеобразности нетронутая усадьбная Москва со своими обширными особняками и уютными деревянными домиками, съ большими дворами и «палсадниками».

Это было то невѣроятное время, когда недурные извозчики возили за пятакъ, когда на площадяхъ стояли «фонтаны» красивой, причудливой формы, изливавшие воду черезъ львинныя пасти въ большой бассейнъ. Эту воду черпали деревянными бадьями на длинныхъ палкахъ водовозы, большей частью ловкие молодые парни, и развозили ее по домамъ: кто въ огромныхъ бочкахъ на телѣгахъ съ лошадыю, кто въ боченкахъ поменьше, на себѣ, обливаясь потомъ и напрягая все силы.

Это было то время, когда люди не смѣли тронуть снѣга, бынашаго съ неба, «изъ Божьей руки». На улицахъ его только бережно сгребали въ стороны и около тротуаровъ образовывались цѣлыя снѣговые траппы, росшія съ теченіемъ зимы. И какъ обильно было весеннее таяніе, и сколько прелести въ бурливомъ журчаніи наводнявшихъ Москву мутныхъ водъ!

Предо мной встаетъ уютное просторное семейное жилье, и три дѣтскія—двѣ громадныя, одна поменьше, съ перегородкой для Француженки; старая няня Марья Андреевна съ почтеннымъ лицомъ и гофрированнымъ чепцомъ надъ сѣдыми волосами, прекрасно уживавшаяся съ бойкой тараторкой изъ Парижа, которая ей, впрочемъ, во всемъ подчинялась.

Въ одной изъ дѣтскихъ съвозъ всею компаніею проходитъ полный наборъ гимнастическихъ приборовъ, по которымъ мы лазаемъ какъ бѣлки, преслѣдуя другъ друга, а тамъ, въ зарубкахъ столовъ, подъ са-

мымъ потолкомъ, у насъ тайнички, хранить лакомства.

По одной изъ стѣнъ стоитъ конюшня старшаго брата: шесть лошадей большого размѣра и разной масти. На ночь ихъ разсѣдываютъ, и въ видѣ забора обкладываютъ на полу досками, чтобы не увели воры. Тутъ же рядомъ—пѣгая корова, телѣжки, экипажи маленькіе, «железная корова», комнатные велосипеды.

Хорошо бывало тутъ вечеромъ, при тихомъ свѣтѣ лампы съ зеленымъ стекляннмъ абажуромъ, когда шли игры, и старья почтенныя дубовыя кресла, понынѣ мною сохраняемыя, являлись и каретой, на которую напали въ лѣсу, и озеромъ, въ которомъ тонуть дѣти, и повозомъ, сходящимъ съ рельсовъ.

Послѣ долгаго шума, няня, быстро все время двигавшая спицами надъ клубкомъ шерсти и зоркимъ взглядомъ сквозь полуспущенныя очки осирывавшая дѣтскую, уводитъ спать маленькую сестру.

Француженка въ то время кончила строчить свои письма и начинаетъ читать намъ разныя «historiettes».

Слушаешь и не слушаешь. Думаешь о всемъ и ни о чемъ: о морозѣ тамъ, за стѣнами, о бойкомъ бѣгѣ саней у насъ подъ окнами, о добромъ и зломъ мальчикѣ изъ «historiette», о томъ, что подарить на елкѣ и какъ хорошо будетъ бархатный костюмчикъ, который приносили сегодня привѣрять.

День кончился. Все утихло. Огни погашены. Только маленький язычокъ свѣтитъ предъ образомъ сквозь зеленое стекло лампадки. И, пока не уснулъ, ворочаясь въ постели, что-то чувствуешь, о чемъ-то мечтаешь.

Высокая комната съ невидимымъ потолкомъ полна таинственности. Кромѣ стѣнъ, ее отдѣляютъ отъ міра высокія ширмы, по случаю мороза приставленныя къ окнамъ. Ждешь, не крадутся ли воры въ конюшню; не мелькнетъ ли тѣнь умершаго недавно дяди, не взмахнетъ ли бѣлымъ крыломъ тотъ ангель-хранитель, который садится на ночь у изголовья спящихъ людей...

Но все безлюдно въ зеленомъ полумракѣ. И душа опускается въ забвеніе сна...

Онъ приходитъ въ растущихъ сугробахъ снѣга, въ дышаніи крѣпнущей зимы, въ оживленіи встрепенувшейся столицы, въ хлопаніи дверей магазиновъ, въ чемъ-то радостномъ, торжественномъ и общающемся, въ зелени елокъ на площадяхъ, въ мѣрномъ гулѣ праздничныхъ колоколовъ; такъ приходитъ онъ, день Рождества.

Стоящая въ какомъ-то закоулкѣ и ту-

пешъ, такъ что сразу и не сообразишь, наша приходская церковь «Никола въ Хлыновѣ» все усыпана по полу, и снаружи у дверей можжевеловымъ, горитъ стекло и серебро паникадилъ. Громкое пѣніе, полнота народа, дорогія ризы—все говоритъ о праздникѣ.

И поверхъ всего этого дѣтскія мысли слятся уйти вдале, въ ту святую ночь, когда въ холодѣ пещеры Пресвятая Марія родила Младенца и уложила Его въ ясли. Отъ ночной стужи согрѣвали Его дыханіемъ позревшей воль и ослика. Рядомъ стоялъ сѣдой старецъ Иосифъ. Пастухи пришли съ поля со своими собаками, и звѣзда, ведшая волхвовъ, привела ихъ къ пещерѣ, и скатилась надъ ней.

Звѣзда Виолеева!

Какъ жадно искалъ ее въ началѣ сумерекъ, съ утра по усердію ничего не ѣвши... И она закигалась, спокойная, ясная, неизмѣнная, и миганіемъ лучей своихъ говорила:

«Родился Христосъ!»

И сердце волновалось сладкимъ волненіемъ, когда начинали пѣть незамѣнимыя слова этого Рождественскаго кондака, написаннаго Романомъ Сладкопѣвцомъ.

Я зналъ про Романа. Онъ служилъ при царьградской Софіи, былъ неграмотенъ, и все надъ нимъ смѣялись. Онъ молился Божьей Матери, и Она во снѣ научила его новой пѣснѣ. Эту пѣсню онъ въ канунъ Рождества свѣлъ въ Софію передъ патриархомъ и императоромъ.

И эту пѣсню поютъ доселѣ особымъ напѣвомъ. Какъ святая чудесная сказка, нарастають, развертываются въ простыхъ словахъ эти событія, и владычествуютъ душой:

Дѣва днесъ Пресущественнаго раждаетъ.

И земля вертеть Непреступному приносить.

Ангели съ пастырьми славословятъ. Волсви же со звѣздою путешествуютъ. Насъ бо ради родился Отроча младое—Превѣчный Богъ.

Превѣчный Богъ! Лучше не расскажешь!

И вотъ опять ночь, и темнота, и въ тихой дѣтской миганіе огонька въ зеленой лампадѣ. И кто-то тихо шепчетъ надъ изголовьемъ:

Отроча младое—Превѣчный Богъ!

Маленькій, слабый, беззащитный, беззащитнѣ меня! Ему холодно. Онъ забываетъ. А Иродъ «ничетъ души» Младенца... Вотъ на дняхъ видѣлъ картинку: Дѣва Марія склонилась надъ Нимъ, цѣлуетъ Ему ручку, и Сама вся въ слезахъ.

Опять холодная ночь. Ослякъ осторожно ступаетъ по дорогѣ умблыми копытцами,

несетъ Дѣву съ Младенцемъ. Бѣгутъ въ Египетъ. Одинокіе, безпріютные.

А тамъ, вдали, крестъ, распятіе, невыразимая мука. Хочется плакать надъ ними. А надъ изголовьемъ кто-то шепчетъ неразгаданную предвѣчную тайну:

Отроча младое—Превѣчный Богъ!..

Я посылалъ Святую Землю.

Смущенный, изумленный, я своими глазами смотрѣлъ на Иудейскія горы, на крѣпость царя Давида, на храмъ Воскресенія, камень миромазанія, разсѣченную скалу, гдѣ былъ водруженъ крестъ, на пещеру «тридневнаго» Мертвеца.

И мнѣ хотѣлось Виолеева.

Отъ Голговы Его страданія, отъ невыразимыхъ картинъ муки Его, отъ предсмертныхъ Его воплей—мнѣ надо было видѣть ту точку земли, гдѣ лежалъ повитый Младенецъ-Христосъ, откуда пошло чудо Евангелія и обновленная жизнь человечества.

Мнѣ надо было эту надъ землю, это извѣки тамъ замершее во всей силѣ своей событіе. Мнѣ надо было сказать себѣ: «я въ Виолеевѣ», и увидѣть душой все, что тамъ было.

И это такъ близко отъ Иерусалима.

Я мало обращалъ вниманія на то, что было по дорогѣ: на поэтическую въ одиночестве и забытости своей гробницу Рахили справа отъ пути, на великолѣпные дома предъ городомъ, выстроенные, по словамъ болтливаго кучера-Араба, хорошо говорившаго по-французски, выходцами изъ Виолеева, нажившимися въ Америкѣ... Но я не могъ не замѣтить необыкновенной зрѣлости, какую былъ запечатлѣнъ видъ этого городка на его высотахъ, съ ослѣпляющими его рощами маслинъ.

«Слава въ вышнихъ Богу, и на земли мнѣ, въ человѣцѣхъ благоволеніе»,—здесь упали на землю съ неба эти слова, и здѣсь стоятъ, безсмертныя.

Обычныя узкія улицы, какъ въ Яффѣ, какъ въ Иерусалимѣ... Мимо, мимо, скорѣй, скорѣй!

Великолѣпная, суровая синякужи, гармоническая внутри, колошата базилика царицы Елены. Еще съ десяткомъ шаговъ... Сойдись! Нѣсколько ступеней внизъ.

Открылась пещера Рождества.

Трудно передать, что вы испытываете, когда стоите предъ нишей въ скалѣ, гдѣ совершилось это чудо. Гирлянды лампадъ со всѣхъ сторонъ повисли надъ этимъ мѣстомъ. Въ полу видѣлана большая звѣзда, и вокругъ нея металлическія буквы по-латыни гласятъ: «Здѣсь Слово плоть бысть». Въ нѣсколькихъ шагахъ—пещера лелей.

Слава Богу, никого не было! Огни в лампадах тихонько дрожали. Свечи тихонько потрескивали. Вьсть Рождества Христова сіяла своими буквами. И было так хорошо, так хорошо.

Чувствуемый душой, лежал Он тут, под взором Девы Марии, улыбался детскими очами, призывал, общался, утешался, касался души. Что-то шло в душу, возрождая ее. Какие-то токи силы и воли. Все в жизни казалось столь далеким, чудным, ненужным, кроме этой пещеры в лампадах и этих потрясающих слов о Рождении Спасителя мира.

И без слов звучала душа пения, что в ту ночь пропела ангела пастухам Вифлеема, и широко открывавая, душа бросала к ногам Христа, как волхвы— свое золото и ладанг и смирну.

Там, где-то за стѣнами, в легком туманѣ, зеленѣли «луг пастухов» со старыми деревьями и падали в лучах солнца на землю бусы ангельской пѣсни.

Хотѣлось не уходить, не возвращаться «в міръ». Истать тутъ в любви и умиленіи, унести ее—и вочію увидѣть Младенца!

Е. Поселяницъ.

Рождественская гостья.

Ночь. Комната поэта озарена луннымъ свѣтомъ, въ ясномъ зимнемъ небѣ блещутъ звѣзды, и одна изъ нихъ особенно ярко. Поэтъ за столомъ, съ перомъ въ рукѣ, готовится писать. Ночная гостья появляется на порогѣ. Поэтъ смотритъ на нее въ изумленіи, почти въ ужасѣ, какъ на видѣніе какого-то страшнаго міра. Гостья глядитъ на него глубокимъ, пристальнымъ взглядомъ.

Поэтъ.

О, кто ты, странница, у моего порога? Ты такъ измучена, глаза жъ твои курятъ, И кровью, вижу я, заорызаешь твой нарядъ. Скажи, откуда ты? Гдѣ домъ твой? Гдѣ дорога, Которой шла сюда? Ты въ ранахъ, ты въ рубцахъ... Встрѣчаютъ развѣ такъ Спасителя рожденье? Зачѣмъ смущаешь ты меня въ моихъ мечтахъ?

Я вѣдь хочу любовь и всепрощенье, Напомнить міру въ дни кровавыхъ грозъ О томъ, что благодетель назъ завѣщалъ Христомъ,

Зажечь глаза хочу на кровь и мучи, На эти вепханная смертью борозды, И въ переличатыхъ лучахъ святой звѣзды Хочу настроить мирно лиры звуки. Смотри—ужъ бѣлые готовыя листы Наполнить строфами, гдѣ грезы не угасли: Тутъ и Волхвы, тутъ и святые ясли... Зачѣмъ же, бурная, меня смущаешь ты?

Ночная гостья.

Закрывать глаза желаешь ты, поэтъ? И видѣть въ звѣздахъ небо голубое, Пѣть мирный гимнъ и дѣтство золотое, И елки блескъ и игры свѣтлыхъ лѣтъ? Перелистать рассказы въ священныхъ глазахъ,

Дать отдыхъ хочешь чувству и уму? Я жъ съ тѣхъ полей, гдѣ небо все въ дыму, Гдѣ панеть смерть на бороздахъ кровавыхъ,

Гдѣ духъ вражды не можно превозмочь, Гдѣ ядра рвутъ и вѣрности и груди, Гдѣ даже въ эту праведную ночь Готовъ раздастся жадный ревъ орудій. Смотри: черты мои искажены, Челю въ рубцахъ и грудь въ глубокихъ ранахъ.

Поэтъ, ты хочешь быть въ мечтахъ, въ надѣвѣнныхъ странахъ? Остановись предъ Музою Войны!

Поэтъ.

Предъ музой? Какъ? И у войны есть муза? О, нѣтъ, меня къ себѣ не призывай.

Такого дикаго, ужаснаго союза Ты струнамъ лиры не предлагай. Раздоръ войны и свѣтлый міръ поэта, Кровавый адъ и кроткая звѣзда,— Соединить возможно ль это? Нѣтъ, не зови меня, ужасная, туда. Поэзия священна, свѣтлый гонимъ, Небесъ великій, дивный даръ Ужель есть тамъ, гдѣ мирный трудъ се-леній

Преображенъ въ пылающей пожаръ, Гдѣ въ ужасѣ бѣгутъ, стеноя, люди, Гдѣ мечутся голодные стада, Гдѣ матерей изсохшихъ пусты груди И стариковъ пощажены ль года?

Гдѣ самъ законъ съ себя свой долгъ слагаетъ, Гдѣ смерть беретъ опору у семьи, Гдѣ и дѣтой, и женщины заражаетъ Духъ истребленія въ эти дни.

Какъ? въ эту ночь, ночь свѣтлой благодати. Ты хочешь, чтобъ слова: любовь, добро Я обращалъ въ слова вражды, проклятій? Чтобъ посвящалъ я имя мое перо?

Ночная гостья.

Ты говоришь о духѣ истребленія? Ты духъ героизма позабылъ, поэтъ! Скорбишь надъ непломъ мирнаго селенія, А Родина? Ее забылъ ты?

Поэтъ (встреппенувшись). Нѣтъ.

Ночная гостья.

Взгляни на мои мозолистыя длани, На эту грудь въ крови съ святымъ крестомъ,

Я—Родина, возставшая въ дни брани, Вооруженная пылающимъ мечомъ. Ты говоришь о женщинахъ и дѣтяхъ, Ихъ бравный кличъ твой ужасаетъ слухъ. Но это я въ созданныхъ слабыхъ этихъ, Я—Родина, тотъ пробудила духъ! Воспѣть ты хочешь праздникъ въ мирномъ словѣ?

Но не бойцы ли на твоёмъ столѣ? Вотъ этотъ юноша, родной тебѣ по крови, Не за Россію ль легъ въ сырой землѣ? Ты въ чувствѣ, ужасомъ объятъ, Твердишь: «Поэзия даръ утѣшенно данъ»... Поэзия звучитъ, порой, кабатомъ, Беретъ ружье и мечъ и барабанъ. Ея огнемъ порой пылаетъ слово, Она рождаетъ за Россію восторгъ, Въдъ Родина любима и сурова, Она и вождь и любящая мать.

Поэтъ.

Дай ранъ твоихъ коснуться и одежды, Подъ твой языкъ, побѣды и стращу, Пою великія народныя надежды И путеводную привѣтвую звѣзду!

Н. Вяльде.

Изъ области рождественскихъ вѣ-рованій.

Полное таинственной красоты и неизяснимой чудесности Рождество Христа искони служило въ представленіи вѣрующимъ людей центромъ благочестивыхъ преданій и традицій. Многія изъ нихъ стойко продержались на протяженіи долгихъ вѣковъ.

Какъ бы желая подчеркнуть въ своей памяти извѣчность рождественскаго праздника, христианское человечество, въ значительной своей части, изъ года въ годъ вноситъ въ свои жилища юное дерево, никогда не терпящее своего зеленого убора, и освѣщаетъ его радостными огоньками, теплый уютъ и блескъ которыхъ такъ живо вызываетъ представление о безчисленныхъ звѣздахъ, ярко мигавшихъ въ памятную декабрьскую ночь, одержавшую великую побѣду надъ первороднымъ грѣхомъ. И вотъ Англичане давно уже ввели въ обычай щедро украшать свой домъ вѣтвями остролиственника, знаменующаго собою въ англо-саксонской мнелогіи атрибутъ побѣдоноснаго воина. Въ той же Англии, въ день торжественнаго рождественскаго богослуженія, цер-

ковный полъ бываетъ усыпанъ лавровыми листьями и пахучимъ розмариномъ. Строго консервативный въ своихъ национальныхъ преданіяхъ и традиціяхъ, истый Англичанинъ, иной разъ умышленно закрывая глаза на свою «культурность», чистосердечно вѣрится, что въ полночь подъ Рождество розмарины обладаютъ чудодѣйственною силою на грядущій годъ.

Сынъ Божій началъ свою человеческую жизнь въ ясляхъ. Отсюда вытекаетъ обычай, дониндѣ строго соблюдаемый въ вѣкоторыхъ мѣстахъ на Западѣ,—выставлять въ сочельникъ на дворъ ясли, въ надеждѣ получить особое благословеніе Божіе. Лѣтописи католической церкви рассказываетъ, что вѣкогда святой Францискъ Ассизскій, съ разрѣшенія папы, въ цѣляхъ укрѣпленія вѣры народа, задумалъ торжественно возродить сцену Рождества Христова. Соорудили ясли, привели осла и быка. Послѣ этого началось богослуженіе при стеченіи невиданныхъ массъ восторженно настроенныхъ молящихся, проливавшихъ слезы умиленія. Св. Францискъ произнесъ горячую проповѣдь, весь уйдя въ духовное созерцаніе евангельскаго событія. Повернувшись лицомъ къ яслямъ, онъ и весь присутствовавший клиръ, съ замираніемъ сердца, не вѣря глазамъ своимъ, увидѣли въ ясляхъ рѣдкой красоты Младенца. Слава Бога, святой простеръ руки къ Младенцу, двинулся... и видѣніе растаяло въ воздухѣ.

Извѣстная Катарина Сиенская однажды въ Рождественскую ночь глубоко задумалась надъ тайною воплощенія Богочеловѣка. Чей-то еле слышный голосъ шепнулъ ей на ухо: «Встань, и иди въ хлѣвъ». Катарина встала и исполнила повелѣніе: въ ясляхъ лежалъ Божественный Младенецъ, надъ которымъ склонилась Приснодѣва Марія. Катарина коснулась рукою Ея одѣянія изъ грубой толстой ткани, ясно ощутивъ шероховатость матеріи, и тогда увидѣла, что передъ нею ничего нѣтъ, но хлѣвъ весь какъ бы сіялъ голубоватымъ свѣтомъ.

Въ легендахъ, связанныхъ съ Рождествомъ Христовымъ, большую роль играютъ волъ и ослица.

Фламандскій писатель Преторіусъ, писавшій, какъ и все образованное средне-вѣковье, по-латыни, въ одномъ изъ своихъ поэтическихъ произведеній оставилъ характерный разговоръ представителей животнаго міра на Рождественскую ночь. «Въ полночь волъ, спокойно спавшій, вдругъ протяжно замычалъ: «Puer natus» (мальчикъ родился). Ему население хлѣва не повѣрило. Тогда къ волу присоединилась ослица и закричала, что королева правду говоритъ («ita est»). Пѣтухъ встреппенулъ на шесткѣ и пронзительно закричалъ: «ubi?» (гдѣ?). Все сомнѣнія разрѣшила овца, пролаявъ: «in Bethleem, in Bethleem» (въ Вифлеемѣ).

Ослу и овцѣ христианскія легенды вообще приписываютъ чуткость къ воспріятію высокихъ истинъ. Такъ, въ одной изъ церквей республики Санъ-Марино хранится и теперь еще икона, на которой изображены эти животныя, о которыхъ рассказываетъ, что, встрѣтивши на улицѣ священника, шедшаго со Святыми Дарами, изъ всего пестраго стада одного зажиточнаго крестьянина только оселъ и овца пали на колѣни и радостно подали голосъ. Въ Нормандіи французскія женщины часто утверждаютъ, что если поздно вечеромъ войти въ хлѣвъ, гдѣ имѣется оселъ, то можно видѣть, что около 12 часовъ ночи, и только разъ въ годъ, оселъ опускается на колѣни, и нѣтъ никакой возможности заставить его встать.

Конь также не чуждъ таинственности Рождественской ночи. Любой голландскій школьникъ вамъ скажетъ, что въ сочельникъ вечеромъ по Нидерландамъ на быстрой, бѣлой, какъ снѣгъ, лошади развѣзжаетъ святой Николай и зорко поглядываетъ по сторонамъ, всё ли въ мирѣ и добромъ духѣ готовится встрѣтить святой часъ, нѣтъ ли гдѣ лихихъ людей, забывшихъ совѣтъ христианнаго Горе имъ! Сдѣлая брови великаго угодника въ такомъ случаѣ гнѣвно сдвигаются, и въ поднятой рукѣ со свистомъ появляется длинный бичъ.

Въ старомъ фламандскомъ Гентѣ, которой вѣкогда снабжалъ сукномъ чуть ли не всю Европу, существуетъ столь же древній мостъ, носящій довольно непривѣтливое наименованіе «Головоломнаго». Сколько-нибудь освѣдомленный въ преданіяхъ родного города гентскій гражданинъ,—теперь, пока еще, съ сожалѣніемъ, находящійся подъ рукою свирѣпыхъ Нѣмцевъ,—повѣдаетъ любознательному

туристу исторію этого моста. Еще во времена императора Максимилиана, получившаго богатую Фландрію въ приданое за женою, компания молодыхъ гентскихъ горожанъ раскутилась въ сочельникъ въ одномъ изъ гостеприимныхъ кабацковъ. Языки разошлись во всю. Одинъ изъ гулякъ сталъ рассказывать слышанное имъ когда-то повѣрье: въ полночь подъ Рождество вся вода на землѣ на мигъ превращается въ вино. Этому рассказу не всё повѣрили. Слово за слово—загорѣлся споръ. Рѣшили провѣрить легенду на дѣлѣ. Когда пробило двѣнадцать, наиболѣе недоверчивый собесѣдникъ вышелъ изъ таверны и направился къ мосту, намѣреваясь зачерпнуть въ стаканъ чудодѣйственной воды. Едва вступилъ онъ на мостъ, откуда вела лѣсенка къ самой водѣ, какъ вдругъ покачнулся, упалъ и сломалъ себѣ шею. Навли его уже бездыханнымъ.

Повѣрье о превращеніи воды въ вино, несомнѣнно, сложившееся подъ влияніемъ евангельскаго повѣствованія о бракѣ въ Канѣ Галилейской, особенно крѣпко держалось въ католическихъ кантонахъ Швейцаріи, отразившей это сказаніе въ своемъ эпосѣ.

Вѣра въ удивительную способность воды пріобрѣтать временно всё качества вина, человекъ старыхъ понятій и взглядовъ не обомель вниманіемъ и важнѣйшую часть своей пищи—хлѣбъ. Британецъ—даже XX вѣка,—непоколебимо убѣжденъ, что хлѣбъ, испеченный въ сочельникъ, не зачерствѣетъ въ теченіе цѣлаго года.

Бывавшіе въ Нормандіи не разъ слышали отъ мѣстныхъ обывателей, что такой хлѣбъ цѣлительно дѣйствуетъ отъ укусовъ бѣшеной собаки. Въ вѣкоторыхъ уголкахъ Даніи хлѣбъ, выпеченный передъ наступленіемъ Рождества, берегутъ нетронутымъ до Новаго Года, и только тогда начинаютъ употреблять его въ пищу.

Въ ночь, когда человечество благоговѣнно отдаетъ дань великимъ воспомнаніямъ свѣтлаго Рождества Христова, вся «темная сила», вся нечисть—по мнѣнію вѣкоторыхъ суевѣрныхъ людей,—въ силу особаго созволенія Божія получаетъ возможность бродить по землѣ. Въ Скандинавскихъ странахъ предѣломъ свободы дѣйствія злыхъ духовъ, считаются два часа пополудни. Ни одинъ штирейскій крестьянинъ, даже наиболѣе зараженный скептицизмомъ маловеръ, не рѣшится въ сочельникъ вечеромъ пойти на ближайшій къ деревнѣ перекрестокъ. Одно спасеніе въ такомъ случаѣ—Распятіе въ рукахъ! Если имъ все время обводитъ около себя кругъ, творя молитву, не оглядываясь назадъ и не поднимая глазъ кверху,—выбраться изъ бѣды еще можно. Въ Лотарингіи всё домовые принимаютъ на вѣскольکو часовъ видъ бѣлаго кабана, угрюмо бредущаго по дорогѣ. Впрочемъ, встрѣтивъ такого путника, можно лишити его силы: стоитъ только безбоязненно поглядити его, но обязательно зайти съ лѣвой стороны. Голландскіе почтовые сторожа въ селахъ особенно зорко слѣдятъ въ Рождественскую ночь за дворовыми собаками, унима ихъ, если тѣ задумаютъ лаять, опустивъ морды въ землю, гдѣ онѣ чувствуютъ тяжелый запахъ нежити.

Но въ видѣ могучаго противобѣса сатанинской силѣ, незримо для нашихъ глазъ слетаютъ вечеромъ 24 декабря съ небесъ вѣлые легионы ангеловъ и парятъ надъ землею, обезпечивая тишину и покойствие людямъ, пребывающимъ во снѣ.

Во многихъ странахъ Западной Европы рождественскій столъ, накрытый съ вечера, остается неубраннымъ всю ночь, и до утра теплится огонекъ,—въ печи ли, въ лампѣ ли, все равно,—но полного мрака въ этой горницѣ не должно быть. И тутъ мы имѣемъ дѣло съ одной изъ деталей отчетливой христианской символически, сложившейся еще въ первыя времена побѣднаго шествія новой религіи всепрощенія, любви и ясности духа, пришедшей на смѣну прежнему суровому, обличенному въ мрачныя формы языческому культу. Яркая путеводная звѣзда, освѣшавшая далекій путь восточнымъ волхвамъ въ ихъ странствіи къ мѣсту рожденія Божественнаго Младенца, привела ихъ души къ вѣчному спасенію, избавивъ отъ старыхъ заблужденій.

И теперь еще, напримѣръ, у насъ на Русси, простой, не запутавшійся въ «богонсканіи» и «богостроительствѣ» людъ придаетъ особое значене первымъ звѣздочкамъ, появляющимся подъ вечеръ сочельника, справедливо считая, что именно съ этого момента начинается праздничное торжество прославленія Предвѣчнаго.

В. Анд.—г.

Богоматерь съ ангелами.—Картина Бугро (A. W. Bouguereau).

Исторія одной святочной ночи.

Рассказъ.

I.

Бываютъ неудачные, несчастливые дни, но, кажется, еще неудачнее бываютъ ночи.

По моему мнѣнію, такими неудачными, несчастливыми бываютъ особенно святочные ночи. Почему? Трудно сказать. Но какъ-то невольно въ это время чувствуются бѣсовскія продѣлки. Не даромъ бѣсится въ это время народъ, устраивая разные маскарады, ходитъ по улицамъ то волкомъ, то рогатой козой, и выворачиваетъ шубы...

Вотъ объ одной такой неудачной въ моей жизни ночи сегодня и хочу я вамъ, читатель, рассказать маленькую исторію.

Это было еще тогда, когда я учился въ духовной семинаріи. Семинарія эта, въ которой я имѣлъ несчастье учиться, была въ 600 верстахъ отъ дома моего родителя. О желѣзныхъ дорогахъ тогда еще только мечтали въ нашемъ родномъ Зауральѣ, и меня, бѣднаго семинара, какъ бывало выводить изъ дома около Успенья, такъ и не дожидаясь, чтобы попасть туда раньше, какъ въ Петровки.

Поэтому можно вообразить, какъ весело было мнѣ учиться въ этой семинаріи, особенно, когда наступитъ праздничи, рождественскія канікулы, и изъ семинаріи нашей начнутъ радостно разбѣжаться въ разные стороны товарищи, предвкушая всякія прелести рождественскаго стола и разные праздничныя увеселенія.

Для меня это было ужасное время; глаза не смотрѣли бы на бѣлый свѣтъ! Я не могъ видѣть нескрываемой радости своихъ счастливыхъ товарищей, и утѣшалъ себя только тѣмъ, что, вотъ, пойду въ общественную бібліотеку и погружусь тамъ на цѣлые дни въ поэмы, еще не разрѣзанные журналы и книги.

Но, увы,—и въ бібліотекѣ было не весело; старая дѣва-бібліотекарша смотрѣла съ остревѣніемъ на то, что ее беспокоитъ въ такое время, и, кажется, была рада отъ меня отдѣлаться, когда закрывалась бібліотека и захлопывались плотно двери ея бесплатнаго читальнаго зала. Тоска по родинѣ камнемъ лежала на сердцѣ; семинарское бѣлое зданіе, съ его одинокими несчастными бурсаками, какъ я, казалось тюрьмою, швейцаръ Захарычъ наливался до такого положенія, что даже не впускалъ порой въ парадныя двери, а заглянешь въ классъ, въ которомъ недавно еще шумѣли и смѣялись весело товарищи,—тамъ бѣгаютъ по чернымъ партамъ однѣ крысы...

Оставалось только одно—скитаться въ праздничи по городу и наблюдать чужое веселье и счастье.

Упаси Господи отъ этого одиночнаго заключенія среди людей, и не дай Богъ никому испытать то, что я переживалъ въ такой праздничи!

II.

Именно въ такое мое душевное настроеніе, у почты на берегу, я неожиданно встрѣчаю. вылетающаго съ крыльца съ письмомъ въ рукѣ товарища, который чуть не на всю улицу мнѣ крикнулъ:

— Ура! Я получилъ письмо отъ тетюшки и сегодня же отправляюсь къ ней въ гости!

— Вотъ счастливецъ!—говорю ему, трясая душевно ему руку:—въ гости отправляешься, а я вотъ только на тебя и рассчитывалъ, чтобы сходить къ тебѣ въ гости и прогуляться.

— А поѣдемъ вмѣстѣ? Въ самомъ дѣлѣ! Что тебѣ скучать тутъ, въ Пермь? Тетка у меня предобрая, въ Юговскомъ заводѣ просфирней, дьяконъ есть знакомый, тамъ же, въ Юговскомъ заводѣ, и мы вмѣстѣ еще лучше проведемъ это времячко и даже кутнемъ на славу!..

Предложеніе было самое соблазнительное; но у меня не было шубы, да, кстати

въ святой землѣ.

На берегахъ Иордана.

сознаться, не было и пимовъ*. Я преспокойно рассказывалъ въ морозъ въ вагнѣ пальто и въ легкихъ ботинкахъ съ галошами.

Но товарищъ не унимался:

— Пустяки! Отберемъ шубу у какого-нибудь бурсака. На что шуба ему въ Рождество? Все равно его смотритель не выпуститъ въ праздничи дальше собора.

И это мнѣ показалось такою блестящею идеею, что мы тутъ же съ нимъ поворотили къ семинаріи, и скоро были въ семинарскихъ спальняхъ. Тамъ одинъ бурсакъ притащилъ мнѣ свою шубу, которая отличалась отъ моего поношеннаго пальто только тѣмъ, что къ ней пришитъ былъ мерлушій воротничокъ; другой предложилъ мнѣ, не безъ гордости, свои валеные сапоги, говоря, что я въ нихъ не замерзну бы даже у самаго полюса; третій совалъ какой-то теплый шарфъ, рекомендуя мнѣ не только закутать имъ шею, но даже опоясаться, а четвертый вручилъ мнѣ даже свои рукавички. И въ какіе-нибудь полчаса я былъ наряженъ такимъ путникомъ, что не прочь былъ бы, если было бы зеркало, въ него посмотреться.

Отпроситься у смотрителя было дѣломъ какихъ-нибудь пяти минутъ; получить билетъ изъ нашей канцеляріи—немного

* Валенюкъ.

Мѣсто крещенія Спасителя въ Иорданѣ и развалины древней церкви, построенной здѣсь св. царницей ЕЛЕНОЙ. Надъ рѣкой устроены мостки для перехода во время разлива.

пьяницы, навѣрняка тамъ отыщете себѣ подводу!

Мы поблагодарили этого находчиваго мужика и бойко направились къ указанному мѣсту, чтобы понытаться тамъ, послѣ рынка, счастье.

Идея была, дѣйствительно, блестящая: у кабака вѣроятно еще съ утра стояли озябшія, зашнурованныя, тощія, съ санями лошаденки. Между саней, кошевоу и коровоу, послѣ угля заводскаго, не было возможности даже пробраться, и мы, оглянувшись, нѣтъ ли по близости какаго начальства, шмыгнули въ этотъ кабакъ, едва отворивши его тяжелыя, промозглыя, обитыя кошмоу двери.

Въ кабакѣ стоялъ какой-то тусклый полумракъ; несчастная лампочка освѣщала только одну стойку съ бутылками и дородной бочкой, и мы въ первый моментъ не были даже никѣмъ замѣчены изъ этой многолюдной, галдѣвшей толпы, и сразу было растерялись.

Но нашъ тонкій, робкій голосъ: «нѣтъ кого, братцы изъ Юга?» словно сразу остановилъ это пьяное галдѣніе, и всѣ присутствующіе живо насъ обступили. Мы повторили свой невинный вопросъ, и какой-то оглушительный голосъ крикнулъ на весь кабакъ, желая выслушать подробности наше дѣло:

— Стой, ребята, не галди!.. Видишь по дѣлу пришли, бѣдные. Надо выслушать, что имъ нужно.

Толпа замолкла окончательно; какой-то пьяный мужикъ даже оперся теплою рукою на мое вздрагивающее отъ холода плечо, и всѣ приготовились въ третій разъ выслушать то, что мы уже дважды говорили.

Насъ буквально задушило пьяное дыханіе; но мы все-таки имѣли силы еще проговорить:

— Нѣтъ ли кого здѣсь изъ ближайшаго Юговскаго завода?

— Значитъ, вамъ нужна подвода, полутчикъ?—поняли мужики.

— Попутчикъ,—отвѣчаемъ уже радостно.

— Кто, ребята, везетъ семинаровъ въ Югъ?—кричалъ слова вступившійся за насъ голосъ.

— Есть!—крикнулъ ему отъ стойки одинъ мужикъ.

— Пожалуйте! Принимайте, если желаете, пассажировъ,—закончилъ важно свою мисію нашъ покровитель.

И передъ нами выросъ, въ рваной собачьей шубѣ, какой-то пьяненькій мужичонко, едва стоящій на ногахъ, и сталъ разсматривать насъ самымъ подробнымъ образомъ, наслаждаясь своею ролью. Наконецъ проговорилъ заплетаящимся языкомъ:

— По-по рублежѣ съ рыла!..

Кабакъ словно взорвало отъ такой дорогой цѣны, и на нашего спасителя посыпалась такая ругань, что ее не передать никакимъ языкомъ на свѣтѣ.

Мужичонко сбавилъ сразу на полтину, но его быстро урезонили, что и по полтинѣ съ человѣка—дорогая цѣна за 30 верстъ разстоянія, и дѣло было обидимъ голосомъ рѣшено тѣмъ, что мы должны этому мужику, выставить тутъ въ этомъ кабакѣ, впередъ все наше вознагражденіе въ видѣ двухъ бутылокъ.

Началось веселое распитіе; мужичонко зашатался окончательно отъ выпитыхъ стаканчиковъ, доставшихся ему на долю изъ нашихъ бутылокъ, затѣмъ сунулъ кому-то изъ товарищей въ овчинный пушистый воротничокъ свою голову и сталъ высказывать свое сердечное горе, а затѣмъ заплакалъ горькими слезами.

Мы уже думали, что напрасно его дожидаемся, когда за насъ снова вступился нашъ покровитель. Онъ объяснилъ мужику, что его дожидаются пассажиры, что вечеръ уже, и намъ необходимо двигаться, и даже пригнулъ его разбойниками за городомъ и волками въ лесу по дорогѣ.

Нашъ попугайчикъ при этихъ словахъ словно проснулся отъ пьянства. Мы безъ труда вытолкали его изъ кабака, разыскали его лошадей и завалили въ его коробъ и голыя пошевни съ однимъ бастрыкомъ сзади.

Мой пріятель взялся править за мужика, а я очутился на заднихъ пошевняхъ, на голомъ толстомъ бастрыкѣ*, и съ горестью подумалъ объ этомъ ночномъ зимнемъ путешествіи на голыхъ саняхъ, сзади.

Но настоявшіяся лошади насъ быстро повезли, и мы живо очутились уже чуть не за городомъ, когда нашъ возница рѣшительно потянулъ за возку, отнимая ее у товарища, и остановился у сѣдующаго кабака, очевидно, никогда его не минуя.

Я было уже возмущился подобной безцеремонностью, но отрезвляющийся музжикъ заявилъ:

— Нѣтъ, господа, не повезу я васъ дальше, если вы не поднесете мнѣ еще по рюмочкѣ, и сами не выпьете на дорогу! Видите, какой стоитъ морозъ, а шубенки у васъ немудрыя, долго ли простудитесь?

Пришлось поневолѣ идти съ мужичонкомъ въ кабакъ, и я въ первый разъ тамъ «выдержалъ» препорядочный стакачикъ какого-то краснаго кагора, отъ котораго что-то даже стало въ моемъ горлѣ и я поперхнулся.

Только тогда мы вышли, съѣли на подводе и окончательно отправились въ путь.

II.

Стоялъ здоровый морозъ, на пробивающихся моихъ ухахъ уже были изрядныя сосульки. Лошаденка моя поступивала задними копытами въ сѣнку пошевной и словно будила меня, но я уже погружался въ мечты и думы, и весело, неизменно весело было на душѣ при видѣ этого яснаго мѣсяца на звѣздномъ небосклонѣ, съ мерцающими звѣздами. Звѣзды эти горѣли какъ будто въ моей душѣ, и складывались стихи этой чудесной ночной, съ сияющимъ сіяньемъ, дорогѣ.

Я даже зашѣлъ отъ этого нахлынувавшего на меня веселаго настроенія, и мнѣ казалось, что я ѣду не на голомъ бастрыкѣ, а несусь по этому морозному воздуху къ своему счастью.

Скоро на мою задумчивую пѣсню отозвался мой товарищъ: къ нему пристроились съ своей фистулой и нашъ мужиченко, и вмѣстѣ съ нами словно заплѣла дорога, лошади, бѣгушица, покрывающія въ тактъ копытами, и словно прислушался къ этой пѣснѣ и самъ сияющій и молчаливый мѣсяцъ въ небѣ.

Мы перепѣли всѣ знакомыя пѣсни, уснули или нашего возницу, а сами уже давно своротили куда-то въ сторону, съ гладкаго широкаго тракта проселочной дороги. На меня спустился благодѣтельный сонъ на свѣжемъ воздухѣ,—тотъ счастливый дорожный сонъ, когда человекъ словно засыпаетъ въ своемъ счастьѣ.

Но вдругъ что-то случилось въ нашемъ поѣздѣ: я почувствовалъ сквозь крѣпкій сонъ страшный толчокъ; затѣмъ кто-то словно ударилъ меня чѣмъ-то тяжелымъ по спишѣ и подо мною очутилось что-то мягкое и неподвижное. Я протянулъ свои руки и почувствовалъ сіянье.

Пока я выкарабкался изъ этого глубокаго снѣга, погода моя была уже далеко: подлѣ меня, какъ будто напоминая ее, лежалъ лишь голый знакомый бастрыкъ, а кругомъ, при свѣтѣ закатающагося за темный лѣсъ мѣсяца, была такая безконечная снѣжная равнина, что у меня при видѣ ея чевольно скакало сердце.

Я попробовалъ было крикнуть своимъ спутникамъ, но не узналъ свой голосъ, который перекричалъ еще дорокою. Я было бросился ихъ догонять, но быстро убѣдился, что это невозможно даже при бурсацкой, подбитой верблюжьей шерстью,

* Бастрыкъ—жердь, палка, которую употребляютъ при завязкѣ сѣна или соломы.

ВЪ СВЯТОЙ ЗЕМЛѢ.

Временныя жилища абиссинскихъ паломниковъ.

легонькой шубѣ. Пришлось невольно зашѣлъ въ линію изъ въ такомъ состояніи, медлить движеніе и отдаться судьбѣ: быть что даже паръ стоялъ надъ моей бурсацкобденнымъ тутъ же волками, или за-чой шубенкой.

Но дѣйствительность всегда бываетъ хуже моего вниманія, и я рѣшительно поступилъ лучше воображенія, и я, туго подтянувши шубенку товарищескимъ шарфомъ, натянутаго брюшиной вмѣсто стекла,

довольно смѣло зашагалъ по пустынной снѣжной дорогѣ.

— Пустыни!—утѣшалъ я себя дорокою,—оглянувшись товарища, замѣтить, что нѣтъ меня въ пошевняхъ, воротятся за мной, и снова посадятъ. Но товарищи мои скрылись уже давно изъ вида.

Я отшагалъ уже добрыхъ три версты; по ни волки, ни мои спутники по дорогѣ не появлялись. Даже не видно было признака какого-нибудь движенія. Я отшагалъ еще такое же разстояніе, когда за-видѣлъ впереди какъ бы мелькающій огонекъ. Сначала было очень трудно рассмотреть, находится ли онъ на моей дорогѣ, затѣмъ почему-то этотъ огонекъ мнѣ показался вдругъ тѣмъ огонькомъ сѣраго волка, какой описывается нашими ночными охотниками, когда они ѣздятъ въ эту пору переселкомъ; потомъ мнѣ уже въ снѣгу дѣлѣ стали мерещиться въ ближайшемъ лѣсѣ сѣрые волки, какъ вдругъ до меня донесся лай собаки.

Я прибавилъ шагъ, какъ слѣдуетъ, и во-легобильный огонекъ сразу привлекъ мое вниманіе, и я рѣшительно поступилъ лучше воображенія, и я, туго подтянувши шубенку товарищескимъ шарфомъ, натянутаго брюшиной вмѣсто стекла, довольно смѣло зашагалъ по пустынной снѣжной дорогѣ.

— Богъ на помощь!

— Кто тамъ?—раздался озабоченный женскій голосъ.

— Прохожій.

— Что надобно?

— Пустите погрѣться!

— Пустить, что ли?—раздался тотъ же

сердобольный женскій голосъ.

Черезъ минуту времени откуда-то, должно быть, съ полатей раздался глухой какой-то отвѣтъ, и баба побѣжала пустить меня по двѣри, остановившись при видѣ человека въ башлыкѣ и шубѣ.

Но это было только минутное замѣшательство, она пропустила меня на крыльцо, и вошла слѣдомъ за мной въ избу.

Съ полатей обвѣсилась уже рыжая, здоровая бородатая голова, и какъ я только выдвинулся на свѣтъ ночника, зашевелилась переселкомъ; потомъ мнѣ уже въ снѣгу дѣлѣ стали мерещиться въ ближайшемъ лѣсѣ сѣрые волки, какъ вдругъ до меня донесся лай собаки.

— Погрѣться просишься, а отъ самого шествія по нашей дорогѣ?

— Было хотѣлъ разсказать все въ свое

НА СВЯТЫХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

«Ладить звѣзду».

Съ фот. Нат. Семликовича.

оправданіе, но рѣшилъ удержаться и сказать, что я иду, дѣйствительно, пѣшкомъ по ихней проселочной дорогѣ.

— Далеко ли?—не унимался мужикъ, въ то время, какъ меня всего осматривала его растрепанная баба.

— На Ютъ иду,—отвѣтилъ я важно.

— Къ кому это?—допрашивался мужикъ, какъ будто заподозривъ во мнѣ что-то неладное въ ночную пору.

Я отвѣтилъ, что къ пріятелю, и мужикъ, кажется, догадался, что я изъ породы духовной братіи, и замѣтилъ:

— Ну, садись на лавку, грѣйся, если вепотѣть!—и распорядился насчетъ ужина.

Кажется, былъ вечеръ еще, деревья еще сумерничала, и баба живо накрыла столъ пестрядинною скатертью и вынула изъ печи что-то такое горячее въ чашкѣ.

— Садись за столъ,—гостемъ будешь,—привѣтствовала она меня.

Но я рѣшительно отказался отъ угощенія, вспомнивъ при этомъ радушномъ приглашеніи, что у меня не было копѣйки за душой, если бы эти добрые люди спросили меня утромъ потопомъ, чтобы я расплатился за хлѣбъ-соль.

Меня не стали упрашивать, и мой хозяева съѣли за столъ и занялись своей праздничной, очень вкусной на видъ пицей.

Сначала подали жирныя щи, накрошивъ въ нихъ луку, потомъ баба вытатила баранью лопатку, при видѣ которой у меня даже что-то засосало подъ ложечкой, затѣмъ появилась просыпанная каша, въ которую ухнули столько масла, что его хватило бы на семинарской квартирѣ на полнедѣли, и все это они запили миской молока, которое почему-то мнѣ показалось особенно восхитительнымъ, когда баба его принесла изъ снѣнѣй съ морозца, съ ледкомъ на поверхности.

Помолвившись, мой хозяева вышли изъ за стола, и баба начала старательно прибирать все, чтобы поскорѣ завалиться на полати.

Отъ ихъ ужина на столѣ осталась только одна черствая краюшечка и я, помню, зорко слѣдилъ за ней, почему-то полагая, что ее оставить на столѣ и прикроютъ только концомъ скатерти. Но, къ сожалѣнію моему, баба пошла какая-то очень аккуратная: она рѣшительно все убрала со стола и положила на полочку даже эту краюшку хлѣба.

Ободрившись затѣмъ какъ слѣдуетъ свою кутю, въ которой висѣла красная, нарядная, праздничная занавѣска, молодуха быстро убралась на печку, предложивши мнѣ растянуться въ переднемъ углу на лавочкѣ, что я и посѣпшилъ сдѣлать, вздыхая о потерянномъ ужинѣ и положивъ подъ голову свою шапку, башлыкъ и теплыя рукавички.

Тулушчикъ я почему-то не снялъ съ себя, предпочитая лежать въ немъ на жесткой лавочкѣ, и хорошо сдѣлалъ.

III.

Скоро изба, пріютившая меня такимъ радушнымъ образомъ, погрузилась въ ночныя сумерки, и въ окошечко у лавки смотрѣлся только одинъ знакомый мнѣ въ дорогѣ мѣсяцъ, какъ бы напоминая мнѣ недавнее мое поэтическое настроеніе и счастливое время.

Обругавши какъ слѣдуетъ мысленно пріятеля и пьянаго мужичонку, который не уогъ проснуться и хватиться меня, я рѣшился погрузиться въ дремоту. Но сонъ, какъ на грѣхъ, не шелъ ко мнѣ: мѣсяцъ медленно ползъ по небу, свѣтъ черезъ брюшиное окошечко, кошка что-то долго стрѣблала и мурлыкала въ заднемъ углу, а полати нѣтъ-нѣтъ и поскрипывали, словно карауля мою бѣдную душу.

Есть хотѣлось возмутительнымъ образомъ; утренній завтракъ въ Перми казался за тысячу верстъ и въ давнопрошедшемъ, какъ въ латинской грамматикѣ, времени. Краюшка хлѣба рѣшительно не шла изъ ула, словно подсмѣивалась съ полки надъ

моимъ разыгравшимся не въ пору апетитомъ.

Наконецъ, я какъ будто забылся. Какой-то сонъ неожиданно спустился на мою бурную душу; но и во снѣ я видѣлъ только одни яства. Я проснулся какъ-то вдругъ, и вижу, что въ комнатѣ стало какъ бы темно, свѣтлый мѣсяцъ зашелъ далеко за уголъ; установилась полная тишина, и даже не слышно было кошки, которая все бродила ночью около лавокъ.

Краяшка хлѣба снова заняла мое вниманіе. Она лежала тутъ недалеко, за красною, теперь левидною, занѣвѣсью на полочкѣ. Встать и дотронуться до нея, казалось, не было похѣхи; на полатяхъ была полная тишина; мѣсяцъ не мѣшалъ мнѣ уже болѣе, и бѣсъ подтолкнулъ меня на недоброе дѣло.

Этому дѣлу, казалось, все благоприятствовало: какъ разъ въ этотъ моментъ громко и тяжело захрапѣлъ мой хозяинъ, ему завторила тонкимъ посвистомъ его курпосая хозяйка, въ избѣ стало еще темнѣй отъ закатившагося уже окончательно мѣсяца, и я приподнялся тихонько въ переднемъ своемъ углу на лавочкѣ, и съ бющимся, толкавшимся въ грудь мою сердцемъ направился въ мягкихъ пинникахъ прямо къ занавѣскѣ.

Ничто даже не скрипнуло на полу; занавѣска молчаливо уступила мнѣ дорогу, и почувствовалъ себя за ней какъ будто въ своей комнатѣ и, быстро взобравшись на лавку, началъ шарить по полочкѣ.

Какъ вдругъ съ полки этой прыгнула на полъ проклятая черная кошка! За ней зазвенѣла на лавочкѣ оставленная посуда; на полатяхъ сразу прекратился свистъ и храпъ и что-то такъ подозрительно скрипнуло, что я повисъ, едва переводя свой духъ, между лавкой и полкой, за что-то ухватившись въ испугѣ. Одинъ моментъ—и съ полки на мою бѣдную голову полетѣло что-то пушистое и мягкое; затѣмъ полетѣла мнѣ на голову желѣзная чашка, въ которой у бабы была просѣяна мука на квашню, зазвенѣли жалобно на лавкѣ тарелочки, отъ которыхъ полетѣли только черепки къ самой печкѣ, и, прежде чѣмъ я опомнился отъ этого, стоя уже въ кути, изъ-за занавѣски протянулась чья-то невидимая рука и такъ схватила меня за шиворотъ, что у меня затрещалъ по швамъ бурсацкій тулупчикъ.

— А, мошенникъ,—раздался голосъ мужика:—такъ вотъ ты зачѣмъ въ мою избу забрался, голубчикъ?

И прежде, чѣмъ я успѣлъ объяснить свой поступокъ, онъ вытаскивалъ меня изъ-за занавѣски и далъ другой рукой такого тумака, что у меня искры посыпались изъ глазъ, и я такъ и приѣлъ среди пола. Сказать что-нибудь, крикнуть рѣшительно не было возможности. Меня душила эта здоровая тяжелая рука, мужикъ гремѣлъ въ избѣ ругательствами, а баба даже визжала на своей печкѣ, говоря мужику, что бы только онъ не убилъ меня въ самой избѣ, а тащилъ меня скорѣе на улицу.

И прежде чѣмъ я успѣлъ ахнуть, та же рука вытаскила меня въ сѣни, выставила меня за дверь и грузно, словно въ послѣдній разъ, опустила еще мнѣ на шею.

Какъ слетѣлъ я съ высокаго крыльца—я уже не помню, но помню, что уперся руками въ знакомую калиточку. Къ моему несчастію, она оказалась запертой. А мужикъ уже гнался за мной, какъ бы жалѣя, что еще мало со мною раздѣлался, и, схвативъ за шиворотъ, потащилъ меня черезъ дворъ и втолкнулъ въ какую-то темную, пахнущую навозомъ избушку.

— Постой, мы не такъ еще съ тобою раздѣлаемся! Вотъ я крикну сосѣдей и старосту!—закричалъ онъ, и такъ крѣпко захлопнулъ за мною дверь, приперши еще защелкой, что я сразу почувствовалъ обидныя слезы.

IV.

Мнѣ уже чудились голоса, мнѣ уже слышалось, какъ бѣгутъ со всѣхъ сторонъ деревни мужики съ коляями и вилами; мнѣ уже представлялось, какъ поднималась на

НА СВЯТКАХЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

«Со звездой путешествуютъ!» Въ малороссійскихъ деревняхъ обходить село со зазвездами все мальчишечье населеніе деревни,—начиная съ тѣхъ, кто еле ходитъ, и до мальчишковъ 14—15 лѣтъ.

Съ фот. Нат. Семилкивичъ.

меня вся эта ужасная деревня, какъ тень послѣдней избы увязался какой-то особенно сердитый песъ, и молча вѣднился въ мою, лѣтвшую на бѣгу сади меня, шубенку.

Но, должно быть, сердитому псу не очень понравилось это путешествіе съ шубенкой и сугробами, и онъ отсталъ отъ меня тутъ же за деревнею, только провожая меня злобнымъ лаемъ.

Только у громаднаго сугроба снѣга у околицы я надѣлъ свою шубеночку и рѣшилъ на минуту остановиться. Въ деревнѣ гудѣли мужицкіе голоса; песъ надрывался въ мою сторону, собравъ всѣ голоса деревенскихъ собакъ, словно на помощь этому шуму. Мнѣ ничего болѣе не осталось, какъ поснѣшно напаять свою изодранную шубенку, и припустить такъ, что за мной, должно быть, только вѣтеръ летѣлъ, поднимая снѣжную пыль по дорогѣ.

Какъ я бѣжалъ до самаго Юга, я уже не помню, но помню, что раздался какъ разъ первый ударъ колокола къ заутренѣ, когда я поступался у калитки просфорни.

— Кто тамъ?—раздался на крылечкѣ женскій голосъ, съ дрожащею ноткою. Я назвалъ свою фамилію.

Мелкія шажки торопливо приблизились къ калиточкѣ, и я увидѣлъ юную особу. — Семинаристъ такого-то класса,—отрекомендовался я этому юному существу, и оно пропустило меня въ калитку и вошло вслѣдъ за мной поскорѣе въ избу.

— Костя, ты откуда?—выбѣжалъ ко мнѣ мой тосарищъ, словно позабывъ даже, что онъ взялъ меня къ своей тетушкѣ. — Батюшки!—ахнула просфорня, увидавъ меня засыпаннымъ мукою съ самой головы.

— Господи, за вами, вѣроятно, бѣжали волки?—вскрикнула юная особа въ одной юбкѣ, разсмотрѣвши мою рваную шубенку. И мнѣ пришлось разсказать мою исторію вплоть до приключенія съ несчастнымъ теленкомъ.

Впрочемъ, эта исторія рѣшительно не помѣшала провести намъ съ Никитинымъ въ этомъ Юговскомъ заводѣ чудныя святки. Вечеринки шли за вечеринками, приглашенія за приглашеніями, и мой тосарищъ даже объяснился въ любви какой-то барышнѣ, рѣшивъ на ней жениться. Единственно, что омрачало это веселіе—это страшные слухи въ заводѣ. Говорили о какомъ-то бѣжавшемъ на святкахъ изъ тюрьмы страшномъ преступникѣ. Разсказывали, что онъ убилъ березовымъ полѣномъ мужика и бабу въ деревнѣ; вся полиція была поставлена на ноги, и мужики благополучно пронесли по ней въ сторону ки цѣлые дни устраивали въ лѣсахъ, окружавшихъ заводъ, облавы на этого чело-вѣка.

По мы съ Никитинымъ упорно молчали; юная особа тоже молчала на эти пустыя, глорныя рѣчи, и мы словно ничего этого не слышали и веселились такъ, что некогда было спать, не только слушать эти разсказы.

Да еще смущала меня просфорня: она, ложаась спать, такъ подозрительно посматривала на меня, какъ будто знала мою способность шарить ночью въ чужомъ дому по полкамъ.

К. Нословъ.

Подарокъ жениха.

Быль.

Это было давно... Такъ давно, что въ дѣтствѣ нашемъ и юности помнили объ этомъ событіи только двое—старушка нянюшка Алена Дмитриевна, да сама бабушка, съ которой это случилось.

Всѣ остальные свидѣтели этого скандала, надѣлавшаго не мало шуму тогда по всему уѣзду, давно лежали въ землѣ.

Алена Дмитриевна, состоявшая при бабушкѣ съ десятилѣтняго возраста въ качествѣ «комнатной дѣвочки» сначала на побѣгушкахъ при нянюшкѣ, потомъ участницей въ играхъ подростоющей барышни, потомъ отданная ей въ приданое, въ качествѣ горничной,—такъ и не разтавлялась съ бабушкой до конца своей жизни и умерла у нея въ домѣ. Послѣдніе годы она проводила, большую часть дня сидя на сундукѣ, въ углу своей комнаты, подлѣ лежанки, всегда жарко-жарко нагрѣтой, и любила, когда мы, забѣжавъ къ ней послѣ обѣда, приносили ей гостинцевъ—мармеладъ или пастилы.

— Спасибо, голубки мои,—пеизмѣнно говорила нянюшка, принимая гостинцы:—не забыли старуху... мяконькаго, сладенькаго принесли!

Мы усаживались на сундукѣ, рядомъ съ нянюшкой, и иногда завязывался разговоръ, а иногда молча глядѣли на покрытое морщинами лицо старушки, жевавшей беззубымъ ртомъ кусочекъ принесеннаго гостинца.

Разговоры были почти всегда одинаковые: нянюшка, помнившая нашествіе Французовъ въ 1812 году, неизмѣнно разсказывала одно и то же,—какъ въ подмосковной у дѣдушки принцъ Мюратъ съ генералами два дня стояли и французскій офицеръ дѣвухекъ выучилъ пѣсню по ихнему пѣть. При этомъ нянюшка, послѣ долгихъ нашихъ просьбъ, дрожащимъ старческимъ тоненькимъ голосомъ, пѣла четверостишіе, искажая до неузнаваемости французскія слова и выговаривая ихъ по-русски:

«Филъете своя сажа,
Филе дезафисе,
Кароль сонтро вальяжа,
Иль немка бадине».

Второю разговорною темой служили разспросы о томъ, шалилъ ли и какъ шалилъ въ дѣтствѣ нашъ отецъ, воспитанникъ и любимецъ нянюшки. При этомъ всегда и неизмѣнно выяснялось, что все то, въ чемъ грѣшны были мы, «папаша» никогда не дѣлалъ. «Нянюшку слушались, бабинушку почитали...»

Но такъ какъ тутъ разсказы нянюшки довольно рѣзко расходились съ сообщеніями самого отца, чистосердечно признававшегося во многихъ каверзахъ, учившихъ имъ въ дѣтствѣ, то тутъ нянюшкѣ приходилось выслушивать протестующіе возгласы:

— А папа самъ разсказывалъ, какъ Пѣжку въ чуланѣ заперъ, а самъ убѣжалъ къ дѣнику, въ сторожку, и за это его бабушка высѣкла.

* Filletes, soyez sages.
Fuyez les officiers,
Car ils sont trop volages,
Ils n'aiment qu'à badiner.

ДѢТИ БѢГЛЦЕВЪ.

На одномъ изъ вокзаловъ въ Парижѣ во время войны. — Пангаузъ обращенъ временно въ убѣжище для дѣтей бѣглецовъ изъ занятыхъ врагомъ мѣстностей.

Нянюшка недовольно останавливала: — Нѣшто про папашу можно такое рассказывать? Безстыдники какіе...

— Да папа самъ рассказывалъ...

— Мало что рассказывалъ, а ты не повторяй, не доросла еще, егоса, чтобы отца судить... Коли говорю, что дите было, что твоя андельская душенька, такъ стало быть такъ и есть.

— А папа рассказывалъ,—не унимались мы,—два раза высѣкли его за Нѣмку...

— Выдумаютъ тоже... Тебя вотъ высѣчь бы не худо... А у насъ и розги-то въ заводѣ не было.

— А папа говорилъ, дѣдушка конюха велѣлъ на конюшнѣ высѣчь.

— Такъ то конюха... Такъ про конюха и я помню, точно что пороли его... А что про другое что, такъ и не было, я же помню...

И искусно отводя разговоръ отъ щекотливой темы, нянюшка, пересадивъ насъ съ сундука на кровать, аккуратно покрытую бѣлымъ пикеинымъ одеяломъ, поднимала тяжелую крышку сундука, внутри оклеенную картинками, которыя мы не уставали сотни разъ разсматривать.

Роась въ сундукѣ у нянюшки, мы находили въ немъ неизменно всякія интересныя вещи: большой карманъ, набитый всевозможными пугонками самыхъ разнообразныхъ отгѣнковъ и форматовъ, собранными нянюшкой въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ; шнурочки, тесемочки, коробочки старинныя, турецкую шаль, надѣваемую нянюшкой только къ причастію, да въ Свѣтлый Праздникъ и т. д. Среди коробочекъ была восьмиугольная бомбоньерка, оклеенная ярко-красной и синей фольговой бумагой и отдѣланная шелковымъ шнурочкомъ, о которой мы слышали отъ нянюшки, что это бабынкѣ женихъ подарилъ, а бабушка и сама подтвердила это, подробно рассказавъ намъ слѣдующую исторію.

II.

Бабушкѣ было шестнадцатый годъ. Мы съ трудомъ представляли себѣ, что портретъ прелестной, тоненькой дѣвушки, въ воздушномъ, бѣломъ платьѣ, съ открытой шеей и короткими рукавами, съ пышными

буфами, съ короткой таліей, опоясанной гляншему обычаю искавшие какого-ни- двумя рядами ровныхъ, какъ жемчугъ, широкой бѣлой атласной лентой, съ бѣдой предлога представиться ему,—въ ка- бовѣ, помогала бабушкѣ, розматывая и пышно нагофрированными черными воло- чествѣ ли сына стараго его сослуживца, подбирая шелки и бисеръ и зашивая лазу- сами, заканчивающими прическу высокими или сосѣда, и попытаться еще разъ взгля- реваго цвѣта небо.

буфами, съ короткой таліей, опоясанной гляншему обычаю искавшие какого-ни- двумя рядами ровныхъ, какъ жемчугъ, широкой бѣлой атласной лентой, съ бѣдой предлога представиться ему,—въ ка- бовѣ, помогала бабушкѣ, розматывая и пышно нагофрированными черными воло- чествѣ ли сына стараго его сослуживца, подбирая шелки и бисеръ и зашивая лазу- сами, заканчивающими прическу высокими или сосѣда, и попытаться еще разъ взгля- реваго цвѣта небо.

буфами, съ короткой таліей, опоясанной гляншему обычаю искавшие какого-ни- двумя рядами ровныхъ, какъ жемчугъ, широкой бѣлой атласной лентой, съ бѣдой предлога представиться ему,—въ ка- бовѣ, помогала бабушкѣ, розматывая и пышно нагофрированными черными воло- чествѣ ли сына стараго его сослуживца, подбирая шелки и бисеръ и зашивая лазу- сами, заканчивающими прическу высокими или сосѣда, и попытаться еще разъ взгля- реваго цвѣта небо.

буфами, съ короткой таліей, опоясанной гляншему обычаю искавшие какого-ни- двумя рядами ровныхъ, какъ жемчугъ, широкой бѣлой атласной лентой, съ бѣдой предлога представиться ему,—въ ка- бовѣ, помогала бабушкѣ, розматывая и пышно нагофрированными черными воло- чествѣ ли сына стараго его сослуживца, подбирая шелки и бисеръ и зашивая лазу- сами, заканчивающими прическу высокими или сосѣда, и попытаться еще разъ взгля- реваго цвѣта небо.

— Для солдаты

Святая Дѣва съ Божественнымъ Младенцемъ.—Съ картины Боттичелли (S. F. Botticelli).

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь
АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ.

Глубокий обходъ.

Со словъ раненаго офицера.

...Страхъ? Сказать по правдѣ, за себя лично я ничего не боюсь, и на весь убийственный современный огонь,—ружейный, пулеметный и орудийный, даже на пули думь-думь,—мнѣ, простите за выражение, въ высокой степени наплевать. Что раненъ я? Ну, такъ что же? Во-первыхъ, рана совсѣмъ ничтожная, и мѣсяць спустя я снова буду въ строю, а, во-вторыхъ, раненъ—далеко не то, что убитъ.

Страхъ мой за себя начнется, пожалуй, только съ той минуты, когда въ одно несчастное утро я прочту въ «Инвалидѣ» о производствѣ меня въ генералы-отъ-инфантерій, такъ какъ мнѣ предсказано (изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ!), что я долженъ быть генераломъ... безъ звѣздочекъ. Въ данное время я, благодареніе Богу, только штабсъ-капитанъ,—значитъ, командировкѣ моей въ жизнь прямо не предвидится конца. Не ясно ли, что у меня даже нѣтъ никакихъ основаній для страха за себя лично; но зато, будучи съ этой стороны вполне застрахованъ, я тѣмъ мучительнѣе и чаще боюсь за другихъ.

Я боюсь потерять моего командира полка (чудо, а не человекъ); боюсь за товарищей, въ особенности за Костю, у котораго дома осталась прехорошенькая невѣста съ такими грустными, синими глазами; боюсь за Коновалова (унтеръ-офицеръ перваго взвода, глубоко мнѣ преданный), потому что, я знаю это, ему не дожить до конца войны. Мнѣ также жаль... животныхъ, и я, признаться, очень страдаю при видѣ израненныхъ, умирающихъ лошадей: вѣдь онѣ—совсѣмъ, какъ люди, а, главное, развѣ не наравнѣ съ людьми онѣ несутъ трудъ войны и способствуютъ нашимъ побѣдамъ?

Но самая упорная и навязчивая изъ моихъ боязней... знаете, какая? За исходъ боя, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ меня и моей роты. Въ частности, я постоянно опасуюсь со стороны противника обхода нашихъ правыхъ фланговъ. Не лѣвыхъ, а именно правыхъ фланговъ. Къ лѣвому флангу я почему-то мѣтче чувствителенъ, тогда какъ мои нервы, воображеніе, душа (почемъ я знаю,—что?), подобно сейсмографу, отмѣчающему землетрясеніе, извѣщаютъ меня о малѣйшей попыткѣ Австрійцевъ обойти правый флангъ нашего расположенія.

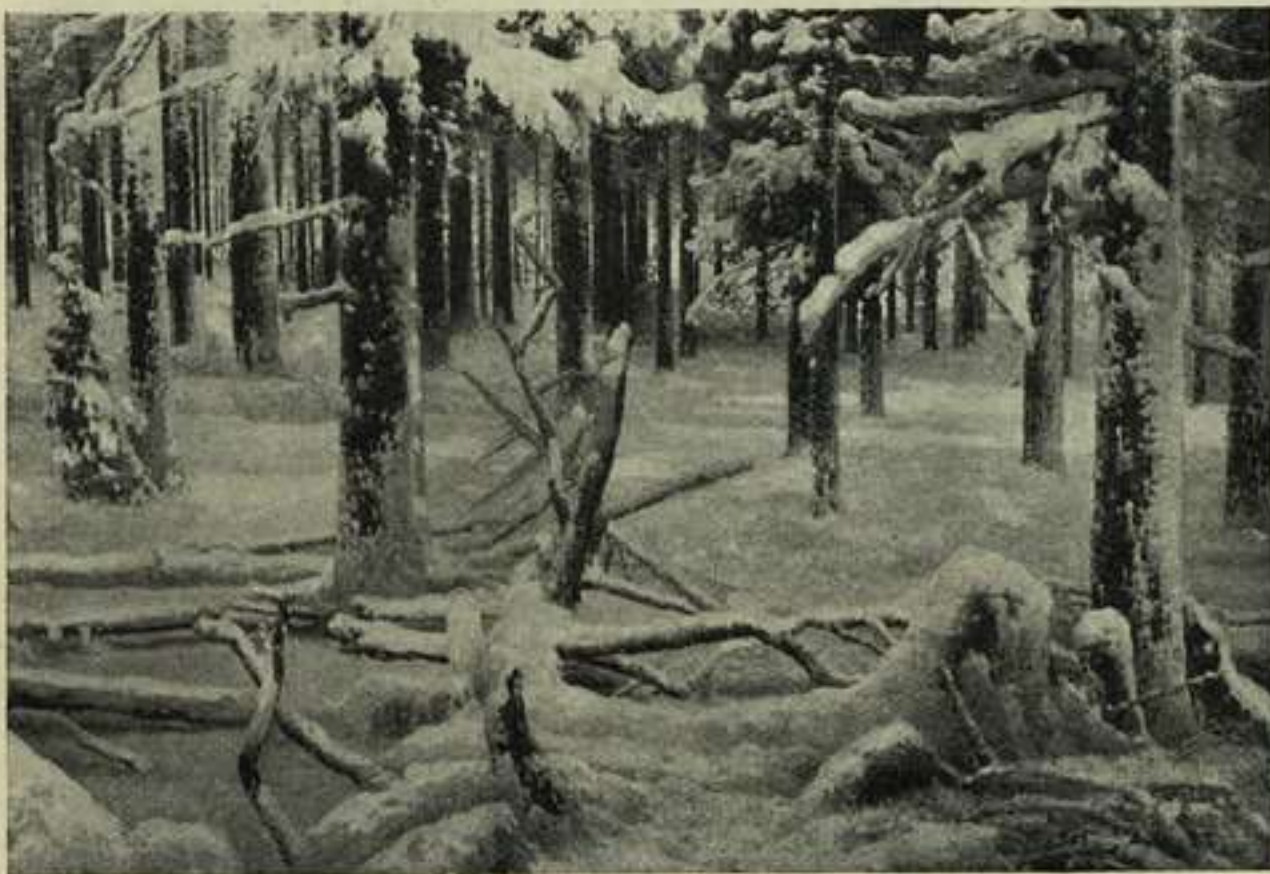
Да, гдѣ-то тамъ, вправо отъ меня, за десятки верстъ, наши дерутся, наступаютъ, а я, не видя ихъ, мучительно знаю, что ихъ флангу грозитъ опасность, которой, тѣмъ же менѣе, я не въ силахъ предотвратить.

Вотъ, видите, бываютъ же такіа странности у человека! Сила это, или же болѣзнь, слабость—не могу сказать; но въ томъ, что она у меня есть и дѣйствуетъ безъ обмана, я окончательно убѣдился въ бояхъ съ Австрійцами за Люблинъ, когда, благодаря этой моей особенности... Очень хочется мнѣ разсказать вамъ, хотя бы приблизительно, что я чувствовалъ, и какъ все это случилось.

Видите ли, передъ тѣмъ, какъ начать наступленіе всѣми арміями, мы, то-есть, собственно, я и моя рота, къ той ночи, о которой я хочу разсказать, заняли окраину совершенно разоренной, всѣми покинутой польской деревни. Хотя отъ нея осталось почти что одно пепелище, да еще нѣсколько стѣнъ или кое-гдѣ случайно уплѣвшая изгородь какой-нибудь крестьянской усадьбы, тѣмъ не менѣе я сразу узгаль и эту деревню, и окружающую мѣстность. Да и какъ было не узнать тѣ мѣста, гдѣ и прожилъ вѣтъхъ три года въ самомъ началѣ моей военной службы?

Несмотря на усталость (мы не спали

ПЕРЕДВИЖНАЯ ВЫСТАВКА ВЪ МОСКВѢ. (Открывается 26 декабря).

«ЗИМА».—Картина академика А. Н. Шильдега. Съ фот. Ксен. Глыбовской.

дѣлать ночи) и дивную возможность отдыха отъ искренней и глубокой грусти по на охапкѣ соломы (бой затихъ по всей линіи), въ томъ блаженномъ забытій, которое приходитъ мгновенно, молодыя привлекательныя воспоминанія цѣлой вереницей хлынули мнѣ въ голову.

Вотъ тамъ, въ десяти шагахъ отъ меня, вспоминалъ я, лежа подъ уплѣвшей стѣнкой знакомаго мнѣ сарая, была хата богатаго крестьянина Круля, къ развѣ живнаго меня въ городъ. У Круля была дочка, самая красивая дѣвушка, въ гминѣ. Какъ ея имя? Кася?

Рядомъ съ Крулемъ, въ полуразвалившейся хибаркѣ жила Юзефова, то-есть, вдова Юсефа... Кмѣцка, почти нищая. Единственнымъ утѣшеніемъ вдовы была

сыночекъ Ясь, десяти лѣтъ, умный, ласковый мальчикъ, который почти что жилъ у насъ въ ротѣ, гдѣ его кормили и одѣвали. Это былъ всеобщій любимецъ, и когда онъ умеръ отъ скарлатины, то вся рота, фельдфебель, писарь, старослужащіе и молодые, долгое время не могли оправиться

отъ искренней и глубокой грусти по немъ.

думая о Ясѣ, перебиралъ всплывшія воспоминанія, а все-таки заснулъ, и во снѣ съ удивительной ясностью представилъ себѣ этого милаго ребенка, преждевременно и безъ достаточныхъ основаній отнятаго у жизни. Вотъ тутъ, вмѣстѣ съ радостнымъ удивленіемъ, что я снова вижу Яся въ его родной деревнѣ и въ его прежнихъ формахъ, подступило къ моему сердцу еще и другое чувство: страха передъ чѣмъ-то, ожиданія непонятной, грозящей кому-то опасности; можетъ быть, мнѣ, можетъ быть, другимъ, напримѣръ, Костю, его невѣстѣ, полку или всей дивизіи.

Отъ этихъ чувствъ, отъ крайняго желанія узнать, въ чемъ заключается опасность, сердце у меня сжалось и сдѣлало неробой; тогда образы сна спутались, расонъ большую тревогу, причемъ для меня сразу опредѣлилась и причина послѣдней: это

ВСЕ ЗА РОДИНУ!

Затопленная Бельгіями земля, гдѣ находились нѣмецкія траншеи.

было знакомое по прежнимъ опытамъ и довольно мучительное ощущеніе отсутствія... связи.

Связь частей въ бояхъ—великое дѣло, и вы всегда должны знать, даже въ самыя горячія минуты боя, кто у васъ слѣва, и кто справа. Это знаніе, эта прочная связь въ обѣ стороны даетъ вамъ увѣренность въ себѣ, если же вы убѣждены еще и въ баличности кое-какого резерва, то вамъ тогда не страшнѣе не только вдвое сильнѣйшій противникъ, будь онъ Венгръ или Нѣмецъ, но даже самъ дьяволъ.

Я зналъ точно, кто у меня слѣва. Когда я засыпалъ, думая о Ясѣ, то вправо отъ меня, по ту сторону деревни, въ чемъ у былъ вполне увѣренъ, располагалась вторая рота нашего полка, а еще правѣ—другія части нашей дивизіи. Когда же я проснулся, то первая моя мысль была о томъ, что справа отъ меня уже нѣтъ никого. И не только никого, но и ничего: въ этомъ непроницаемомъ мракѣ надъ разоренными войной польскими полями я чувствовалъ какую-то воображаемую, невнятную зловѣщую... пустоту.

Я не люблю одиночества и всякое пустыря, вообще безлюдныя пространства, даже въ обстановкѣ мирнаго времени тяготятъ меня. Но та пустота, о которой я говорю, пустота, уходящая въ какую-то бездну, что-то влекущее и всасывающее, была прямо ужасна.

Мнѣ хотѣлось бы точнѣе и последовательнѣе разсказать объ этихъ странныхъ ощущеніяхъ, такъ чтобы и вамъ и мнѣ самому все стало совершенно понятнымъ, да куда тамъ! Развѣ возможно запечатлѣть и потомъ передать своими словами то, что средни вдохновенію и професіонію въ душѣ, подобно блеску молніи, въ теченіе, быть можетъ, одной десятой секунды? Нѣсколько отчетливѣе я уловилъ только самый конечный моментъ моего душевнаго напряженія, тотъ ужасъ, когда, взглядываясь въ пустоту (конечно, не физическими глазами), я увидалъ, какъ тамъ, далеко, на самомъ краю воображаемой бездны, вдругъ что-то зашевелилось; этакій маленькій комочкообразный, нестерпимо гнусный... зародышъ.

— Это обходъ,—въ то же мгновеніе подумалъ я. И эту странную вѣсть изъ невѣдомой области моего собственнаго воображенія я безъ анализа и контроля тотчасъ же принялъ, какъ нѣчто совершенно безспорное, вполне реальное и точно соответствующее дѣйствительности. Словомъ, для меня уже не было никакихъ сомнѣній въ томъ, что Австрійцы, притомъ значительными силами, обходятъ нашъ правый флангъ, и я зналъ даже районъ, въ которомъ начался этотъ серьезный обходъ. Оставалось только, не теряя времени, довести объ опасности до свѣдѣнія начальства.

Кому же именно сообщить и какъ? Командиру полка? Начальнику дивизіи? Въ штабъ корпуса? Наконецъ, въ какихъ выраженіяхъ, въ какой формѣ изложить все то, что для меня было несомнѣнной истиной, а для другихъ могло показаться... просто психическимъ заблужденіемъ на почвѣ переутомленія въ бояхъ и походахъ? Какъ видите, положеніе мое оказалось не изъ легкихъ; но я, побуждаемый сознаниемъ лежащей на мнѣ ответственности, рѣшился побѣдить всѣ препятствія.

Я не стану разсказывать, какъ я разбудилъ Костю, какъ передалъ ему командованіе ротой и какъ потомъ убѣдилъ командира полка немедленно послать меня въ штабъ корпуса съ какимъ-то, впрочемъ, тоже важнымъ донесеніемъ.

Хорошо, что мѣстность была мнѣ знакома, и я, несмотря на убійственную темень, ориентировался настолько, чтобы не свалиться въ Вислу или не попасть къ Австрійцамъ. Вообще мнѣ повезло тогда, какъ никогда раньше. Достаточно сказать, что, разыскивая штабъ корпуса, я совершенно неожиданно и еще задолго до разсвѣта наткнулся на... самого командующаго арміей!

Признаюсь, что, почувствовав на себе вопрошающий взгляд этого прославленного уже генерала, я порядочно смутился. Но в то же мгновение какой-то задор, исходящий из самого сердца, словно взмыл меня кверху.

— Глубокий обход, тамь, справа, ваше высокопревосходительство! — бракнул я сразу, и для большей убедительности назвал и тот район, о котором я уже говорил вам.

Увѣряю вас, что генералъ вздрогнулъ, слушая мой докладъ; но не при словѣ «обходъ», какъ вы навѣрно предполагаете, а при упоминаніи о районѣ. Не въ обходѣ, а въ районѣ заключалась для командующаго арміей вся сила моего доклада.

— Слышали, — сказалъ онъ, обращаясь къ другому генералу, который почему-то (насколько я могъ замѣтить въ этой адской темени) сконфузился и почувствовалъ себя вышибленнымъ изъ сѣдла.

— Опасенія мои оправдываются; хорошо, что въ пору. А, вѣдь, обходъ именно тамъ, гдѣ я и предполагалъ его!

И командующій арміей послѣдно, хотя, конечно, съ полнымъ пониманіемъ дѣла, сдѣлалъ распоряженіе о немедленной развѣдкѣ въ сторону предполагаемаго обхода, для того, чтобы окончательно удостовѣриться въ справедливости привезенныхъ мною извѣстій.

Тутъ онъ, словно спохватившись, что слишкомъ много довѣрія оказано лично неизвестному офицеру, еще разъ обратился ко мнѣ съ быстрымъ, пытливымъ вопросомъ:

— Позвольте, штабсъ-капитанъ: вы еще не сказали, откуда у васъ столь важные свѣдѣнія? Источникъ ихъ?

Самъ удивляюсь, какъ у меня хватило нахальства и какъ я не подавился собственнымъ языкомъ, когда, словно по наитію овыше и даже безъ малѣйшей заминки, еще разъ бракнулъ генералу прямо въ лицо:

— Отъ Яся, ваше высокопревосходительство! Ясь... Кмѣдикъ, Полякъ, глубоко преданный мнѣ и ротѣ, такъ какъ въ этой самой гминѣ лѣтъ пять назадъ была стоянка...

— Вашего полка? Теперь понимаю, — докончилъ за меня генералъ и, видимо, удовлетворенный моими объясненіями, заинтересовался узнать и мою фамилію.

Почему я вспомнилъ въ критическую минуту о голубоглазомъ Ясѣ и назвалъ его? Самъ не знаю. Впрочемъ, какой иной отвѣтъ, сколько-нибудь подходящий къ дѣйствительности, могъ я дать на вопросъ генерала? Не это важно, а важно то, что развѣдка дѣйствительно обнаружила глубокой, очень опасный обходъ нашего правого фланга. А еще важнѣе то, какъ я узналъ вполнѣ дѣйствіи, возможность обхода именно въ этомъ направленіи, все время предполагалась командующимъ арміей, но опровергалась его штабомъ.

Для выясненія вопроса, командующій предлагалъ развѣдку, но, не встрѣтивъ поддержки со стороны штаба, самъ лично тоже не дошелъ до той точки, когда принимается и приводится въ исполненіе определенное рѣшеніе. Такое колебаніе и двойственность въ его собственныхъ мысляхъ привели командующаго арміей въ дурное расположеніе духа и завершились упорной бессонницей. Мучимый сомнѣніями и какой-то неопредѣленной тревогой, онъ, около часу ночи, велѣлъ подать себѣ лошадей и, по соображеніямъ, известнымъ только ему одному, двинулся, въ сопровожденіи небольшой свиты, какъ разъ въ томъ направленіи, по которому, навстрѣчу ему, въ свою очередь, сѣгнувъ вашъ покорный слуга.

Эта встрѣча со мной разсѣяла, повидимому, всѣ сомнѣнія командующаго арміей и укрѣпила его рѣшимость.

Вы своевременно узнали изъ телеграммъ, съ какимъ великолѣпіемъ отбросили мы Австрійцевъ къ Сану и за Санъ; но вы, конечно, и не подозрѣвали, что этой побѣдой всѣ, въ значительной степени, обя-

— Хорошего праздника и мирного года!

„Sketch“.

заны одному лицу: тому славному генералу, въ арміи котораго и имѣю честь стоять командиромъ роты.

Онъ, повторяю, вопреки упорнымъ доводамъ своего штаба, своевременно назначилъ важную развѣдку, обнаружилъ глубокой обходъ и блестяще отпарировалъ его.

Георгіотта Каргрэмъ.

Тоска.

Рождественскій рассказъ.

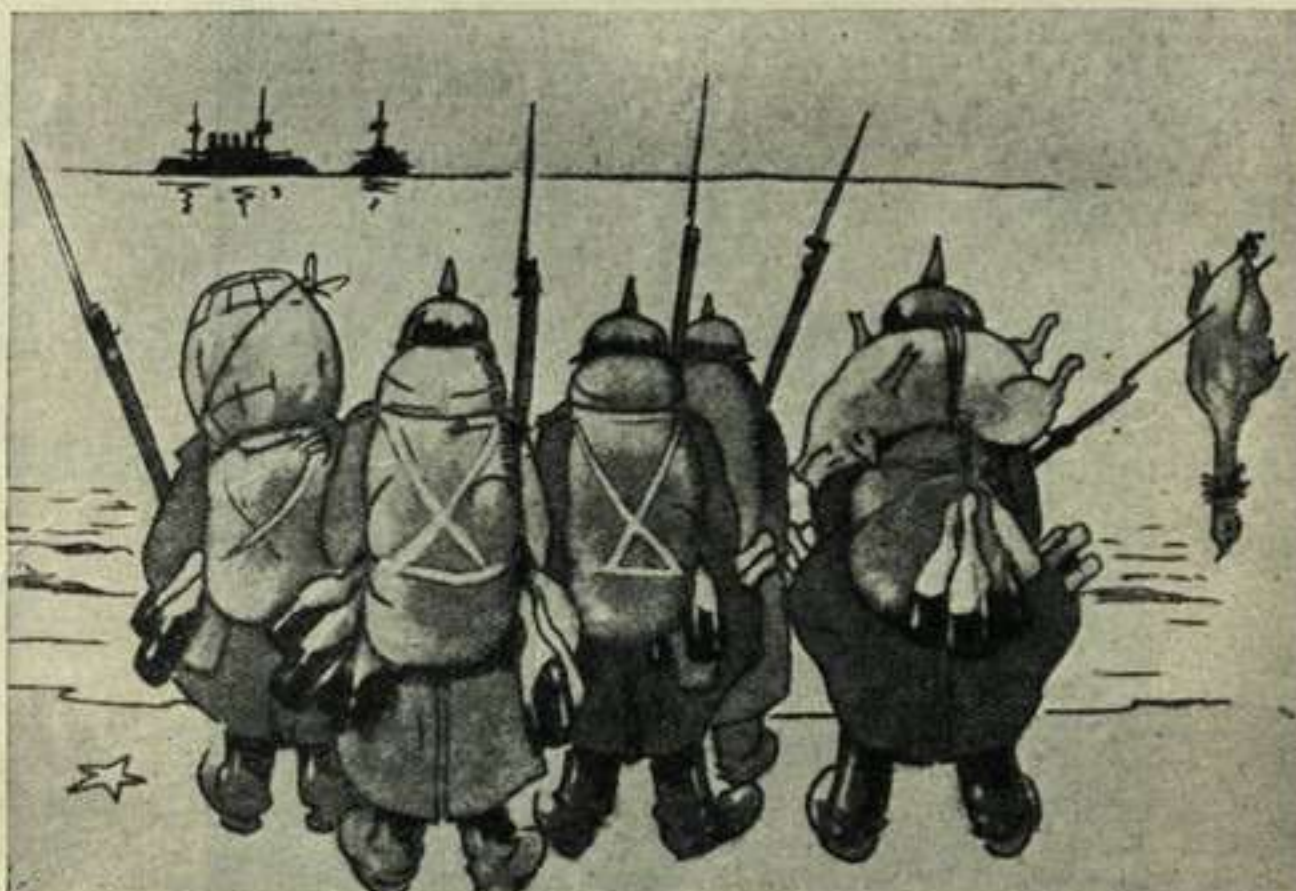
1

Съ утра шелъ снѣгъ, нѣжные и пушистые хлопья его падали и падали, устилали улицы, все запыляя собою и окутывая всѣ предметы въ фантастическій бѣлой колеблющейся пеленѣ. Въ безостан-

новочномъ мельканіи безчисленныхъ снѣжинокъ казались странными и не настоящими городскія зданія, терли определенное очертаніе и представлялись просто огромными сугробами маленькіе одноэтажные домики, изъ которыхъ главнымъ образомъ состоялъ городишко, и нестоящими, не отъ міра сего призраками металась туда и сюда людскія фигуры.

Снѣгой, однотонной, невеселой сумеречной мглой, казалось, была полна тѣсная, жарко натопленная квартирка занесеннаго снѣгомъ чуть виднаго изъ-за загороженныхъ кустовъ и деревьевъ особняка, и та же снѣга, однотонная, невеселая сумеречная мгла, исполненная какой-то немолчаливой безнадежности, плыла въ окно съ улицы навстрѣчу стоявшей у окна молодой женщины, прижавшей жаркимъ лбомъ къ холодному стеклу. Долго стояла она такъ, погруженная въ свои думы, оторванная отъ всего окружающаго.

ПЕРЕДЪ БРОНЕНОСКАМИ СОЮЗНИКОВЪ.

«Въ виду наступленія сырой погоды на побережь около Калъ наше движеніе на Лондонъ нѣсколько замедлилось».

(Изъ донесеній германскаго генеральнаго штаба).

Медленно и тяжело проползали въ головѣ какія-то, какъ будто новыя, несвойственныя ей, мысли. Давно уже было грустно. Давно! Но почему-то еще ни разу не представлялся ей ея путь такимъ печальнымъ и одинокимъ. Почему это? Неужели только потому, что сегодня сочельникъ, канунъ великаго праздника, канунъ дня, который люди по общему и бесспорному соглашенію захотѣли признать великимъ, радостнымъ, веселымъ, несущимъ съ собой обѣтованія счастья...

Мальчикъ лѣтъ восьми, въ матросской курточкѣ, съ гладко выстриженной черноволосой головой, вдругъ вбѣжалъ въ комнату, бросился къ матери, потащилъ ее отъ окна къ дивану, усадилъ и, заглядывая ей въ глаза лукавыми черными глазенками и ластясь, зашепталъ серьезно и дѣловито:

— Мамочка, миленькая, даю тебѣ слово, что Тимаръ и Володечка я ничего не скажу. Честное слово даю тебѣ. Но вѣдь я, мамочка, большой и, пожалуйста, прошу тебя, скажи мнѣ, куда ты спрятала елку? Я искалъ по всему дому. Лазилъ и на чердакъ: нигдѣ нѣтъ. Можетъ быть, ты заперла ее въ чуланъ? Но чуланъ такой маленькой. Не можетъ быть, чтобы елка была такая маленькая. А, мама? Мама, что же ты ничего не говоришь?

— Никакой елки не будетъ, Дима, — строго, почти сурово сказала мать, — ты говоришь, что ты большой, ну такъ и пойми. Ты видѣлъ, сколько привозятъ раненыхъ, люди страдаютъ и умираютъ за родину. Жены и дѣти остаются сиротами. Твой папа тоже на войнѣ. Подумай, можетъ быть, онъ сейчасъ тяжело раненъ...

Крупныя слезы покатались изъ глазъ. Тѣ, ставшія, привычными слезы, отъ которыхъ потускнѣли и покраснѣли ея, бывало, яркіе, веселые глаза. Слезы, о которыхъ она научилась не думать, и которыя забывала вытирать.

А сердце терзалось подозрительной тревогой, горькими опасеніями, мучительными сомнѣніями: почему такъ долго нѣтъ писемъ? Гдѣ онъ? Что съ нимъ? Быть можетъ, пропалъ безъ вѣсти и уже всѣ, кромѣ нея, забыли о немъ. Что онъ для всѣхъ, кромѣ нея? Крошечная песчинка въ огромномъ волнующемся океанѣ.

Безмолвно сидѣлъ озадаченный мальчикъ. Дѣтская радость потухла въ его взорѣ, личико его затуманилось, и на маленькомъ лбу собрались строгія, вдумчивыя морщинки.

— Ну, пусть елки не будетъ, — наконецъ, рѣшилъ онъ. — Слышишь, мама? Не плачь же. Я согласенъ съ тобой, не надо елки.

И види, что мать продолжаетъ быть безутѣшной, снѣгъ вздохнулъ и прибавилъ:

— Ну, хочешь, тѣ тридцать копѣекъ, которыя ты мнѣ дала на цвѣтные карандаши, я сейчасъ принесу тебѣ, и ты отдашь ихъ раненымъ? Хорошо? Ты перестанешь плакать?

— Плакать я не буду, — сказала мать, — а ты, Димочка, иди въ дѣтскую, скажи нянь, чтобы вамъ дали кушать, я обѣдать не буду. Ты будь умницей поиграй съ маленькими и посмотри, чтобы они не шалили.

Блѣдная женщина въ темномъ платьѣ осталась одна и снова долго стояла у окна. А потомъ долго ходила по комнатѣ, то ускоряя, то замедляя шаги, одинокая, покинутая, чужая и ненужная въ своемъ собственномъ домѣ.

Передъ тѣмъ, какъ спуститься вечерней тьмѣ, снѣгъ пересталъ на короткое время, точно поднялось выше и просвѣтлѣло небо, нѣжнымъ, розовымъ отблескомъ заалѣлось на востокѣ, а потомъ въ тихомъ мерцаніи стало гаснуть, и по землѣ, по широкимъ улицамъ легли керкуотворныя, то холодныя лиловыя, то теплыя фіолетовыя дороги, а въ узкихъ переулкахъ, и въ темныхъ углахъ уже вставали черныя, пугающія тѣни, и длинныя, огромныя руки ихъ, протягивались безконечно.

падая, касались сибящего сибяжного покровца и быстро хватили и притали в своих черных одеждах последние трепетные, умирающие закатные блики. А сами росли, росли, высились, ширились и, наконец, слились в одно, полное величаваго покоя, чернокрылой тишины и торжественнаго сна, имя которымъ: ночь.

Вошла пожилая женщина, прислуга, внесла зажженную лампу и сказала:

— Дети чаю накушались и спать ложатся. Чай будете пить, или убирать?

— Убери, — отвѣтила блѣдая женщина. А сама почему-то подумала: — Жаль, что она еще недавно служила в домъ и даже не видала барина. Такъ тяжело быть одной, совсѣмъ одной. Думы все такія мрачныя, безрадостныя!

На мгловеніе отвлеклось вниманіе къ доносившемуся изъ дѣтской шуму, дѣти ложились спать, и издали было похоже на тотъ гомонъ, шорохи и цвѣки, которые можно подслушать на закатѣ, когда укладываются въ гнѣздъ на ночь нащетававшіяся и налетавшіяся за день птицы. Потомъ все стихло.

Всюду чувствовалась ночь, казалась, она начиналась сейчасъ тутъ же въ комнатѣ, сейчасъ за сѣтлѣмъ кругомъ отъ абажура лампы на полу уже чернѣли окна, и рѣдкіе, мерцавшіе во мракѣ, фонари не могли разсѣять этой черноты и казалась очами той же ночи.

Гдѣ-то заскрипѣла и ступнула дверь, донеслась чьи-то голоса.

— Барыня, тамъ какой-то военный васъ спрашиваетъ.

— Спроси фамилію, — безучастно отвѣтила она, — удивленная тѣмъ, что кто-то вспомнилъ про нее въ этотъ день.

Но когда въ коридорѣ послышались быстрые, знакомые шаги, она бросилась имъ навстрѣчу, зная, и все-таки не вѣря, и на порогѣ комнаты почти столкнулась съ мужемъ. Изумленіе ея было такъ велико, что въ немъ въ первый моментъ потонула радость.

А капитанъ уже обнялъ ее и попеременно цѣлуя то лицо, то руки, радостно взволнованный, смѣялся и шуточно говорилъ:

— Если бы я былъ ревнивъ, какъ мавръ, и то я могъ бы быть доволенъ вѣрностью моей жены. Горничная безъ доклада ни за что не хотѣла пустить меня.

А она смотрѣла на него и взглядъ, ставшій вдругъ необычайно воспримчивымъ и острымъ, оцѣпывалъ знакомыя черты похудѣвшаго, ставшаго болѣе значительнымъ и суровымъ лица, ловилъ огоньчки, то загорающіеся, то потухающіе, сквозь самое веселье, печальныхъ и устремленныхъ куда-то вглубь провалив-

СВЯТОЧНОЕ ГАДАНИЕ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

«Подъ окномъ слушаютъ». — По первымъ слышаннымъ фразамъ гадать о ближайшемъ будущемъ, онъ дащезъ гадальницу.

шихся глазъ, и вдругъ съ ужасомъ остановился на блѣлой повязкѣ на рукѣ.

— Что это значитъ? — вскричала она. — Ты раненъ?

Капитанъ отмахнулся здоровой рукой.

— Взоръ, — сказалъ онъ, — контужень былъ и раненъ. Въ общемъ совершенныя пустяки. Я здоровехонекъ. А гдѣ же дѣти? Такъ хочется поцѣловать ихъ. Неужели спать? Такъ рано? Я вѣдь думалъ, что попаду къ вамъ прямо на елку.

Онъ цѣловалъ въ дѣтской головкѣ дѣтей, а она говорила, что елки не было, что жилось слишкомъ тяжело.

Онъ вдругъ оборвалъ ее.

— Ну, хорошо, хорошо. Пожалуйста, скорѣй одѣвайся. Вдѣнь въ лавки, купишь елку, игрушки, а пока прикажи приготовить самоваръ, да чего-нибудь закусить, я вѣдь голоденъ, какъ волкъ.

А потомъ они ѣхали на извозчикѣ по скудно освѣщеннымъ сѣбжымъ улицамъ. Онъ обнималъ ее за талію и прерывистымъ, взволнованнымъ голосомъ рассказывалъ:

— Ты понимаешь, какая штука. Меня было забыли въ полѣ, я пролежалъ болѣе сутокъ. Рага пустячная, а потеря крови ужасная. А подняться самъ не могъ: спину совсѣмъ отшибло. Попалъ въ лазаретъ, оттуда, когда немного поправился, переведенъ былъ въ военный госпиталь. Вы-

здоровѣлъ, наконецъ. Выписываюсь и ѣду на узловую станцію. Говорятъ, надо ждать воинскаго поѣзда, который пройдетъ только въ четыре часа утра. Значитъ, сидѣть на вокзалѣ болѣе сутокъ. Глупо! А съ узловой до насъ всего полтора часа версты. Я и рѣшился махнуть домой. И такъ радъ, такъ радъ!

Она съ какою-то упоеніемъ ловила звуки его голоса, такого дорогаго и милаго, такого знакомаго ей и какъ будто все-таки новаго.

Потомъ они стояли въ ярко освѣщенной лавкѣ у прилавка, заваленнаго игрушками, картонажами, всей той блестящей, дорогаго и не имѣющей никакой цѣны мишурой и дробеденью, безъ которой невозможно себѣ представить елку. Онъ приставалъ къ ней съ разспросами, спрашивалъ ея совѣта.

— Если Димѣ подарить заводной цѣплинь, онъ, кажется, долженъ быть доволенъ? Или, можетъ быть, лучше автомобиль? Автомобиль будетъ кататься по комнатамъ. Тамаръ, конечно, куклу. И вотъ именно эту. Дорога? Пустяки. Когда еще увидимся. А удовлетворить ли Володю бѣлымъ пушистымъ баранъ на колесахъ съ золотыми рогами и съ музыкой?

А потомъ они возвращались домой, нагруживъ извозчика елкой, и сами нагруженные свертками, пакетами и коробками. И опять онъ крѣпко обнималъ ее за талію и что-то рассказывалъ, а она, какъ ни старалась, ни могла запомнить словъ. Они падали куда-то мимо, и ухо ловило только музыку ихъ, и подъ эту музыку сердце ея, переполненное невѣдомой до того нѣжностью, говорило свое.

И то, что оно говорило, было совсѣмъ новое, ее изумлявшее, только теперь ей понятное и вызывавшее на глаза ея счастливыя и вмѣстѣ горькія слезы, полная радости новаго обрѣтеннаго чувства и глубокой жалости по томъ, что она не знала и даже не подозрѣвала его раньше.

И вдругъ у нея вырвалось:

— Если бы ты зналъ, какъ я виновата передъ тобой! Какъ легкомысленно, пошло и глупо отнеслась я къ тебѣ, къ нашей жизни, къ нашему счастью! Ничего не понимала я, вѣрнѣе, не хотѣла понять. Сама, я сама душила и губила нѣжнѣе, благоухающіе цвѣты твоей любви ко мнѣ. О, прости, прости меня! Только теперь, только сейчасъ у меня раскрылись глаза, и я вижу, какой должна быть жизнь, какой она можетъ быть. Простишь ли ты мнѣ всю мою мелочность, всѣ обиды, всѣ огорченія, все, недостойное меня и тебя, что переплелось съ тонкими нитями связавшаго насъ чувства и въ концѣ концовъ отравило бы и убило бы его? Только теперь поняла я,

какъ люблю тебя и какъ безконечно дорога ты мнѣ, какъ неразрывна твоя жизнь съ моею.

Крикомъ сердца вырвались у нея эти слова, и вдругъ она робко умолкла подъ изумленнымъ взглядомъ мужа, такимъ добрымъ, такимъ нѣжнымъ и, какъ покосилось ей, все-таки далекимъ.

— Боже мой, какъ ты взволновалась, — говорилъ онъ: — успокойся, я знаю, что ты меня любишь, а развѣ я не люблю тебя? Больше жизни люблю!

И когда они вошли въ домъ и сѣли пить чай и ужинать, а потомъ торопливо стали украшать елку, она, не переставая, слѣдила тревожнымъ и любовнымъ взглядомъ за мужемъ, и все время съ болью и тоской сознавала, что что-то недосказано и навѣки останется недосказаннымъ.

Поздно, утомленные, но и счастливые, долго еще сидѣли въ уютной комнатѣ въ сосѣдствѣ съ разукрашенной елкой отецъ и мать.

Утромъ, когда весь домъ еще спалъ, она вдругъ проснулась и увидѣла, что мужъ уже одѣтъ, въ шинели, и надѣваетъ шапку; на столѣ лежала фуражка и въ ней свернутыя перчатки.

— Проснулась? Какая досада, — я разбудилъ тебя, — сказалъ капитанъ. Думалъ, поцѣлую тебя, спящую. У дѣтей я уже былъ.

— Куда ты? — съ ужасомъ спросила она.

А сама уже одѣвалась рѣшительно и торопливо и уже вмѣстѣ съ нимъ выходила въ переднюю.

— Какъ куда? Къ мѣсту службы, — отвѣтилъ онъ.

— Сегодня? Въ день Рождества?

Онъ ничего не сказалъ.

— Прощай, милая! Не провожай, простудишься.

Она, не слушая, вышла за нимъ на крыльцо.

День Рождества былъ морозный и холодный, весь голубой и бѣлый, весь сверкающий и праздничный, точно принялъ ихъ въ свои объятія.

Еще разъ обнялись, крѣпко, нѣжно, длительно поцѣловались, съ болью оторвались другъ отъ друга.

— Откуда извозчикъ? — удивилась она.

— Съ вечера заказалъ, — объяснилъ онъ, — глушь у васъ: гдѣ же искать утромъ?

И заторопился:

— Христось съ тобой, голубка! Много хотѣлось сказать; сердце полно, какъ чаша, только словъ такихъ нѣтъ. Ну, да сама поймешь! Дѣтей поцѣлуй. Трогай, братецъ!

Онъ обернулся, кивнулъ головой, сдѣлалъ какой-то знакъ въ воздухѣ, — рукой, должно быть, перекрестилъ. Она все стояла на крыльцѣ.

Сани повернули за уголъ.

Улица была пустынная и казалась погребенной въ снѣгу. Доминики окрестъ въ высокихъ снѣжныхъ шапкахъ стояли безмолвными, враждебными колдунами, и мертвымъ, и холоднымъ казалось яркое серебряное сверканье зимняго убранства...

Съ веселымъ крикомъ, счастливые и довольные, поднимались дѣти.

Когда она вошла въ дѣтскую, Дима закричалъ:

— Мама, мы всѣ трое видѣли во снѣгу папу, и будто бы у насъ прекрасная елка, и будто бы папа подарилъ намъ кучу игрушекъ. А ты видѣла во снѣгу папу?

— Видѣла, — отвѣтила она, и подумала про себя: а можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ это былъ сонъ, только сонъ?

Но въ гостиной стояла разукрашенная елка, а въ спальнѣ подъ ноги попалась ей блестящая звѣзда.

Маркъ Басанинъ.

ДЕРЕВЕНСКІЕ НАРИНАТУРИСТЫ.

— Вотъ такъ Нѣмецъ вышел!

Съ фот. Нат. Семплиневичъ.

НИВА еженедельный иллюстрированный журнал. **1915 г.**
 ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЬ:

52 №№ журнала: повести, разск., картины, рис. в краск., иллюстрації съ театра воен. дѣйствій.

52 КНИГИ, отпечатанныя четкимъ шрифтомъ, въ которыхъ войдетъ:

12 КНИГЪ ЕЖЕМЕСЯЧ. ЖУРНАЛА „ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ПОПУЛЯРНО-НАУЧНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ“

49 КНИГЪ „СБОРНИКА НИВЫ“, содержащихъ:

1-ю СЕРІЮ—**18** КНИГЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ **Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА,**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ— **И. А. БУНИНА,** въ **12** КНИГЪ

НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ (Одном. повѣсть „ЯМА“) въ **2-хъ** КНИГЪ **А. И. КУПРИНА,**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ— **М. МЕТЕРЛИКА,** въ **8** КНИГЪ

Генеральная карта средне-европейскаго и южнаго театра военныхъ дѣйствій, подъ ред. проф. Ю. М. Шокальского.

12 №№ „Еженесичныхъ Новшнихъ Модъ“.

12 ЛИСТОВЪ выроекъ и рисункъ. рѣзальная работъ.

1 „ОТРЫВНОЙ ЕЖЕМЕС. КАЛЕНДАРЬ“ на 1915 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ со всеми приложениями на годъ: безъ доставки въ Петроградъ—6 р. 50 к., въ Москвѣ, у Печковской, 7 р. 25 к., въ Одессѣ, „Образованіе“—7 р. 50 к.; съ достав. въ Петроградъ—7 р. 50 к., съ версальскою во все мѣста Россіи—8 р.

Адресъ: Петроградъ, въ Кантору журнала „НИВА“, улица Гоголя, № 22.

ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ
 Литерат.-худ., иллюстриров. еженесичный журналъ для дѣтей

„НЕЗАБУДКА“

Задача журнала дать чтеніе, которое, возбуждая захватывающій интересъ и отвлеченный умственнымъ запросамъ дѣтей, будило бы въ нихъ благородныя стремленія духа. Отличительныя особенности «Незабудки»—тщательный выборъ материала и роскошная вышность.

Подписчики въ 1915 г. получаютъ: 1) 12 №№ журнала, свыше 800 стр. текста. 2) «Подъ грозой», пов. и съ временемъ татарщины. А. Платоновой; 3) «Любовь до конца», пов. изъ жизни первыхъ христіанъ. А. Платоновой; 4) 10 изящныхъ цветныхъ автотипій съ карт. лучшихъ худ.

Содержаніе «Незабудки» интересно и разнообразно (пов., разск., стих., популярно-научн. ст., шарады, анекдоты и пр.). «Незабудка» печатается на отличной бумагѣ и богато иллюстрируется. Въ «Незабудкѣ» печатаются только оригинальныя (не переводныя) ст. Особое вниманіе обращается на все родное. Въ «Незабудкѣ» не будетъ ничего несоотвѣтствующаго дѣтскому возрасту.

«Незабудка» имѣетъ много лестныхъ отзывовъ, приобрѣла обширный кругъ читателей и необходима въ каждой семьѣ, школѣ и библиотекѣ.

Подписная цѣна: въ годъ 4 р., за границу—6 р., полгода—2 р., 3 мѣс.—1 р., пробн. № нал. плат. 40 к. Редакція: Петроградъ, Петропавловская вѣрность, № 86. Тел. 104-53.

Ред.-Изд. прот. А. Темномѣровъ. Ред. А. Платонова.

КРАСИВЫЙ ДЕСПОТЪ
 ПОСЛѢДНІЙ АКТЪ ДРАМЫ Н. ЕВРЕИНОВА

Постановіе А. С. Суворина. Цѣна 1 рубль.

Страдающимъ ЖЕЛУДКОМЪ
ЗАПОРАМИ ГЕМОРРОЕМЪ

рекомендуется
СТОМОКСИГЕНЪ Д-ра Антона Мейеръ.

Стомоксигенъ освобождаетъ желудокъ легко, нормально и приятно и дѣйствуетъ всегда одинаково. Это средство надежное совершенно безвредное и отпускается изъ всѣхъ аптекъ по рецептамъ врачей. Остерегайтесь поддѣлокъ! На оригинальной коробкѣ имя Д-ра Антона Мейеръ и адресъ Екатерина кан. № 19, выписано полностью. Лабораторія: Лондонъ, Парижъ Нью-Йоркъ.

РЫБОЛОВЫ И ОХОТНИКИ!
 требуйте за 7 к. марку пробн. № журн. «Рыболовъ и Охотникъ», Адресуя: Вятка, конт. «Рыболовъ и Охотникъ».

«Книгоизд. Т-во», Птрзд. Невскій, 158.
В. И. КРЫЖАНОВСКАЯ.
 „СВѢТОЧИ ЧЕХІИ“, пет. рм. 2 р. (Почети. отзывъ Академіи Наукъ)
 „ПАУТИНА“, рм. 2 р. 50 к. (Нѣмецкое изданіе).
 „БЛАЖЕН. НИЩЕ ДУХОМЪ“, 1 р. 80 к.

Подарки и Подношенія
 крайне выгодно, у ювелира.
 Супр. съ 1878 г. С. М. ВОЛОСЪ.
45, Литейный, 45.
 Продажа и обмѣнъ драгоценн. вещей.

А. Ю. Пилсудскій Невскій, 96.
УРАЛЬСКІЕ КАМНИ.
 Громадный выборъ драгоценныхъ уральскихъ камней.
 Цѣны въ конкурренціи. Лучшие мастера. Художественн. исполнен. ювелирныхъ заготовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на **1915 г.** (26-й г. изд.)
 Подписной годъ начинается 1-го ноябръ. № 1 разосланъ, подписка продолжается.

Природа и Люди
 ИЗДАНИЕ П. П. СОЙКИНА

52 №№ художественно-иллюстрированнаго журнала
 Романы, повѣсти, рассказы; статьи по всѣмъ отраслямъ знанія и техники; современная жизнь.
 Съ особымъ иллюстрир. приложениемъ „ВОЙНА“—обзоръ войны за недѣлю.
 БЕЗПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ: абонементъ № 1, или № 2, или № 3, по выбору г.г. подписчиковъ:

Абонементъ № 1	Абонементъ № 2	Абонементъ № 3
52 КНИГИ СОЧИНЕНІЯ ЗНАМИТАГО ПОЛЬСКАГО ПИСАТЕЛЯ ЮСИФА ИГНАТІЯ КРАШЕВСКАГО подъ редакціей І. І. ЯСИНСКАГО 8.500 стр.	20 КНИГЪ ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ ЗНАМИТЫХЪ ФРАНЦУЗСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ЭЛЬЗАСЦЕВЪ ЭРКМАНА - ШАТРИАНА 3.500 стр. = СОЧИНЕНІЯ = Капраль Фредерикъ.—Исторія 1870 года.—Эльзасъ.—Нашествіе.—Тереза.—Исторія рекрута.—Ватерлоо.—Блокада.—Знаменитый д-ръ Мапеусъ.—Дѣдушка-вандеецъ.—Даніель Рокъ.—Пріятель Фрицъ.—Народныя рейнскіе разсказы.—Признаніе флейтиста.—Исторія школьнаго учителя.—Сиринка повѣшеннаго и др.—Два брата.—Исторія крестьянина.—Генеральныя штаты.—Отчество въ опасности.—Первый годъ Республики.—Гражданинъ Бонапартъ.—Воспоминанія бѣдняка.	16 КНИГЪ КАПИТАЛЬНОГО СОЧИНЕНІЯ КОСТОМАРОВА больш. формата ИСТОРИЯ РОССИИ Въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣтелей. Въ эти дни великой войны, когда совершается заключительный актъ собія днѣ Земли Русской, и мысль, естественно, обращается къ историческимъ судьбамъ нашей родины, классическій трудъ Костомарова приобретаетъ особенно живую интересъ.
При № 1 журн. разосланъ романъ „ОСАДА ЧЕНСТОХОВА“ За нимъ слѣдуютъ романы: ДРЕВНЕЕ ПРѢДАНИЕ.—ОСТАПЪ БОНДАРЧУКЪ.—КАЛИШЬ.—БОРЬБА ЗА КРАКОВЪ.—ДВА СВѢТА.—ХАТА ЗА ОКОЛИЦЕЙ.—КУНИГАСЪ, ВОЖДЬ ЛИТОВЦЕВЪ.—КОМЕДИАНТЫ.—ЛЮБОНИ.—ПАНЪ ТВАРДОВСКІЙ.—ГРАФЪ БРЮЛЬ.—ПОСЛѢДНІЙ ИЗЪ СЫКИРИНСКИХЪ.—УЛЬЯНА.—ОСТОРОЖНѢ СЪ ОГНЕМЪ.—МАСЛАВЪ.—ВУДНИКЪ.—ЕРМОЛА.—КНЯЗЬ МИХАИЛЬ ВИШНЕВЕЦКІЙ.—ВОЖИЙ ГИВЪ.—СИРОТСКАЯ ДОЛЯ.—ДѢТИ ВѢКА.—ВОЛЕСЛАВОВЦЫ.—ЯНЪ СОВѢСКСКІЙ.—ГЕТМАНСКІЕ ГРѢХИ.—КОРОЛЬ ХЛОПОВЪ.—СѢИНСКЪ.—СЕМИЛѢТНЯЯ ВОЙНА и др.	20 КНИГЪ СОБР. СОЧИНЕНІЙ АНГЛІЙСКАГО ПИСАТЕЛЯ РАЙДЕРА ХАГГАРДА 3.200 стр. Братья.—Мечта міра.—Она.—Люди тумана.—Аланъ Кватерманъ.—Нада.—Эрикъ Свѣтлооній.—Сердце міра.—Клеопатра.—Дочь Монтезумы.—Д-ръ Тернъ.—Завѣщаніе Миаона.—Жемчужина Востока.—Копи царя Соломона.—Аша.—Бенита.	12 КНИГЪ ЕЖЕМЕС. ИЛЛЮСТРИР. ЖУРНАЛА ЗНАНИЕ ДЛЯ ВСѢХЪ 2.300 стр. = ЖУРНАЛА = Энциклопедія знаній—вотъ программа журнала «Знаніе для всѣхъ». Строгая научность при доступномъ изложеніи, небольшая объѣмъ при широкой всесторонней обработкѣ предмета—таковы главныя черты журнала. Подписная цѣна на «Знаніе для всѣхъ» безъ журнала «Природа и Люди» 4 руб. съ доставкой и перемѣлкой.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: За 52 №№ журнала «Природа и Люди» съ 7 руб. въ годъ 8 руб. въ годъ безъ дост. и перес. безъ дост. и перес. № 1, № 2, или № 3

РАЗСРОЧКА ДОПУСКАЕТСЯ: при подпискѣ 3 р., къ 1 марта 3 р. и къ 1 июля остальные Или въ теченіе перв. мѣсца. подл. года, начиная съ ноября, по 1 р.

ЖЕЛАЮЩЕ МОУТЪ, ОДНОВРЕМЕННО съ подпиской на любой абонементъ, СЕРХЪ ТОВА, получить по своему выбору любое приложение изъ другихъ абонементовъ, за особую плату, а именно: Сочиненія Крашевскаго, 52 кн. за 6 руб. Полное собр. сочиненій Эркмана-Шатриана, 20 кн., за 2 руб. 40 коп. «Миръ Приключеній», 12 кн., за 2 р. Сочиненія Н. И. Костомарова, «Исторія Россіи», 16 кн., за 3 руб. «Знаніе для всѣхъ», 12 кн., за 3 руб. Сочиненія Райдера Хаггарда за доплату не высчитываются.

РАЗСРОЧКА ЗА ДОПЛАТНЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ доускается: при выпискѣ на сумму до 3 р., слѣд. уплат. при подпискѣ не менѣе 1 р. При выпискѣ на сумму болѣе 3 р., слѣд. уплат. при подпискѣ не менѣе 3 р. Остатки, гдѣма, причит. за доплатн. прилож., дожна бытъ уплачена не позди. 1 марта.

Главная Кантора: Петроградъ, Стремянная, 12, соб. д. Изд. П. П. Соикина.

378

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“

ПРОДАЮТСЯ НОВЫЯ КНИГИ:

Н. Каринцевъ

**ДВА
ДРУГА**

ИЗЪ ЖИЗНИ
ВЪ ЛЬСАХЪ АФРИКИ

ПОВѢСТЬ
ДЛЯ ДѢТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА.

Съ рисунками
худ. С. Плошинскаго.

Цѣна: въ бум. 1 р. 50 к.,
въ папкѣ 1 р. 75 к., въ
переплетѣ 2 р. 25 к.

Н. Каринцевъ

**СКАЗКИ
И
ЛЕГЕНДЫ**

**ШВЕДСКАГО
НАРОДА**

ВЪ ОБРАБОТКѢ
ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Съ 78 рисунками
шведскихъ художниковъ.

Цѣна: въ бум. 1 р. 75 к.,
въ папкѣ 2 р., въ пере-
плетѣ 2 р. 50 к.

В. МИКУЛИЧЪ

— ДУСЯ —

РАЗСКАЗЫ

Цѣна 1 рубль.

Изабелла Гриневская.

ИЗЪ КНИГИ ЖИЗНИ

РАЗСКАЗЫ

Цѣна 1 рубль.

А. П. АРАПОВА

КТО-ЖЕ? ПЕРВОВЫТНАЯ ФЕМИНИСТКА.

Цѣна 2 рубля.

Цѣна 20 коп.

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“. Петроградъ, Эртелевъ, 13

